
Елена ЯНГЕ

СТАРЫЕ ЗЕРКАЛА

Роман

Изнутри просияло облако,
Стало вдруг светло и таинственно...

София Парнок

ЧАСТЬ I

ПОД КАБЛУКОМ

Глава 1

— Имя — визитная карточка человека, — сказал Александр Владимирович. — Назовем сына Максимилианом, что в переводе с латыни — «величайший из рода Эмилиев».

Связь с родом Эмилиев Людмила Ивановна не уловила. Она поступила проще — стала называть сына Максом. Александр Владимирович не возражал. Полистав книги по детской психологии, он погрузился в составление плана развития Максимилиана. Сюда входило множество дисциплин: знакомство с музыкой, историей, живописью, литературой, приобщение к театру. Отсутствовало одно — физическое воспитание. Причина была очевидной: Александр Владимирович и спорт находились в параллельных мирах.

Выполняя план мужа, Людмила Ивановна водила Макса в цирк, на концерты, в театры; учила мальчика читать и писать. Когда сыну исполнилось пять лет, Александр Владимирович объявил о векторном этапе развития. Начало положил исторический вектор, вслед за ним появились музыкальный, литературный, естественно-научный.

Все бы хорошо, но Макс часто болел. Максимилиана перевели на индивидуальное обучение, и в квартиру профессора Маушевского зачастили учителя. Перевести на индивидуальное обучение было непросто, но Александр Владимирович нажал на нужные «клавиши» и все устроил.

Игра на «клавишах» шла по накатанной схеме. Александр Владимирович звонил нужному человеку и говорил:

- Здравствуйте, это — профессор Маушевский.
- Добрый день, — отвечали ему. — Вы от кого?
- От Павла Петровича.

Кто такой Павел Петрович, ни Людмила Ивановна, ни Макс не знали. Может, декан факультета МГУ, может, партийный босс. Суть не в этом. Александр Владимирович получал то, что хотел.

Елена Янге родилась и живет в Москве. Окончила МГУ им. Ломоносова. Финалист и лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе Международного литературного конкурса «Золотой витязь-2016» в номинации «Проза» за роман «Транс» (Аквилегия-М) и Международной литературной премии «Ясная Поляна-2014» в номинации «Детство. Отрочество. Юность».

НЕВА 8°2018

Невысокий, полный, с аккуратно подстриженной бородкой, профессор Маушевский, по сути, был настоящим артистом. Его голос обволакивал слух, улыбка дарила тепло, костюм радовал взгляд. Александр Владимирович действовал по Карнеги — улыбался собеседнику и многократно повторял его имя. Тактика работала безотказно. Профессор Маушевский очаровывал дам, вызывал симпатию студентов, легко заводил нужные знакомства.

Максимилиан обожал отца и ждал общения с ним как награды. Временами отец предлагал погулять.

— Пойдем обнажим наши души, — говорил Александр Владимирович.

Отец и сын шли к Воробьевым горам, и профессор Маушевский испытывал удовлетворение. В таких прогулках было все, что он любил: серьезные разговоры, словесная игра, обстоятельные рассуждения.

Макс и Александр Владимирович проходили сквер и останавливались на набережной. Глядя на Москву, профессор Маушевский рассуждал о зыбкости будущего, непоколебимости прошлого, призрачности настоящего. Он говорил витиеватыми фразами и молодел на глазах. Максимилиан многого не понимал, но рассуждения отца были интересны. Они будили воображение.

Мальчик начинал фантазировать, и его мысли уносились в неведомые края. Иногда Максусу казалось, что он прилетел с далекой планеты. Опасное приземление, важное задание на грани жизни и смерти. Стоит его выполнить, как Макс исчезнет и растворится в Космосе. Эта мысль приносила грусть и радость одновременно. Грусть оттого, что не хотелось умирать, радость — от чувства выполненного долга.

Университетский сквер был вторым местом прогулок. Сквер примыкал к Главному корпусу и тянулся до смотровой площадки. Здесь царил идеальный порядок. Дорожки, посыпанные кирпичом, канадские ели, бассейн с каменными кувшинками. Вокруг бассейна росла сирень и стояли бюсты ученых. Усевшись на лавочку, Макс замирал. В такие минуты он слышал голоса. Ученые старцы обсуждали научные проблемы, птицы выясняли отношения, ветер болтал с кувшинкой.

— Что нового? — спрашивала кувшинка.

— Жизнь удивительна, — отвечал ветер.

— Чушь. Жизнь скучна и однообразна.

— Посмотри вокруг, — шелестел ветер. — Видишь, сирень зацвела.

— Ну и что? Она цветет каждый год.

— Я не о том. Нынче такие цветы...

— Подумаешь, — ворчала кувшинка. — Скоро лепестки упадут и превратятся в труху.

— До этого еще далеко. А сейчас... сейчас они живут полной жизнью. И дарят радость.

Ветер подлетал к кустам и целовал лепестки сирени.

— Какие нежности, — фыркала кувшинка. — «Дарят радость», «жизнь удивительна». Слова, и ничего больше.

Макс знал этот сквер с раннего детства. Слева от бассейна располагались бюсты Павлова, Мичурина, Попова, Докучаева, Чернышевского, Лобачевского; справа стояли бюсты Жуковского, Тимирязева, Менделеева, Чебышева, Герцена, Ломоносова. Время от времени Макс подходил к одному из старцев и пытался завязать разговор.

— Папа говорил, что ты вырастил антоновку, — глядя на Мичурина, заявлял мальчик. Мичурин не отвечал. Макс поворачивался к Павлову.

— Ты был врачом.

Тишина, за ней чуть слышный вопрос: «Что вырастет из тебя, маленький фантазер?»

— Я буду волшебником.

Сжав губы, Макс ждал возражений. Он знал, чудеса существуют, но, к сожалению, взрослые в них не верят. Мальчик обходил бюст Павлова и, спрятавшись за кустом, бормотал:

— Когда стану большим, тебя расколдую.

Взгляд академика теплел. Что и говорить, стоять на постаменте мало радости. Слезть бы с него, пройтись...

Главный корпус смотрел на Макса и качал золотистым шпилем.

«Ох уж, эти мальчишки. Одно беспокойство от них».

Солнечные лучи, усевшись на шпиль, посылали солнечных зайчиков. Те лезли в носы проходим, прыгали по дорожкам, скакали по ветвям сирени. Макс и профессор Маушевский перемещались в сквер между физфаком и химфаком. Александр Владимирович заводил разговор о силе разума, рациональном восприятии мира, загадках природы. Усадив сына перед памятником Ломоносову, он говорил:

— У меня — важная встреча. Подожди пару часов.

Профессор Маушевский удалялся, и Макс замирал. Он впитывал запахи сквера, слушал разговоры студентов, ворчание Главного корпуса.

— Осень всегда кончается неожиданно. Утром ясно, вечером — дождь. А у студентов ничего не приготовлено. Ни теплых курток, ни перчаток, ни шапок. Что за беспечность? Хотя чему удивляться — молодость всегда беспечна.

Главный корпус вздыхал и, расправив могучие плечи, оглядывал близлежащие окрестности. Внизу красовались физфак, химфак и биофак. Между ними — памятник Ломоносову, скамейки, дорожки, посыпанные кирпичом. Ветер носился по скверам и развлекался с листвою. Листья опускались в фонтаны и падали на скамейки. Ветер был счастлив. Осень — его время. Ветер поднимал жухлые листья и, окунув их в лужи, плевался в университетские окна.

— Вот пронюра, — вздыхал Главный корпус.

Ветер веселился от души. Он проносился в арках, пригибал кусты, раскачивал фонари. Ему было на всех наплевать. И на Главный корпус, и на студентов, и на двадцать девять факультетов.

— Старый дурак, — усевшись на шпиль, кричал ветер.

— Тихе-тихе, — волновались фонари. — Сколько можно шуметь?

Главный корпус не шевелился. Высоко подняв шпиль, он смотрел на Москву.

«Шпиль — моя гордость. Он связан с солнцем. А может, со Вселенной. Да-да, так и есть. Над Москвой — два светила: одно — на небесах, другое — на шпиле».

На МГУ опустились сумерки, вдоль дорожек зажглись фонари. Ворох опавшей листвы кружился в воздухе и распадался на части.

— Тихе-тихе, — ворчали фонари.

Макс посмотрел на фонари. Холодно, зябко, сыро. Каково им стоять на ветру?! Днем и ночью, осенью и зимой. Ни развлечений, ни книг, ни свободы.

«Хорошо, что я — не фонарь, — подумал мальчик. — Могу ходить, читать, смотреть телевизор. А у фонарей — только работа. Свети и свети».

Кутаясь в шарфы, мимо бежали студенты. Они напоминали мышей. Макс мысленно бежал с ними, заходил в вестибюль метро, спускался на эскалаторе. В метро — ни мрака, ни сырости, ни порывов ветра. Тепло и уютно. К платформам неслись поезда и, впусив в себя уставших людей, устремлялись в туннель.

— Тук-тук, домой. Тук-тук, быстрее.

Поежившись от холода, Макс перевел взгляд на высотку. В понимании мальчика Главный корпус олицетворял то, о чем говорил отец, — величие и основательность.

У сквера остановилось такси. Из машины вышел Александр Владимирович и помахал Максу рукой. Мальчик сорвался со скамейки.

— Па-а-а! — крикнул он.

— Ну-ну, — улыбнулся Александр Владимирович. — Вижу, заждался.

Прижав сына к груди, он шепнул:

— Маме ни гу-гу. Договорились? Скажешь, что были в цирке.

Хранить секреты Максимилиан умел. Людмила Ивановна так и не узнала, что в ожидании отца он просиживал на скамейке несколько часов подряд. Но Макс не роптал. Для него ждать — не проблема. Вот только холодно.

Макс сел в машину и мысленно помахал рукой Главному корпусу. Дескать, и у меня — два светила. Первое — солнце, второе — отец.

Глава 2

К матери Макс относился как к самому близкому и родному человеку. Мать была для Максимилиана лучом, озаряющим мир. В отличие от Александра Владимировича Людмила Ивановна не вещала, стоя на пьедестале, она растворялась в сыне и дарила ему любовь.

Людмила Ивановна была красивой женщиной. Мягкие черты лица, боттичеллиевский лоб, темные, чуть влажные глаза, высокий бюст, маленькие кисти рук. Словом, воплощение женственности. Для Макса мать была доброй волшебницей. Она появлялась незаметно, говорила без пафоса, не лезла с советами. Интеллигентная, мягкая, доброжелательная, Людмила Ивановна не любила сплетен и трепетно охраняла личную жизнь. О чем она думала? Макс не задавал подобных вопросов. Мама спокойна, и хорошо. Если возникнет необходимость, она решит любую проблемы. Что еще надо ребенку?

Макс знал, мать родилась в семье работника МИДа. Его дед — отец Людмилы Ивановны — в тридцатых годах работал в Англии в советском посольстве. В Лондоне Мила и родилась. Как говорил Александр Владимирович, Людмила Ивановна должна получить английское гражданство по праву рождения. Однако этим вопросом Людмила Ивановна не занималась. Ее родители умерли, контакты в МИДе потеряны, да и зачем второе гражданство? Александр Владимирович не одобрял подобной позиции, однако не распространялся на эту тему. Главный акцент в политическом воспитании сына сводился к светлому будущему СССР.

Макс верил отцу. Тот был профессором политэкономии и хорошо разбирался в общественно-политических вопросах. С пятого класса в обязанности Макса входила покупка газет и журналов. Мальчик спускался к киоску «Союзпечать» и покупал для отца «Правду», для матери — «Литературную газету». Толстые журналы приходили по почте.

После седьмого класса Макса отправили за границу. Эту поездку устроил отец. Узнав об обмене школьными делегациями между Москвой и Прагой, профессор Маушевский нажал на нужные клавиши и добился того, чтобы в вожделенный список включили его сына.

Советскую делегацию разместили в одной из школ Праги. Девочки жили в классных комнатах, мальчики — в спортзале. Скромная обстановка не вызывала дискомфорта. Завтрак и ужин — в школьной столовой, обед — в кафе, досуг — на спортплощадке. Первую неделю заполнили экскурсии, соревнования, встречи в Союзе советско-чехословацкой дружбы. Завершающая часть программы — знакомство с чешской семьей. По плану, утвержденному в высших инстанциях, каждый член советской делегации должен был прожить три дня в семье чешского сверстника.

Максимилиан попал в гости к Ярке. Тот не раз принимал участие в совместных экскурсиях, и Макс симпатизировал этому парню. Однако общение в коллективе — это одно, проживание в чужой семье — совсем другое. Для Макса последние два дня были испытанием. Родители Ярки плохо говорили по-русски, к тому же другой быт, чужие привычки, иная среда. Макс нервничал и мечтал об одном — вернуться в спортзал. Там, по крайней мере, свои. Друзья Ярки тоже не вызывали восторга. Подростки курили, пили пиво, прилюдно целовались. Первая прогулка провалилась по всем статьям. Макс хмурился, Яркины друзья отпускали непонятные шутки. На второй день Макс заметил гитару. Он уселся в сторонке и начал перебирать струны. Вскоре Макс оказался в живом кольце. Чешские ребята одобрительно кивали в такт музыке и даже аплодировали. Дескать, все хорошо — продолжай. Максимилиан вспоминал то, чему учился в музыкальной школе. Он сыграл польку, вальс, мелодии популярных песен. Конечно, он волновался. От напряжения у него затекли ноги, щеки полыхали огнем. И тут Макс ощутил нежное прикосновение. Он поднял глаза и увидел симпатичную девушку.

— Мартина, — улыбнулась девушка.

Макс покраснел и чуть слышно представился:

— Максимилиан.

— Сыграй «Подмосковные вечера». А я спою.

Макс кивнул. Он взял нужные аккорды, и Мартина запела:

— Не слышны в саду даже шорохи...

Мартина пела чисто, с чуть уловимым акцентом.

— Ей отец — русский, — пояснил Ярка.

То ли Мартина «виновата», то ли родная мелодия, но Макс сразу расслабился. По просьбе ребят он подобрал аккорды к чешским песням, и тут началось настоящее веселье. Одну из песен пришлось сыграть много раз — так она всем нравилась. Ее смысла Макс не понял, но слова зацепились в памяти.

Мы дамэ руку сэма, а покидамэ вэма,
А покидамэ сэма, а паксни затрэсэма.
Уделама гокки-хокки ротацы,
Ать мамэ леграци!

Расставаясь, Мартина приподнялась на цыпочки и поцеловала Макса в щеку.

— А ты — красивый.

Максимилиан был ошеломлен. Первый поцелуй, к нему — комплимент. Необыкновенно сильное ощущение.

На следующий день Ярка решил познакомить Макса со своей бабушкой. Вернее, так решила бабушка Ярки. Узнав, что у внука гостит московский школьник, она попросила привезти его в гости. С утра пораньше Ярка и Максимилиан поехали на другой конец города. Макс вошел в маленькую квартиру и увидел старушку, сидевшую на диване в окружении плюшевых подушек.

— О, русский хлопец, — радостно приветствовала старушка.

— Бабочка баловэ ноги, — пояснил Ярка.

— Да-да. Ноги совсем не ходят.

Максимилиан вскинул брови. Он не ожидал, что бабушка Ярки говорит по-русски.

— Сядь рядом, — попросила старушка. — Посмотри на тебя.

Усевшись на диван, Макс улыбнулся.

— Красивый, чернобровый. И глаза — ясные.

«Второй комплимент», — подумал Макс.

— Ярка, принеси пиво.

Ярка сбегал на кухню и принес две бутылки. Бабушка наклонилась к вставленной в ручку дивана скобе и ловко открыла бутылку. Утолив жажду, она вытерла губы и подмигнула Максусу:

— Странно — да? Бабушка и пиво. А я вот привыкла.

Макс скупно улыбнулся. Допив бутылку, старушка предложила Ярке сходить в магазин. Она написала список покупок и принялась за вторую бутылку. Максимилиан отвел взгляд. Бабуля пила пиво, как воду.

— Вот что скажу, — закончив с пивом, сказала старушка. — Русские мне как братья.

Начало разговора Максусу понравилось. Шел 1968 год, и Макс уже успел устать от косых взглядов в сторону русских. По словам Вацлава Ярославовича, директора школы, «косяки» бросала левая прозападная молодежь. В чем заключалась левизна, Макс не понимал, но во время экскурсий старался не отрываться от группы.

— Когда советские войска освобождали Прагу, я работала в госпитале, — сказала старушка. — Там и познакомилась с русским офицером. Пока за ним ухаживала, выучила русский язык.

— Здорово.

— Молодой была, быстро слова запоминала. К тому же любила советских солдат.

Макс улыбнулся.

— Да-да. Как их не любить? Прагу освободили, жизни своей не щадили. Разве этого мало?

Вытерев губы, старушка продолжила:

— Гагарина люблю особо. Какой обаятельный. Смотрит с экрана и улыбается. Кажется, именно тебе. Дескать, привет, бабуля. Не хочешь в космос?

— А офицер, за которым вы ухаживали, где он сейчас?

— Поцеловал на прощание и уехал на родину. Когда прощался, подарил брошь.

Смотри.

Старушка распахнула вязаную кофту, и на простенькой блузке блеснули красные камни.

— Камни, конечно, не настоящие. Но веришь, брошь — самое дорогое, что у меня есть.

— Брошь — символ любви, — сказал Макс.

Бабушка хлопнула Макса по коленке и, подмигнув, рассмеялась.

— В Ярке есть русская кровь. Я рада этому.

То ли потому, что бабушка была словоохотлива, то ли потому, что действительно любила русских, но пока Ярка ходил в магазин, Максимилиан услышал много интересного. Старушка рассказала о взятии Праги, о подвигах советских солдат и чешских обычаях.

— Всю жизнь мечтаю попасть в Москву. Видимо, не доведется, — сказала она в завершение разговора.

При расставании Макс обнял Яркину бабушку от всего сердца. В ответ та поцеловала Макса в макушку и сказала:

— Храни тебя Дева Мария!

Вечером Максимилиан вернулся в школу и вздохнул с облегчением. Посещение чешской семьи завершилось.

За день до отъезда с Максом произошло неприятное событие: он заболел. Ночью поднялась температура, и доктор посоветовал остаться в школе. Чтобы Макс не скучал,

к нему в гости пришли Ярка и Мартина. В школе никого не было, кроме руководителя делегации. То ли из-за Макса, то ли по другой причине он тоже не поехал на экскурсию.

К обеду Макс почувствовал себя лучше и решил выйти на спортплощадку. Мартина с Яркой начали партию в теннис, Макс выступал в качестве рефери. Послышался скрип калитки, и на садовой дорожке показался элегантно одетый мужчина. Он был одет по-спортивному — в светлые брюки и полосатую тенниску. Мужчина подошел к теннисному столу.

— Хелло, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответил Макс.

— Ты — русский?

Макс приветливо улыбнулся. Судя по отсутствию акцента, перед ним стоял соотечественник.

— Есть ли в школе взрослые?

— Руководитель делегации, — ответил Макс.

— Вот и хорошо.

Ярка и Мартина продолжали играть, Максимилиан вызвался проводить гостя.

— Ну как там — в Советском Союзе? — скривив губы, спросил незнакомец.

На Макса повеяло холодом.

«Странное дело. Сказал фразу, будто барьер поставил».

Мужчина остановился.

— Присядем, — предложил он и указал на ближайшую скамью. — Слышал о белоэмигрантах?

— Конечно.

О белой эмиграции Макс читал в энциклопедии. Александр Владимирович подарил сыну подписку на Советскую историческую энциклопедию, и в книжном шкафу уже стояло десять томов. Первые два тома были на буквы «А» и «Б» Макс их уже проштудировал, остальные ждали своего часа.

— Будем знакомы, — сказал мужчина. — Потомственный дворянин, служил в денникинской армии. А потом...

Незнакомец достал сигареты и закурил.

— Потом жизнь на чужбине. Скитания, ностальгия, тоска...

— Хотите вернуться? — спросил Макс.

— Куда — в Советский Союз?

Мужчина презрительно хмыкнул.

— Нет, молодой человек. Увольте. России больше нет и никогда не будет.

— Как это нет? — удивился Макс. — Конечно, Россия — не та, что когда-то. Но это нормально.

У Макса возникло желание рассказать о стране, где он родился и вырос, и неожиданно для себя он разговорился. Вдали от родины такое бывает. К тому же возникает желание приукрасить действительность, опустить недостатки, поведать о достижениях. О них Макс и рассказывал. Он говорил о стройках-пятилетках, бесплатном образовании, больших городах...

— В ваших городах — помойки и бродячие собаки..., — перебил белоэмигрант. — Ни свободы слова, ни выбора. Зарплата инженера — сто рублей в месяц, всюду процветают блат и руководящая роль партии.

Белоэмигрант выпрямился и, сузив глаза, обрушил поток критики. Тонкие губы незнакомца выплевывали ее с нескрываемым наслаждением.

— Сталина развенчали, убрали из мавзолея, а тиранию оставили. Вместе с ней — тотальный надзор. А лозунги — «Коммунизм», «Светлое будущее»... — чем только

пудрят мозги?! Взять, например, тебя. Вроде нормальный парень, а говоришь, будто по бумажке.

Максимилиан вскочил со скамейки.

— Какая бумажка? Я к вам с открытой душой... А вы..., вы только помойки и видите. Разве в СССР нет достижений? Разве исчезли Москва и Ленинград?

— Санкт-Петербург. В этом городе я родился и вырос.

Незнакомец вздохнул.

— Увидеть бы, пройтись вдоль Невы...

И в этот момент показался руководитель делегации. Подойдя к скамейке, он спросил:

— Маушевский, с кем разговариваешь?

— С белоэмигрантом, — ответил Макс.

Лицо руководителя окаменело.

— Иди в кабинет и жди меня там.

Максимилиан направился к школьному корпусу. Последние слова, что он услышал за спиной, были такими:

— Попрошу выйти с территории школы.

— У меня — небольшая просьба. Моя племянница — учитель литературы в московской школе...

— И речи быть не может, — перебил руководитель делегации. — Никаких просьб.

В кабинете Макс задержался надолго. Он ответил на вопросы и по просьбе руководителя делегации написал то, о чем говорил белоэмигрант.

Наконец Макса отпустили. Ярка и Мартина ждали у теннисного стола.

— У тебя проблемы? — спросила девушка.

— Не знаю, — честно ответил Макс.

Белоэмигранта Максимилиан видел еще один раз — в день отъезда. Делегацию советских школьников провожали с большой помпой. На вокзал приехали директор школы Вацлав Ярославович, учителя, официальные лица из комитета советско-чехословацкой дружбы. Белоэмигрант появился за десять минут до отправления поезда. Он остановился у вагона и обратился к руководителю делегации:

— Вас не затруднит передать моему внучатому племяннику гитару?

— Затруднит.

— Почему? Эдуард подойдет к вагону...

— Детский сад, честное слово, — возмутился руководитель. — Не передам, и точка.

— Ну и черт с вами.

Белоэмигрант повернулся и увидел Макса.

— Могу сделать подарок? Вот, например, этому парню.

Максимилиан насторожился. Белоэмигрант подошел к Максиму и протянул красиво упакованную рубашку.

— Держи. В СССР такой не найдешь. Для родственника приготовил.

Усмехнувшись, белоэмигрант добавил:

— Но у вас такие кордоны — ни пройти, ни проехать.

Возникла пауза. На Макса глядели официальные лица, директор Вацлав и руководитель делегации.

— Не нужен ваш подарок, — ответил Макс.

Лицо руководителя прояснилось.

— Слышали?

— Все хуже, чем думал, — проворчал белоэмигрант и отошел от вагона.

И в это время появился Ярка. Он бежал по перрону и размахивал пакетом.

«Вот кого не хватало, — подумал Макс. — То-то смотрю, не пришел проводить».

— Макс! Дарек про тебе! — крикнул Ярка. — Од бабички.

Ярка остановился и раскрыл пакет. В нем лежал вязаный жилет. Макс вытащил подарок Яркиной бабушки и улыбнулся. Жилет был сказочно красив. Сине-фиолетовый, пушистый, на груди — серебряные звезды. Будто на ночном небе.

— Меряй, — сказал Ярка.

Макс натянул жилет.

— Прямо космонавт, — усмехнулся директор Вацлав.

Провожающие рассмеялись, и громче всех Макс.

— Вот это — настоящий подарок, — выпятив живот, заметил руководитель делегации. — А то рубашка... Можно подумать, у нас рубашек не шьют.

Домой Макс вернулся героем. Сколько всего увидел, сколько узнал... К тому же влился в коллектив. Рассказывая о поездке, Макс глядел на отца. Он ждал похвалы. За исторические подробности, за цепкость взгляда... Людмила Ивановна переспрашивала, уточняла, вдавалась в детали. Александр Владимирович едва слушал. Он листал журнал и бросал короткие реплики.

— Да-да, верно. Прагу освободили 9 мая 1945 года. Блестящая операция. Читал о маршале Рыбалко? Он танковой армией командовал.

— Нам рассказывали. И на Ольшанском кладбище мы были. Там похоронены советские солдаты. На некоторых могилах — баночки с родной землей...

— Всю войну прошли, а в День Победы погибли, — вздохнула Людмила Ивановна.

В конце своего рассказа Максимилиан вспомнил встречу с деникинским офицером. Профессор Маушевский насторожился. Он расспросил сына о разговоре с белоэмигрантом и потребовал, чтобы Максимилиан вспомнил свои ответы дословно.

— Та-а-акс, — сказал Александр Владимирович. — Только этого не хватало.

«Странная реакция у отца, — подумал Макс. — И что его так взволновало?»

Александр Владимирович оделся и направился к двери.

— Пойду прогуляюсь.

Достав пальцы, Людмила Ивановна стала вышивать. Макс знал, если у мамы неспокойно на душе, она вышивает крестиком.

— Что-то не так?

— Не бери в голову, — ответила Людмила Ивановна. — Все это — пыль.

На следующий день Александр Владимирович повез сына к большому начальнику. Тот сидел в кабинете за массивным столом и крутил ручку с золотым пером. Перед начальником стояли три телефона, стопка папок, стакан с остывшим чаем.

— Присаживайтесь, — кивнул он.

Хозяин кабинета вытер лысину и добавил:

— Ишь, какая жара.

— Середина лета, — подобострастно заметил Александр Владимирович.

Максимилиан взглянул на отца. Тот сидел на краешке стула и будто уменьшился в размерах. А глаза...

«Какие у отца глаза, — удивился Макс. — Тревожные, напряженные и... сладкие одновременно».

Начальник потянулся к стакану и сделал глоток.

— Ну что, молодой человек, поговорим?

Разговор свелся к ответам на вопросы, и все они касались встречи с белоэмигрантом. Когда вопросы закончились, Александр Владимирович расправил грудь и чуть слышно вздохнул.

— Посиди в приемной, — сказал Максимилиану начальник. — Потолкую с твоим отцом.

Макс вышел из кабинета. Он ждал минут двадцать.

«И что всполошились? — размышлял Макс. — Подумаешь, белоэмигрант. Ну, не любит СССР, видит недостатки... И что? Отец не раз повторял: „Собака лает, караван идет“. А перед большим начальником ведет себя как студент... И взгляд такой необычный...»

Выйдя из кабинета, Александр Владимирович улыбнулся и, взяв Макса под руку, шепнул:

— Если есть связи, всегда можно договориться.

Макс пропустил фразу мимо ушей. Он думал о произошедшей с отцом метаморфозе.

— Когда будет ответная делегация? — спросил Александр Владимирович.

— По-моему, в августе, — ответил Макс.

Однако ответной делегации Москва не дождалась. В ночь с 20 на 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска стран Варшавского договора. Началась операция «Дунай». На вопрос Макса, в чем ее смысл, Александр Владимирович не отвечал. Переписка с Яркой заглохла, московских школьников, бывших в Праге, Макс не видел. От поездки в Чехословакию у него остались записи в дневнике и жилет бабушки Ярки — с серебряными звездами на груди.

Глава 3

Три года пролетели незаметно. Максимилиан вырос и стал настоящим красавцем. Чуть удлинненные темные глаза, высокий лоб, густые, волнистые волосы. Его внешность портил небольшой подбородок. Он диссонировал со лбом и намекал на безвольность.

Несмотря на то, что рядом были родители, Макс пребывал в одиночестве. И это понятно, заменить внешний мир родителям не под силу. В жизни Маушевских не было ни гостей, ни душевных бесед. Каждый член семьи сидел в своей комнате и занимался своими делами. Людмила Ивановна переводила статьи, Максимилиан решал задачи, Александр Владимирович готовился к лекциям. Вроде бы вместе, и в то же время каждый сам по себе.

Семья собиралась за ужином, и Макс с матерью слушали Александра Владимировича. Это был театр одного актера — ни больше ни меньше. В предвкушении еды глава семьи воодушевлялся и охотно балагурил. Бородка вздрагивала от смеха, глаза шурились, руки находились в движении. Александр Владимирович разыгрывал очередную миниатюру. В ней было всего понемногу: к месту рассказанный анекдот, искрометная шутка, короткая зарисовка. Что говорить, профессор Маушевский умел привлекать внимание.

Весной 1971 года покой в семье Маушевских был нарушен. Максимилиан должен был выбрать место дальнейшей учебы. То, что он пойдет в МГУ, не обсуждалось, однако выбор факультета вызывал споры. Для Александра Владимировича любое несогласие — нонсенс. Какой спор, какие обсуждения? Все основные вопросы решал он — и только. А тут брожение. Людмила Ивановна говорила о журналистике, Максимилиан — о психологии, Александр Владимирович настаивал на мехмате.

Наконец произошел решающий разговор.

— Надо подтянуть математику, — сказал Александр Владимирович. — На мехмате по математике два экзамена — устный и письменный.

— Саша, какой мехмат? — в очередной раз удивилась Людмила Ивановна. — У Макса не то здоровье.

— Здоровье у него — в полном порядке, — сухо ответил Александр Владимирович.

— А вегетосудистая дистония?

— Мила, давай не будем. Болезни Макса — у тебя в голове. И на бумаге, конечно.

Александр Владимирович был прав.

— Зачем Максимилиану математика? — робко спросила Людмила Ивановна. — Логарифмы, интегралы, теоремы...

— Ты меня поражаешь. Парень витает в облаках, а впереди у него — жизнь. Сложная, между прочим.

— Все верно. Но связи между жизнью и математикой не вижу.

Александр Владимирович поднял подбородок и окинул жену профессорским взглядом.

— Еще Ломоносов говорил: «Математику уже за то любить стоит, что она ум в порядок приводит».

Пройдясь по комнате, профессор Маушевский добавил:

— Мехмат и физфак МГУ знает весь мир.

Погладив бородку, Александр Владимирович встал в позу мыслителя и устремил взгляд в окно.

— Максимилиан — не логик, — заметила Людмила Ивановна. — Он — интуит. У мальчика — богатое воображение. Ему бы...

Профессор Маушевский перешел в наступление.

— Любое математическое открытие — результат воображения, — перебил он жену. — Как известно, школьная геометрия — тест на наличие воображения. Если хорошо представляешь фигуры в пространстве, значит, имеешь воображение; если не представляешь, мыслишь на плоскости.

Атака Александра Владимировича набирала силу. Однако Людмила Ивановна продолжала оппонировать.

— У Маяковского есть «Гимн ученым». Помнишь эти строчки?

Проходят красноухие, а ему не нудно,
Что растет человек, глуп и покорен,
Ведь зато он может ежесекундно
Извлекать квадратный корень.

— Пошла-поехала, — сморщился Александр Владимирович. — Вспомни Пушкина, Лермонтова... Так нельзя, Мила. Мы живем в другое время. Теперь функция «извлечения корня» передана вычислительным машинам, а современный математик — можно сказать, звезда научного небосклона. Математики мыслят и конкретно, и абстрактно, они находят решения сложнейших задач и пишут хорошие стихи.

— Мне не понятна математика, — продолжала сопротивляться Людмила Ивановна. — Она суха и далека от природы.

— Природа формулирует законы языком математики, — парировал Александр Владимирович. — Это не я сказал — Галилей.

Профессор Маушевский был в родной стихии. Есть зрители, спор, сопротивление. Еще немного, и будет победа. Людмила Ивановна выбросила последний козырь.

— На мехмат трудно поступить. Сам посудите: две математики, физика, сочинение.

— Это — мои заботы, — коротко ответил Александр Владимирович.

— Не хочу на мехмат, — вступил в разговор Макс.

Александр Владимирович вскинул голову.

— Прискорбно слышать, — язвительно сказал он. — Твое утверждение пахнет Митрофанушкой.

При чем тут Митрофанушка, Макс не понял, однако, возразив отцу, почувствовал некоторое освобождение.

— Хочу быть психологом.

— Позвольте спросить, юноша: какая мотивация?

Макс опешил. Так к нему отец не обращался. Профессорские нотки в голосе, «юноша», обращение на «вы»...

— Может, вы увлекаетесь психологией? Может, читаете труды известных ученых, видите варианты дальнейшего трудоустройства? Или я что-то упустил?

Александр Владимирович выглядел спокойным, однако внутренне недоумевал. Раньше проблем с сыном не было. Максимилиан старательно учился, выполнял поставленные перед ним задачи, не дерзил. И вдруг самостоятельность. Откуда?

— Не надо мне математики, — ломающимся голосом ответил Макс. — Психология — это мое.

— Какое громкое заявление, — воскликнул Александр Владимирович.

Он подошел к сыну и, заглянув в глаза, вернулся к обычному обращению.

— Не ты ли говорил, что будешь волшебником?

— Ну, говорил, — буркнул Макс.

Вспомнив ученых старцев и разговор ветра, он ощутил укол в сердце.

«Как быстро уходят мечты. А с ними и детство».

Детства было жаль, но перспектива взрослой, самостоятельной жизни пьянила ум. Немного подумав, Максимилиан сказал:

— Волшебство и психология стоят рядом.

— Неожиданное утверждение, — воодушевился Александр Владимирович. — Оно так же глубоко, как философские споры о бытии и сознании.

Максимилиан уловил издевку. Что происходит с отцом?

— Не надо иронизировать, — сказал он. — У каждого человека есть своя мечта.

— Не обижайся. Я же хочу добра.

Тут-то Макс и попался. Александр Владимирович знал психологию не в теории — на практике. Он произнес фразу-ловушку, и Макс, заглотив слово «добро», поверил отцу в очередной раз.

«Доверься, — шепнул разум. — Отец знает больше тебя».

И Макс доверился. Конечно, поспорил для приличия, однако Александр Владимирович понял: победа за ним. Впрочем, он не сомневался. Профессор Маушевский уже давно все решил. Мало того, предпринял шаги. На днях, например, встретился с деканом учебной части мехмата, неделю назад поговорил с членом приемной комиссии, вчера пригласил на обед секретаря парторганизации мехмата.

Максимилиан был подавлен. Тем не менее восхищался отцом.

«Специализация отца — политэкономия, а рассуждает о математике как профессионал. Все-таки он — удивительный человек».

Александр Владимирович подошел к книжному шкафу и достал небольшую книгу.

— Полистай на досуге.

Взглянув на обложку, Макс поднял брови.

— Теория вероятностей?

Александр Владимирович добродушно усмехнулся.

— Случайные события, случайные величины, — таинственным голосом сказал он. — А среди них ты. Будто волшебник. Управляешь этими событиями, ищешь закономерности...

На Макса повеяло детством. Оно влетело в открытое окно и село на подоконник. А вслед за ним влетела сказка. Выбросив сноп конфетти, она начала свой рассказ — плавно, чуть напевая: «Не лебеди вереницей летят, не утки на болото садятся, а сказка над лугами стелется. Верить ей или нет, твое дело. А послушать надо».

Глава 4

Ни выпускного вечера, ни праздничных речей у Макса не было. Сдав школьные экзамены, он получил аттестат и отнес его в приемную комиссию мехмата.

Знакомый сквер, парадная лестница, десятки молодых лиц. После домашнего затворничества впечатления сыпались одно за другим. Максимилиан чувствовал, начинается новая жизнь. Он уже не думал о психологии, ее место занимали реальные события.

В ожидании расписания экзаменов Максимилиан стоял у деканата мехмата. К нему подошла невысокая девушка.

— Ты откуда? — спросила она.

— Из Москвы, — смущенно ответил Макс.

— Я — из Редкино. Слышал о таком?

— Нет.

— Так и думала, — засмеялась девушка. — Редкино мало кто знает.

— Далеко?

Каждое слово давалось Максимилиану с трудом. Он не мог посмотреть в лицо собеседнице, не мог сдерживать волнение, не мог толком сообразать.

«Нелепая ситуация. Даже не представился».

Девушка будто услышала.

— Меня зовут Лиза. А тебя?

— Максимилиан. Коротко — Макс.

— Необычное имя. Похоже на закрытый пенал.

— Почему пенал? — спросил Максимилиан.

Взглянув на девушку, он тут же отвел взгляд. Однако первое впечатление получил. Лиза была коренастой девушкой, со светлыми глазами и вьющимися волосами.

— Объясню позже.

Макс расслабился. Как говорят в таких случаях, камень упал с плеч. Или мешок. Да-да, так лучше — большой пыльный мешок. Он долго давил на позвоночник, от него затекала спина, а теперь мешка нет.

— Где же твое Редкино? — спросил Макс.

— Под Калинином.

Лиза взяла Макса за руку и повела к группе абитуриентов, стоящих у стенда.

— Расписание вывесили? — спросила она.

— Только что, — ответила рыжеволосая толстуха.

Девушка ткнула пальцем в листок, прикрепленный к стенду, и добавила:

— Второго июля — письменная математика, шестого — устная, десятого — физика, четырнадцатого — сочинение. Конкурс — восемь человек на место.

Макс слышал и нет. Его рука покоилась в Лизиной руке, и через нее шло тепло.

— Пробьемся, — сказала Лиза.

Девушка улыбнулась. Ее спокойствие пошло дальше. Оно охватило небольшую компанию, и ребята загалдели.

— Действительно, чего паниковать?

- Подумаешь, восемь человек на место.
- В единституте — двадцать, — сказал худой очкарик. — А в ГИТИСе — сто.
- Да ладно, — улыбнулась Лиза. — Кто в столовку?
- Думаю, все, — сказал очкарик и, взглянув на Максимилиана, спросил Лизу: —

Знакомый?

- Угу. Максом зовут.

Ребята кивнули и потянулись к лифту. Лиза опять взяла Макса за руку.

- Пойдешь с нами?

- Я вообще-то не голоден.

Максимилиан пребывал в новых ощущениях и плохо соображал. Лиза потянула Макса за собой, и молодые люди успели вскочить в закрывающийся лифт. Толпа прижала их к двери, и лифт пошел вниз. Сколько времени продолжался спуск, Макс не знал. Ему казалось, вечность. В лифте было тесно, и, уткнувшись в Лизины волосы, он вдыхал незнакомый запах. До сих пор обоняние Макса волновали другие запахи. Например, сладкие ароматы материнских духов, сирень. А тут что-то сильное, неведомое, бурлящее кровью. Запах, идущий от Лизиных волос, походил на всполохи молний, шум ручья, скрежет тормозящей машины.

«Как странно. Запах связан со светом и звуком. А в голове — шум и яркие вспышки. Разве такое бывает?»

Максимилиан не знал, что так волнуется кровью. Растворив невидимые молекулы, кровью получает сигнал и несет в голову. Яркая вспышка, неведомое возбуждение, и вот уже ревуший поток, вызывающий дрожь и головокружение.

Лифт дернулся, и Лиза прижалась к Максусу. Взглянув в глаза юноши, она чуть слышно спросила:

- Тебе плохо?
- Все нормально.
- Видимо, уши заложило.

Макс кивнул.

- Раньше и у меня голова кружилась. Скоростной лифт, резкие перепады давления...

На табло мелькали цифры: десять, восемь, пять, два... Лифт остановился, и толпа вылетела в холл.

- Постой немного, — сказала Лиза.
- Макс прислонился к мраморной стене.
- Лиза, ты идешь? — крикнул очкарик.
- Чуть позже. У Макса голова закружилась.
- Мы в зону Б.
- Поняла.

Лиза взглянула на Макса.

- У тебя странные глаза. Они похожи на обсидиан.

Максимилиан промолчал. У него задрожали ноги.

- Обсидиан — вулканическое стекло. Не видел?

- Нет.

- Я видела. Знаешь где?

Макс судорожно глотнул.

- На двадцать седьмом этаже.
- Там музей, — с трудом разлепив губы, ответил Макс.
- Ты в нем был?
- Когда-то с отцом.

Лиза взяла Макса за руку.

- По-моему, у тебя все прошло. Идем. Сначала пообедаем, потом погуляем.

— А экзамены?

— Подождут, — засмеялась девушка.

Макс кивнул. Все, что говорила Лиза, было наполнено смыслом. Перепады давления, зона Б, обсидиан... От Лизиных слов веяло чем-то неведомым.

— Я живу в общежитии, — сказала девушка. — Оно — в пристройке к Главному корпусу.

— В музей ходил, на кафедре у отца был, а общежитие не видел.

— Твой отец работает в МГУ?

— На кафедре политэкономии.

— Значит, препод, — улыбнулась девушка и, не отпуская руки Макса, поспешила в столовую.

Такого скопления ребят Макс еще не видел.

— Стол уже заняли, — сказала Лиза. — Я бегу в очередь, а ты возьми пару салатов.

Она махнула рукой и исчезла. Макс растерянно огляделся. Столовая напоминала муравейник. Абитуриенты жевали, смеялись, разговаривали, искали друг друга в змеобразной очереди, кому-то кричали. Максимилиан растерялся.

«Какие салаты? Где их найти?»

Рядом остановилась девушка, в ее глазах что-то блеснуло.

— Такой симпатичный парень, и один. Что-то ищешь?

Максимилиан вспыхнул.

— Карина, — кокетливо представилась девушка.

Поставив поднос на стол, она протянула руку. Макс увидел длинные пальцы, розовые ноготки, на запястье — золотой браслет.

— Я ишу стойку с салатами.

— Проводить?

— Спасибо, не надо.

Вежливый вопрос, такой же ответ. Ни один нерв не затрепетал, ни один мускул не дрогнул. Макс кивнул новой знакомой и направился к стойке. Он чувствовал взгляд Карины, но девушка его не волновала.

Стойка напоминала базар. Огромные тазы были наполнены капустой, винегретом, помидорами и огурцами. Макс взял две тарелки и стал продвигаться в толпе. Он накладывал того, другого, третьего, как вдруг на плечо опустилась маленькая рука. Макс ощутил блаженство. Оно пробежало по телу, поднялось к голове и, запутавшись в волосах, улеглось на макушку. Максимилиану не надо было поворачиваться, он знал, на плече — Лизина рука. Странное состояние. Будто третий глаз на затылке.

Лиза проскочила вперед, взяла один из подносов, протолкнула его к кассе и через минуту уже прокладывала путь к столику, где сидела знакомая компания. За столом шел оживленный разговор.

— Пятьдесят процентов абитуриентов срезаются на первом экзамене, — говорила рыжеволосая. — Я это знаю точно.

— Откуда информация? — спросил очкарик.

— Из собственного опыта. Второй раз поступаю.

Ребята придвинулись к толстухе.

— На математике срезалась?

— С математикой все нормально. Пролетела на физике.

— Погоди, — сказал худощавый парень. — Давай закончим с математикой.

— Что о ней говорить. Абитуриентов посадят в аудиториях ноль один и ноль два и выдадут задания. Преподы будут ходить между рядами. Если вытащишь шпору, выгонят. Не напишешь область допустимых значений, задание не засчитают.

- Концлагерь какой-то, — воскликнул очкарик.
 - Ты что думал? Это — не пединститут.
 - Ясно, — худощавый черкнул в блокноте и пододвинул девушке компот. — А результаты когда?
 - Перед устной математикой.
 - Как же тогда готовиться? А вдруг «неуд» за первый экзамен?
 - Значит, второго не будет. Соберешь вещи, и домой.
 - Ни за что.
 - Никуда не денешься. Из общежития попросят, гостиницу тебе не потянуть. Правда, существует вокзальный вариант...
 - У меня есть подстраховка.
 - Какая?
 - Если срежусь, пойду в пединститут.
 - Ну-ну, — сказала рыжеволосая. — А я не сомневаюсь, в этом году обязательно поступлю.
 - Откуда такая уверенная?
 - С Алтая, — засмеялась толстушка.
- Забыв про обед, Макс внимательно слушал. Перед глазами поплыли картины провала. Он уже видел, как хмурился отец, как мама, уткнувшись в вышивку, накладывает крест за крестом, как...
- А ты не боишься? — спросил очкарик, обратившись к Лизе.
 - Чему быть, того не миновать, — улыбнулась девушка.

Глава 5

«Чему быть, того не миновать». Макс вертел фразу туда и сюда. Он по-прежнему сидел за столом, слышал голоса ребят, но ум заклинило на одном предложении. Слова прыгали, менялись местами, лезли в кавычки. Наконец заняли нужные места, и мысли закружились, как вихрь.

«Так говорят в переломные моменты жизни, — рассуждал Макс. — Наверное, переживаю такой момент. И Лиза, и ребята. В чем же смысл фразы? В том, что события предопределены? Где ключевое слово — „быть“ или „не миновать“?»

Погрузившись в размышления, Макс не увидел, как ребята поднялись из-за стола и сложили тарелки на подносы. Перед глазами мелькнула маленькая рука.

— Ку-ку, — послышался Лизин голос.

Максимилиан вскинул голову, провел пятерней по волосам и вернулся в действительность. Лиза стояла перед ним и улыбалась.

— В том, что поступит Макс, я не сомневаюсь, — сказала Лиза.

— Ты что — гадалка? — рассмеялась толстушка.

Тонкие пальчики скользнули по волосам Макса и отбросили их назад.

— Видите лоб мыслителя?

Максимилиан вспыхнул. Прикосновение, комплимент и несколько пар глаз, уставившихся на его лоб. Лиза взяла Макса за руку и повела к выходу. Похоже, она привыкла действовать без оглядки на окружающих.

— Прогуляемся?

Макс кивнул. Лиза направилась к выходу из Главного корпуса. Миновав дверь-вертушку, она отняла руку и побежала по лестнице вниз. Максимилиан стоял у выхода и смотрел на Лизу. Золотые кудряшки, ноги-бутылочки, развевающаяся на ветру юбка. Остановившись на последней ступеньке, Лиза крикнула:

— Спускайся.

Макс ринулся вниз. Казалось, он превратился в ветер. Ни ног, ни рук — сплошная энергия.

— О-го-го-го!

Лиза рассмеялась. Кудри рассыпались по плечам, ладошки плотно закрыли губы. Максимилиан схватил девушку за руку и побежал к знакомому скверу. Он остановился у бюста Менделеева. Лиза с интересом огляделась.

— Красиво, — усевшись на скамейку, сказала она.

Макс откинул волосы. Высокий, стройный, со сверкающими глазами, он стоял перед Лизой, будто хозяин сквера. Макс готов был декламировать стихи, петь, рассказывать о ветре и ученых старцах — о чем угодно, только бы Лиза слушала и смотрела на него светлыми, озорными глазами. Университетский сквер — его место. Оно связано с детством. Теперь Макс здесь не с родителями — с девушкой. И эта девушка — из новой жизни. Она — необычная. Что хочет, то и говорит, что считает нужным, то и делает.

Макс посмотрел на Лизу. Никакой позы. Открытость и искренность.

— Эти дорожки, посыпанные кирпичом, напоминают сказку.

— «Волшебник Изумрудного города», — предположил Макс.

Лиза кивнула.

— Там тоже дорога. Только из желтого кирпича.

«И передо мной — дорога, — подумал Макс. — Вернее, поворот. Вышел за него — и увидел другую жизнь. И краски другие, и ветер, и ощущения. А за поворотом — прошлое».

Лиза не дала додумать. Взглянув на Главный корпус, она воскликнула:

— Посмотри, как красиво. Солнечный луч коснулся шпиля, и тот превратился в огненный шар. Помнишь Трусливого Льва?

Вскочив на скамейку, Лиза сдвинула брови и грозно спросила:

— Ты кто и зачем пришел?

Максимилиан усмехнулся. Лиза как ветер. Быстрая и неожиданная.

— Я — Трусливый Лев, — решил подыграть Макс. — Пришел за смелостью.

Лиза повысила голос.

— Стань собой, и вся смелость, что у меня есть, будет твоей.

Лиза спрыгнула со скамейки и, привстав на цыпочки, посмотрела Максиму в глаза и тихо сказала:

— Если не станешь собой, я тебя заколдую.

Максимилиана окатил жар. Ну, разве не сказочное место?! Стоит сюда попасть, хочется стать волшебником. Когда-то он мечтал расколдовать Павлова. Теперь вот Лиза вошла в роль и играет.

— Как заколдуюшь?

— Погружу в облако страхов. Тогда и превратишься в Трусливого Льва.

Макс рассмеялся и подхватил Лизу. Он приподнял ее над собой, затем опустил на землю и, поражаясь себе, сказал:

— Ты не оставила ни единой лазейки. Осталось найти себя.

— Как только найдешь, произойдет чудо, — улыбнулась Лиза.

— Какое?

— Перевоплощение.

— Мне это нравится.

Макс взял Лизу за руку и подвел ее к бассейну. Лиза присела у бровки и застыла.

— Тише, — сказала она. — Я слышу голоса.

— Какие?

— Ветра и каменной кувшинки.

Макс облизнул пересохшие губы.

— О чем они говорят? — спросил он охрипшим от волнения голосом.

Присев рядом с Лизой, Макс смотрел на воду. В ней отражались большая и маленькая фигуры. Ветер бежал по воде и оставлял за собой рябь. Макс напряженно прислушивался. И тут Лиза заговорила. Она меняла голос и интонацию, и Макс понял: Лиза передает разговор ветра с кувшинкой.

— Что нового?

— Жизнь удивительна.

— Боже, какая чушь. Жизнь скучна и однообразна.

— Посмотри вокруг. Видишь, шиповник цветет.

— Он цветет каждый год.

— Я не о том. Нынче такие цветы...

— Их лепестки скоро упадут и превратятся в труху.

— До этого далеко. Сейчас они дарят радость...

Макса как молнией пронзило. Как можно услышать то, что слышал он? Этого не может быть.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила Лиза

— Я слышал тот же разговор. Правда, речь шла о сирени.

— Ничего удивительного. Ветер постоянно болтает. То с рекой, то с кувшинкой, то с воробьем...

— Фантастика, — прошептал Макс. — Но другие не слышат.

— Люди разные.

— Ты — волшебница.

— Скажешь тоже, — усмехнулась Лиза. — Просто я выросла на природе и... научилась слушать.

Лиза взяла Макса под руку и повела к набережной. Спустя пару минут она сказала:

— Мы похожи. Не заметил?

— Верно, — ответил Макс.

А про себя подумал:

«Между мной и Лизой есть какая-то связь. Тонкая, по-детски наивная. Будто лучи коснулись друг друга. И переплелись. А ведь могли пролететь мимо».

Взглянув на Макса, Лиза сменила тему:

— Когда попала в Главный корпус, боялась ездить на лифте. Как только закрывалась дверь, я прижималась к стене и замирала.

— Почему?

— Ждала, когда лифт вылетит на крышу.

Лиза прикрылась ладонкой и добавила:

— В такие мгновения я размышляла, что делать. Хвататься за шпиль или лететь с лифтом?

— Куда? — улыбнулся Макс.

— В неизвестность.

— Откуда такие мысли?

— В Редкино — одноэтажные дома, а тут — высотка.

Взглянув на пристройки к Главному корпусу, Лиза продолжила:

— Сдав документы, я получила направление в общежитие. Меня поселили в комнате на восемнадцатом этаже. Теперь боюсь к окну подойти. К тому же ребята пугают.

— Какие ребята?

— С нашего этажа. Придут в гости и начинают нагонять страх. Дескать, Главный корпус строили зэки, и в его стенах замурованы люди. Они стонут, кричат...

В голове Макса все перемешалось. Он не умел перескакивать с темы на тему. Ему бы покрутить мысль, рассмотреть ее со всех сторон, а тут... То лифт, то общежитие, то зэки.

Макс и Лиза вышли на смотровую площадку. Постояв немного, стали спускаться к реке. Теперь уже разоткровенничался Макс.

— Когда я был маленьким, гулял здесь с отцом. Отец рассказывал о прошлом, анализировал настоящее, рассуждал о будущем. Я многого не понимал, но слушал с интересом.

Сорвав ромашку, Макс протянул ее Лизе.

— Спасибо.

Девушка открыла сумку и, достав блокнот, положила ромашку между страницами.

«Странно, — подумал Макс. — Даже не погадала».

— Расскажи об отце, — попросила Лиза.

— Он — удивительный, — начал Макс. — О чем ни спроси, знает. И студенты его любят. И еще отец любит шутить.

— Это хорошо.

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Мы с мамой слушаем и молчим.

— Почему? Шутке надо смеяться.

Макс остановился.

«Действительно, почему ни матери, ни мне не смешны отцовские шутки? Что в них не так?»

Лиза не дала времени додумать. В который раз. Она начала рассказ о своих родителях, и вопрос Макса повис в воздухе.

— Мой отец — шофер. Работает на турбазе. Там же, где и мама. Когда крутит баранку, часто поет: «Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть. Резкий поворот и косогор...»

Лиза рассмеялась.

— И мама — шофер? — спросил Макс.

— Мама — шеф-повар.

Лиза похлопала себя по бедрам и спросила:

— Видишь, какая пышка. А все почему?

— Совсем не пышка. Очень даже ничего.

Это был первый комплимент, который Макс сказал девушке. Сказал и прикусил язык.

«Очень даже ничего». Надо же так сказать».

Макс покраснел и опустил глаза. А Лизе понравился комплимент.

— Ой, спасибо. Честное слово, приятно.

Макс перевел дыхание.

— Пора по домам, — сказала Лиза и повернула к МГУ.

Максимилиан схватил Лизу за руку.

— Когда увидимся?

— В день первого экзамена.

— Но почему?

— Главное сейчас — поступить на мехмат. Все остальное второстепенно.

— Ты серьезно?

— Пока второстепенно, — чуть мягче ответила Лиза.

Глава 6

Письменный экзамен по математике был первым. Он проходил в Главном корпусе, в аудиториях ноль один и ноль два. Максимилиан справился со своим вариантом за четыре часа и, выйдя из аудитории, прислонился к стене. Мозг по инерции продолжал работу, и в голове прыгали формулы, интегралы, условия задач. Макс прислушался к себе и понял: тревоги нет. Значит, все нормально. Он знал, если бы допустил промах, внутри зародилось бы беспокойство.

Из холла, где стоял Макс, был виден центральный вход. По коридору сновали абитуриенты, сотрудники, преподаватели МГУ. Ни смеха, ни разговоров. Все было сосредоточенно и деловито. Оно и понятно, начались экзамены.

В дверях показался Александр Владимирович. На нем были светлый костюм, кремовая рубашка, на ногах — замшевые туфли. Внешний вид профессора Маушевского как нельзя лучше соответствовал представлению о солидном человеке, работающем в главном вузе страны. Увидев отца, Макс обрадовался. Последние дни он сидел за учебниками, и общение с родителями свелось к минимуму. Александр Владимирович пропадал в МГУ, Людмила Ивановна занималась переводами, а вечерами вышивала. Сосредоточенно глядя на рисунок, она накладывала на канву крестик за крестиком. Как-то зайдя в комнату матери, Макс посмотрел на вышивку и увидел дворец. Он был окрашен в коричнево-желтые цвета, и Макс показалось, стены дворца блестят на солнце.

— Как настроение? — не отрываясь от работы, спросила Людмила Ивановна.

— Нормальное. Главное — сдать экзамены.

— Не страшно?

— Чуть-чуть.

— А я всегда боялась экзаменов. В ответственный момент забывала все, что знала.

— Тем не менее хорошо училась. Верно?

Людмила Ивановна кивнула.

— Мне повезло. Наши преподаватели оценивали студентов не по ответам на экзамене, а по учебе в целом. Сюда входила работа на семинарах, в лингафонном кабинете, переводы, курсовые...

Макс присел рядом. Ему хотелось отвлечься. Мысли о Лизе не давали покоя, они пульсировали в голове и заслоняли подготовку к экзаменам.

— Давно хотел спросить. Как ты познакомилась с отцом?

Людмила Ивановна улыбнулась и отложила вышивку.

— Мы познакомились на экскурсии. Ты ведь знаешь, что после распределения я попала в Интурист и сопровождала иностранные делегации.

— Интересно, наверное.

— Да как сказать. Порой попадались культурные люди, порой...

Людмила Ивановна нахмурилась.

— Помню группу англичан, приехавших в Москву на медицинский конгресс. Одна из дам не давала покоя. Вечно хмурая, озабоченная, она терзала меня политическими вопросами. Порой казалось, ее цель — не научные доклады, а сбор информации о недостатках страны. А я к тому времени была неоперившимся птенцом. Мало что знала, мало что видела.

Максимилиан вспомнил разговор с белоэмигрантом. Выходит, и у мамы — похожая история.

— Наконец позвонила руководству и призналась. Дескать, есть вопросы, на которые трудно ответить. На следующий день была запланирована обзорная экскурсия по

Москве. В восемь утра я сидела в холле гостиницы и ждала, когда англичане спустятся вниз. И в это время появился Александр Владимирович. Невысокий, с приветливым взглядом, улыбкой на полных губах... Он подошел ко мне и представился: «Александр Маушевский — аспирант исторического факультета МГУ». Взглянув на него, я успокоилась.

— Почему? — спросил Макс.

— От твоего отца веяло такой уверенностью, что я почувствовала себя защищенной. «По поручению руководства прибыл на помощь», — сказал он.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Признаюсь, он произвел впечатление. Я переводила его ответы и наблюдала за проблемной дамой. Никогда не видела столько оттенков на человеческом лице. Пренебрежение, надменность, снобизм сменились интересом и, не побоюсь этого слова, восхищением. И все за короткий промежуток времени. Казалось, дама встретила достойного соперника. Она задавала вопросы и неизменно получала ответы. Саша отвечал не задумываясь. А вопросы были нелегкими. Сам посуди, англичанка спрашивала о только что прошедшем девятнадцатом съезде КПСС, о членах Политбюро, роли Сталина в Великой Отечественной войне. Представляешь? И это в 1952 году. Еще был жив вожьд всех народов, в Кремле шла подкованная борьба между Хрущевым, Берией и Маленковым; в структуре Интуриста — масса осведомителей.

— И рядом с тобой?

— Конечно. У меня был помощник. Думаю, он и докладывал о разговорах с иностранцами.

— Но ведь тебя могли уволить за политическую безграмотность.

— В то время был жив мой отец, а он занимал в МИДе высокий пост. Думаю, поэтому мне многое прощалось.

Макс представил молодого Александра Владимировича, его позу, усмешку, его любовь к спору. Казалось, для отца энергия спора что живая вода: поспорил — и преобразился.

Людмила Ивановна оживилась. Ее лицо покрылось румянцем, глаза заблестели.

— Саша произвел впечатление не только на меня, но и на всю группу. Он ездил с нами по Москве, дополнял экскурсовода, отвечал на вопросы, шутил...

— Интересно, а как реагировали англичане на шутки отца? — перебил Макс.

— По-моему, с восторгом. Саша рассказывал светские анекдоты, и я переводила их с удовольствием.

Макс задумался. Он не слышал от отца ни одного светского анекдота. Мало того, не знал, в чем их особенность. Однако уходить от темы не хотелось, и Макс ограничился вопросом:

— И что потом?

— Мы отвезли группу в аэропорт и вместе возвратились в город. Саша проводил меня до дома, а по дороге учинил допрос. — Людмила Ивановна опять улыбнулась. — Сам знаешь, какой он въедливый. Его интересовало, где я живу, что читала, кто родители, какой вуз окончила...

Людмила Ивановна потянулась за вышивкой и взяла в руки иголку.

— На следующий день Саша пришел в гости с цветами, тортом и бутылкой вина. Он обаял моих родителей, и через месяц мы поженились.

— Здорово, — сказал Макс.

Он встал и смущенно спросил:

— Ну, я пошел? Надо заниматься.

— Иди, мой хороший, — сказала Людмила Ивановна.

Макс сел за письменный стол и задумался.

«Может, любовь с первого взгляда передается по наследству? Может, и Лиза возьмет инициативу на себя?»

Другого варианта Макс не допускал. То ли потому, что не имел отцовского обаяния, то ли был слишком нерешителен. С начала знакомства он понимал, все зависит от Лизы.

Вот и сейчас, стоя у дверей аудитории, Макс чувствовал себя рабом. Что Лиза скажет, как посмотрит, какое у нее настроение.

Александр Владимирович пересек холл и подошел к сыну.

— Как написал?

— Нормально, — ответил Макс. — Все задания сделал. Вроде нигде не ошибся.

— Молодец.

Макс смотрел на отца и чувствовал напряжение. Непонятно почему, но встречи отца и Лизы он боялся до дрожи в коленках. Александр Владимирович пожал сыну руку и сказал:

— Все будет хорошо. Вот увидишь.

— Да-да, — поспешно ответил Макс.

— Кого ждешь?

— Приятеля. На консультации познакомились.

Александр Владимирович одернул пиджак и поднял подбородок. Маска «отец» пропала, ее место заняла маска «профессор Маушевский». Раз-два, и другой образ.

«Что и говорить, отец — настоящий артист, — подумал Макс. — Не то что я. Стою, как столб, и робко поглядываю на дверь. Будь на моем месте отец, тут же пошел бы в атаку».

— Скажи маме, буду поздно, — бросил Александр Владимирович. — Заседание кафедры, приемная комиссия... Сам понимаешь — экзамены.

Макс кивнул. Его кольнуло угрызение совести. Вот ведь — соврал. И все же правильно сделал. Кто знает, как бы повел отец. Наверное, всполошился бы. Вступительные экзамены, а тут любовь...

Экзамен заканчивался, и холл заполнялся абитуриентами. Смех, слезы, оживленные разговоры. Напряжение требовало выхода, и каждый расслаблялся по-своему. Наконец вышла и Лиза. Она оглянулась и, увидев Макса, пошла к нему. Лиза была одета в черную юбку и белую блузку. На лице — мертвенная бледность, под глазами — круги.

— Что с тобой? — испугался Макс.

— Устала.

— Не заболела?

— Ночь не спала.

Лиза отвечала односложно. Макс видел, каждое слово давалось с трудом.

— Прогуляемся? Подышишь свежим воздухом, задачки разберем... У тебя какой вариант?

— Четвертый.

— А у меня шестой.

— Извини, но я пойду спать.

Макс понимал, Лиза не врет. Не спала, переволновалась, плохо себя чувствует. Но мысль, что они не увидятся до следующего экзамена, вызывала протест и придавала смелости.

— Хочешь, просмотрю твой вариант? — предложил Макс. — Потом встретимся и сверим ответы.

— Заманчивое предложение. Однако не надо.

— Почему?

— Чему быть, того не миновать.

«Черт знает что. Да она — фаталистка».

Макс пожал Лизину руку и, ощутив холодок, поспешил к выходу.

— Нечего навязываться, — шептал он про себя. — Парень я или тряпка? Не хочет встречаться, не надо.

Мысли били в висок, от них кружилась голова. Макс был растерян. Почему отец может производить впечатление, а он нет? Этот вопрос заставил остановиться. Неужели появилось соперничество? И с кем — с отцом?

Не видя ничего, Макс рванул к выходу и столкнулся с девушкой. В грудь уперлись длинные коготки, пахло духами, на запястье блеснул браслет.

— Привет! Вот так встреча.

Макс очнулся. Перед ним стояла Карина. Да-да, та девушка, с которой он встретился у стойки с салатами.

— Извини, — буркнул Макс. — Задумался.

— Экзамен сдавал? — улыбнулась Карина.

— Да. Математику.

— Куда поступаешь?

— На мехмат.

— А я на географический.

Карина отстранилась и опустила глаза. Длинные ресницы затрепетали, губы сложились в бантик. Макс помрачнел. В позе Карины чувствовалась нарочитая театральность.

— Прогуляемся?

— Не могу, — сухо ответил Макс. — Надо готовиться к экзамену.

Карина улыбнулась.

— Тогда до встречи.

Макс проводил девушку взглядом. Узкие бедра, прямая спина, стройные ноги.

«Что и говорить, симпатичная. Но слишком манерная».

Однако тело рассудило иначе. Оно откликнулось на красоту и... запомнило это ощущение.

Глава 7

К середине июля экзамены закончились. Максимилиан получил две пятерки по математике, четверку по физике, четверку за сочинение и прошел на мехмат. Лиза и толстушка тоже прошли. Увидев себя в списке, рыжеволосая завизжала от радости и бросилась Лизе на шею.

— Я же говорила, что пройду. Вот смотри.

— Настя, ты — умница, — улыбнулась Лиза.

— Все почему? Верила.

Настя отстранилась от Лизы и прошептала:

— Когда в прошлом году вернулась домой, сосед по лестничной площадке сказал: «Попытайся еще раз, но с безусловной верой в победу».

Лиза сложила ладошки и поднесла их ко рту. Макс уже знал, этот жест означал крайнюю степень волнения.

- Твой сосед — мудрый человек.
- От его мудрости даже страшно.
- Почему? — удивился Макс.

Он стоял рядом и сиял от удовольствия. Все отлично. Он и Лиза — будущие студенты. Впереди новые встречи, разговоры, новая жизнь. Словом, сплошная радость.

— Сам подумай, — ответила Настя. — Мудрый человек, как рентген. Глянет на тебя, и все ясно.

- Да уж, — рассмеялась Лиза.
- О чем речь? — спросил очкарик.
- О вере в себя, — ответила Настя.
- В моем случае она не сработала.
- Что будешь делать?
- Возьму выписку из деканата и отнесу в пединститут. Шестнадцать баллов хватит.
- Успехов тебе, — сказал Макс.
- Спасибо.

Очкарик пожал Максу руку, обнял Лизу и Настю и, усмехнувшись, добавил:

- Смотрите не напрягайтесь. Студенты мехмата — первые претенденты в Кащенко.
- Отвесив очкарику подзатыльник, Настя воскликнула:
- Сам не свихнись.

«Ну и манеры», — подумал Максимилиан.

Очкарик ушел, а Макс пригласил девушек в профессорскую столовую. Те согласились.

Профессорская столовая находилась рядом с актовым залом. Здесь обедали преподаватели, аспиранты и студенты старших курсов. Все остальные ходили в столовую зоны Б или зоны В. И вот почему. В студенческих столовых комплексный обед стоил сорок копеек, а стоимость обеда по выбору не превышала восьмидесяти копеек. В профессорской столовой обед обходился в полтора рубля. К тому же среднестатистическому студенту было приятнее обедать в окружении шума и гама.

По этому показателю Макс не походил на рядового студента. Он тянулся к элитным обедам и не любил шума. Для себя Макс решил, что будет обедать только в профессорской столовой. Это заведение ему понравилось тогда, когда обедал здесь с отцом. Помнится, Максимилиан спросил, почему столовую не назвали рестораном.

— Из экономических соображений, — ответил Александр Владимирович. — Обслуживание и еда — на уровне ресторана, а цены существенно ниже.

Девушки еще не были в профессорской столовой, поэтому держались скованно. Макс усадил Лизу и Настю за стол и взял меню.

- Что будем заказывать?
- Решай сам, — ответила Настя.
- Возьмем суп-пюре, ростбиф с картошкой и вишневое желе.
- Не лопнем? — рассмеялась Лиза.

Макс не ответил и направился к кассе. Он достал пять рублей и, оплатив заказ, вернулся за стол. Наклонившись друг к другу, девушки о чем-то шептались. Макс улыбнулся. Он чувствовал себя джентльменом.

К столу подошла официантка. Она взяла чек и спросила:

- Кутите?
- В некотором роде, — ответил Макс. — Отмечаем поступление в МГУ.
- Поздравляю.

Официантка ушла, и Макс посмотрел на девушек. Пока не принесут первое блюдо, нужно их развлекать. Но как? У отца бы проблем не было. Рассказал бы историю, по-дружески пошутил.

— На какую тему писали сочинение? — начал разговор Макс.

Настя потянулась к хлебу, принесенному официанткой, и с готовностью ответила:

— «Ленин с нами». А ты?

— «Маяковский о времени и о себе».

— А я выбрала «Мысль народная в романе Толстого „Война и мир“», — ответила Лиза.

Макс видел, темы сочинений Лизу не волнуют. Она смотрела на Настю и о чем-то думала. Наконец спросила:

— Скажи, безусловная вера — это что?

— Вера без всяких условий, — ответила Настя.

Лиза поставила локти на стол и сложила ладошки у губ.

— Не поняла.

Оторвавшись от хлеба, Настя задумалась.

— Как бы тебе объяснить... Я просто поверила в себя. Понимаешь? Убрала все сомнения и сказала: пройду, и точка.

Лиза качнула головой.

— По-моему, это — самоуверенность. Впрочем, не знаю.

Поглядев на Макса, Лиза добавила:

— По поводу Маяковского скажу так: он для меня — «человек в футляре». Не понимаю его стихов.

Макс удивился.

— Маяковский играл на публику, — продолжила Лиза. — И франтил не для себя.

— Для кого же?

— Чтобы произвести впечатление. И вообще... Его фобия...

— Какая фобия?

В отличие от Лизы Максимилиану нравилась поэзия Маяковского. И Людмиле Ивановне тоже. Может, потому, что Макс ходил на Маяковского. Такой же высокий, стройный, темноволосый. «И хмуришься так же», — не раз говорила Людмила Ивановна.

— Маяковский страдал бактериофобией, — сказала Лиза.

Настя встрепенулась.

— Да неужели?

— Известный факт. Странно, что Макс не знает.

Лиза потянулась к тарелке и, попробовав суп, продолжила:

— Когда Маяковскому было тринадцать лет, умер его отец. Уколот палец иголкой и заработал столбняк. С тех пор в Маяковском поселился страх. Он даже дверь открывал не по-людски — обернув руку платком.

— Ну и ну, — заметила Настя.

Она с жадностью ела суп, и ее рыжие волосы пылали в свете многочисленных люстр. Макс был в замешательстве. Великий поэт и фобия. И какая-то убогая — страх перед бактериями. Лиза доела суп и подмигнула Максу. Тот покраснел и чуть не выронил ложку.

— Эх, ты. Любишь Маяковского, а не защищаешь. Я бы на твоём месте...

— Да ладно, — миролюбиво сказала Настя.

Она откинулась на спинку стула и погладила себя по животу.

— Вкусно.

— Суп с лисичками — мой любимый, — сказал Макс.

— Во-во. Лисички я сразу унюхала. У нас на Алтае их море. И маленькие, и большие. Папы-лисички, мамы-лисички, бабушки, дедушки, ребяташки... И все рыженькие. Как и я.

Лиза с Максом рассмеялись. Обстановка за столом разрядилась, и за ростбифом солировала Настя. Лисички потянули за собой рассказ об Алтае.

— Я приехала из столицы Республики Алтай. Так что — не хухры-мухры. Настоящая столичная штучка.

Максимилиан и Лиза переглянулись. Настя — просто прелесть. Озорная, веселая, открытая. Доев желе, троица встала и направилась к зоне Б. У входа в общежитие девушки попрощались.

— Разве не погуляем? — спросил Макс.

— Надо собираться, — ответила Лиза. — Завтра уезжаю домой.

— Может, проводить?

— До вокзала сама доберусь.

Лиза открыла сумку и вытащила лист бумаги.

— Здесь мой адрес. Будет желание, пиши.

— Ты ответишь?

— Обязательно.

Лиза помахала рукой и скрылась в лифтовом холле. Настя приподнялась на цыпочки и чмокнула Макса в щеку.

— Спасибо за обед, — сказала она. — До встречи.

Кивнув, Макс направился к выходу. Несмотря на то, что погулять не удалось, настроение было отличным. Он сдал экзамены, поступил в МГУ, впереди — полтора месяца отдыха. К тому же на щеке горел Настин поцелуй, а в кармане лежал Лизин адрес.

«Все-таки хорошая штука — жизнь, — размышлял Макс по дороге домой. — Просто замечательная».

Глава 8

После отъезда Лизы Максимилиан погрузился в новые ощущения, и они гармонично вписались в буйство природы. Сочная листва, яркие цветы на клумбах — все это нотки одной мелодии, и имя ее — радость. Макс чувствовал радость во всем — в чириканье воробьев, плеске Москвы-реки, улыбках прохожих. Казалось, солнечные лучи затопили весь город, и каждый дом, каждый сквер, каждая подворотня окрасились в золотистый цвет. Максимилиан наслаждался жизнью, он много читал, размышлял, гулял.

Макс не задумывался над маршрутом, для него он с детства знаком — Ломоносовский проспект, улица Лебедева, университетский сквер. Макс подходил к скамейке у бюста Менделеева, садился и ждал. Кого? Лизу, конечно. Время от времени она появлялась и, закрыв ладошкой рот, замирала. Лизины глаза превращались в озера, и в них перетекала небесная синь. За ней летели звезды, солнце, луна. Синь застывала, и в Лизиних глазах отражался мир. Ее мир. С радостью и печалью. Макс тянулся к синему миру, но тот не пускал к себе. Вернее, мир откликнулся, но двери держал на замке.

В один из июльских дней одиночество Макса было нарушено. Он, как всегда, сидел на скамейке и думал о Лизе. И тут послышался кашель.

— Кхе-кхе.

Макс обернулся. Бюст Менделеева ожил, и в каменных глазах появилось некое осмысленное выражение.

— Не трать время, сынок, — сказал Менделеев. — Женщины — актрисы.

— Лиза — не актриса, — возразил Макс.

Менделеев вздохнул.

— Сердцем живешь. Это пройдет.

— Похоже, я влюбился.

Менделеев усмехнулся.

— Я видел твою девушку. Пока вы играли передо мной, вспомнил Агнессу Фойгтман. Не женщина — огонь. Мы познакомились в Гейдельберге. Приехал на стажировку к Бунзену, а тут она. Ну, и пропал. Стоял перед Агнессой на коленях, ножку целовал... А она словно ветер. То в один город умчится, то в другой. За скандалами шли примирения, за слезами — поцелуи. Так и жили. Бунзен ворчал. Дескать, где это видано, чтобы талантливый ученый променял работу на женщину.

— И что — теперь жалеете? — спросил Макс.

— Да как сказать. Я получил год любви и дочку в придачу. Попутно нашел температуру абсолютного кипения. Ха-ха-ха! Видимо, не случайно. Я кипел, плевался жаром, чуть не сгорел с этой Агнессой.

В каменных глазах Менделеева блеснули слезы. А может, показалось?

— Сыну рассказал о своей любви. Предупреждал. Все мимо. Теперь решил поведать тебе.

— Зачем?

— Много мудришь.

Максимилиан не знал, что ответить. Сказать, что не мудрит, было бы неправильно, а приоткрыть душу он был не готов. И кому приоткрывать душу — бюсту?

Менделеев попробовал повернуть голову, но не смог. Каменные глаза уставилась на Макса, и тот увидел в них грусть. Максимилиан встал и подошел к бюсту. На каменных губах сидела пушинка. Ни малейшего движения. Смахнув пушинку, Макс направился к набережной. В голове крутились новые имена: Агнесса Фойгтман и Бунзен. Раньше он их не слышал.

— Знаешь Агнессу Фойгтман и Бунзена? — спросил Макс у отца.

Александр Владимирович поднял брови. Дескать, откуда вопрос? Однако ответил не задумываясь.

— Фойгтман — провинциальная актриса. Во время стажировки Менделеева в Германии была его любовницей. А Бунзен — немецкий химик. К нему Менделеев и приехал.

Просмотрев газету, Александр Владимирович встал с кресла и сделал десять приседаний. Затем направился в кабинет.

— С какой стати этот вопрос?

— Да так, — небрежно ответил Макс. — Познакомился с парнем-химиком, он рассказал о Менделееве.

— Похоже, твой новый знакомый — эрудит, — заметил Александр Владимирович.

— Почему?

— Историю любви Менделеева мало кто знает.

Макс подошел к книжному шкафу и увидел красную папку. На ней было написано: Андре Моруа. «Письма незнакомке».

«Видимо, мамин перевод», — подумал Макс.

Достав рукописные листы, он сел в кресло и приступил к чтению.

«Вы существуете, и вместе с тем вас нет. Когда один мой друг предложил мне писать вам раз в неделю, я мысленно нарисовал себе ваш образ. Я создал вас прекрасной — и лицом, и разумом...»

Содержание писем так увлекло Макса, что он читал не отрываясь. В тексте было все, что волновало душу.

«Вы укоряете меня за сдержанность, за мой неизменный сентиментальный морализм. Но что поделаешь?»

В комнату вошла Людмила Ивановна.

— Можно почитать этот перевод? — спросил Макс.

— Конечно, милый. «Письма незнакомке» — классика.

Макс лег в кровать и читал до глубокой ночи. Выключив свет, он решил завтра написать Лизе письмо.

Однако сразу ничего не получилось. Макс даже не предполагал, какой это труд — написать письмо. Он не собирался изливать чувства, просто хотел напомнить о себе. Но как? Рассказать о прочитанном?

Макс мучился несколько часов. Написав пару предложений, он рвал письмо и бросал в мусорную корзину. Затем погружался в себя и смотрел в окно. Макс хмурился, теребил волосы, грыз ручку. Словом, испытывал адские муки. В таком состоянии Макса увидел Александр Владимирович. Он тихо вошел в комнату и остановился за спиной сына.

— Чем занимаешься?

Максимилиан вздрогнул и лихорадочно осмотрел стол. Стопка учебников по английскому языку, словарь, чистые листы бумаги. Никаких улик. Макс повернулся к отцу.

— Дурью маюсь, — ответил он.

— Маяться дурью опасно, — сказал Александр Владимирович. — Слышал о развитии по спирали?

— Нет.

Максимилиан взглянул на отца и понял, тот настроен на разговор. Свеж, как всегда. Подтянут. И хорошо одет. Светлая тенниска, легкие брюки, запах хорошего одеколона. Александр Владимирович прошелся по комнате и, сложив на груди руки, остановился у стола.

— Человечество переживает особый момент, — начал он. — Можно сказать, несется по восходящей спирали. Она напоминает панцирь египетской улитки.

Александр Владимирович замолчал и посмотрел на сына.

— Представил?

Макс чувствовал, что отец затронул интересную тему, но ему хотелось одного — возвратиться к письму.

— Физические исследования подтверждают, любая спираль имеет моменты вращения, — погладив бородку, продолжил Александр Владимирович. — Они находятся в точках изменения направления движения. Здесь образуется импульс, и тот, кто его проморгал, будет сметен. Понял?

Макс кивнул. Слова отца прорвали барьер, и Макса охватила тревога. Перед глазами появилась картинка. Яркое солнце, синее небо, множество железнодорожных путей. Рельсы сверкали на солнце, между ними — пространства земли. Максимилиан чувствовал, как душу сжимает страх. И тут еще ветер. Он выскочил из-за косогора и принес звуки тревожных гудков. На горизонте появились поезда. Сотни поездов. Они неслись прямо на Макса. Некоторое время Макс смотрел на гигантский каток, затем побежал. Он несся на пределе своих возможностей. Поезда оглушительно свистели. Они приближались, с ними летел ветер. Непонятно почему, но Макс чувствовал: ветер — друг. Его энергетика придавала сил. Макс бежал быстрее и быстрее. И вдруг рельсы повернули направо. Макс, подхваченный ветром, поднялся в небо. Он летел

в воздушном потоке и видел блестящую спираль и сотни поездов. Все они неслись в одном направлении. Поезда были как на ладони. Вот они приблизились к последнему витку и, свистнув с надрывом, пропали в черной дыре. Были, и нет. Ни гудков, ни стука колес, ни свиста ветра. Небо и рельсы. А между ними Макс. И вдруг тишину наполнил голос отца:

— Каждый стоит перед выбором — или влиться в поток, или войти с ним в противоречие. В первом случае мы расширяем границы своего мира, во втором — падаем вниз.

Взглянув на часы, Александр Владимирович направился к двери.

— Маяться дурью... — эго какое важное дело.

Макс повернулся к столу и задумался. Он испытывал странное чувство — разговор с отцом не радовал. Такое впечатление, что между ними выросла стена. То, что стену сложил Макс, не вызывало сомнений. Но зачем? Надоел отцовский контроль? Или появилось желание стать самостоятельным? Вероятно, так. В учебнике по зоологии Макс когда-то читал: между взрослыми самцами всегда возникает соперничество. Макс усмехнулся.

«Сложно представить соперничество между мною и отцом. Как говорится, разные весовые категории».

Макс опять подошел к шкафу и отодвинул книги. Вот она — заветная тетрадь в черном переплете. Почему бы не поделиться с Лизой мыслями из дневника? Поиск себя, искренность... — Лизе это понравится.

Максимилиан вернулся к столу и начал писать.

21 июля 1971 г.

Здравствуй, Лиза!

Полистав дневник, я увидел, что чаще всего пишу о событиях. Сокровенные мысли записывать не люблю. Вдруг кто-нибудь прочтет.

И вообще... Зачем обнажаться перед людьми? Человек без тайн не интересен. Стоит, будто голый — открыт всем ветрам. По мне, лучше спрятать чудинки и беречь их от чужого взгляда. Помнишь, Щукаря в «Поднятой целине»? Кем бы он был без чудинки? Просто дедом. А тут — уникам. Энциклопедический словарь читает, петухов слушает, в интересные истории попадает. И у Нагульного есть чудинка. Учит чужой язык, чтобы общаться с мировым пролетариатом. С одной стороны — смешно, с другой — любопытно.

Чувствую, и у меня есть чудинки. Как думаешь?

С приветом, Максимилиан.

Макс перечитал письмо и остался доволен. Он собрал черновики, спрятал письмо в карман и, зайдя к матери, сказал:

— Прогуляюсь немного.

— Правильно сделаешь, — не отрываясь от перевода, ответила Людмила Ивановна.

Макс выбросил черновики в помойку и направился к киоску «Союзпечать». Он выбрал конверт с ландышем на картинке, засунул в него письмо, написал адрес и, отыскав ящик для почтовых отправлений, просунул письмо в узкую щель.

«Ну вот — дело сделано».

Стоило отправить письмо, как Макс потерял покой. Вдруг Лиза не ответит? Вдруг ее письмо достанет отец?

Макс бегал к почтовому ящику по пять раз на день. И каждый раз приходилось что-то объяснять. То нужно сходить в киоск, то хорошо бы вынести мусор, то неплохо бы прогуляться... Короче, Макс стал слишком активен.

Наконец ответ появился. Лизино письмо лежало вместе с журналом «Новый мир». Белый конверт, скромная марка, на картинке — турбаза. Макс понюхал письмо и, озираясь по сторонам, опустил его в карман. Забыв домой, он положил журнал на стол и крикнул матери:

— Я гулять.

— Да-да, милый, — послышался ответ.

Макс кубарем скатился вниз и направился к университету. Он дошел до сквера и уселся на скамейку, стоящую у бюста Докучаева. Сердце билось в ребра и не хотело успокаиваться. Наконец Макс разорвал конверт и уставился на ровные строчки. Сначала он ничего не понял. Отметил про себя, что почерк — аккуратный, письмо — в полстраницы, написано на тетрадном листе. Макс успокоился и начал читать.

28.07.71

Максимилиан, добрый день!

Сразу предупреждаю, писать не люблю и не умею. Сидя за сочинением, всегда чертыхаюсь. Лучше бы сто задач решила. Дневник никогда не вела. Мне это ни к чему. Свои мысли держу при себе — так надежней. И ничего прятать не надо. Думаю так: если хочешь высказаться, пожалуйста; не хочешь, спрячь свои мысли и молчи.

Ты пишешь, «человек без тайн не интересен». Согласна. Хотя, признаюсь, раньше не думала об этом.

Если появится возможность, приезжай в гости. Мои родители — люди простые. Будут рады. Сходим на Волгу, искупаемся, позагораем. Тогда и поговорим.

Добраться до Редкина нетрудно. С Ленинградского вокзала курсируют электрички Москва—Калинин. Для ориентира — три предыдущие станции: Черничная, Завидово, Московское Море. Последнюю не пропустишь. На самом деле это — Ивановское водохранилище. Оно и есть главный ориентир.

Если надумаешь приехать, дай телеграмму. Я встречу.

Лиза.

Максимилиан покрылся испариной.

«Пригласила в гости. Значит...»

Он встал. Ему хотелось смеяться и, запрокинув голову, смотреть на небо. Да-да, смотреть в синюю даль. Не там ли ответы на все вопросы? Свет, простор, невидимые миры. Они есть, нет только первооткрывателей. И оттуда — с неба — приходят важные мысли.

«Кто их посылает? — думал Макс. — Отец говорил, мысль — действие разума. Какого — человеческого или...? «Или» отец никогда не рассматривал. Но почему? Человеческий разум еще не все, это очевидно. Взять, например, меня. Я слышу многие голоса: каменной кувшинки, например, ветра, Главного корпуса, Менделеева. Слышу, и это — факт. Как эти голоса находят дорогу — через разум?»

Макс остановился на набережной. Взгляд побежал к Лужникам и, перелетев Большую спортивную арену, уткнулся в Новодевичий монастырь. Купол собора Смоленской иконы Божьей Матери казался генератором света. Макс зажмурился. Свет волновал, проникал внутрь, вызывал радость и отключал разум.

«Воооот! Свет, идущий от собора, выше разума. Он связан с тем, о чем отец не говорит. И ответ один: с Тем, кто за пределами разума, у отца нет связи».

У Максимилиана перехватило дыхание.

— Нет и никогда не было, — пробормотал он.

Макс глубоко вздохнул и пошел домой. Письмо лежало в кармане и грело сердце.

«Вот чудеса, маленький лист бумаги, и... греет».

Глава 9

Седьмого августа Максимилиан отправил телеграмму: «Приеду завтра часовой электричкой».

Это был смелый шаг. С одной стороны — все сложилось как нельзя лучше: Александр Владимирович уехал в Ташкент. С другой — Людмила Ивановна ничего не знала. Макс отрезал все пути к отступлению. Отправив телеграмму, он решил поговорить с матерью.

«Но как? — мучился он. — Варианта два. Первый — рассказать все как есть. Второй — что-то придумать. Ну, например, некоего друга с дачей на Волге».

Первый вариант Максу нравился больше.

«Мама не заслуживает вранья. Она поймет. Должна понять».

Войдя в квартиру, Макс направился к матери.

— Можно поговорить?

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Конечно. Что за вопрос?

Максимилиан прошелся по комнате, поднял журналы, лежащие на полу, положил их на полку, поправил плед и наконец сел. Людмила Ивановна отодвинула рукопись в сторону.

«Похоже, разговор будет серьезным», — подумала она.

Макс начал с главного.

— Меня пригласили в гости.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Людмила Ивановна.

— Как минимум, на два дня.

— У тебя появились друзья?

— Да. Вернее, нет.

Макс покраснел и добавил:

— Я познакомился с девушкой.

Людмила Ивановна встала из-за стола. Она подошла к сыну и заглянула ему в глаза.

— Влюблен. Я угадала?!

Максимилиан смутился. Трудный вопрос. Так просто не ответишь.

— Не знаю. Скорее, да.

В глазах Людмилы Ивановны зажегся огонек. Макс его видел. Яркие лучи пробивались сквозь радужную оболочку глаза и улеглись на темной поверхности. Будто лунные дорожки.

— Откуда девушка?

— Из небольшого поселка на Волге — под Калинином. Три часа на электричке.

— Это — детали. Расскажи о девушке.

Макс видел неподдельный интерес. Мало того, понимал, мама не будет вмешиваться. Она на его стороне. Впрочем, он это знал всегда. Просто..., просто на такие темы трудно говорить. Людмила Ивановна притянула сына к себе и погладила по голове. И тут Макса прорвало. Он рассказал о первой встрече с Лизой, о прогулке, своих переживаниях, обеде в профессорской столовой, письме, Лизином ответе... О чем не сказал, так это о советах Менделеева и разговоре ветра с кувшинкой. Людмила Ивановна слушала и теребила волосы сына. Она их приглаживала, разделяла на пряди, быстрыми движениями убирала со лба. Максиму было приятно. Оттого, что выговорился, оттого, что не соврал, не выглядел смешным и, конечно, от материнской ласки.

И тут Людмила Ивановна запела:

— Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь...

То, что у мамы хороший слух и голос, Макс знал давно. Людмила Ивановна любила петь. Но тут — совсем другое. Песня — некий ответ. Макс понял, мама живет сердцем — не разумом. И ее сердце наполнено любовью. К мужу, сыну, переводам... — к жизни, наконец.

- Спасибо, — поцеловав мать, прошептал Макс.
- Что ты, милый. Это тебе спасибо.
- За что?
- За то, что доверил тайну.
- Я напишу адрес, куда поеду.
- Не нужно. Я тебе верю.
- И все-таки оставляю. На всякий случай.

Посидев пару минут, Максимилиан встал. В голове звучали слова из песни: «И каждый вечер сразу станет удивительно хорош...»

После обеда Людмила Ивановна вышла из дома. Через пару часов она вернулась с большой коробкой.

- Возьми.
- Что это? — удивился Макс.
- Подарок. Нельзя же ехать с пустыми руками.
- Я думал купить торт...
- Лучше подари настольную лампу.

Макс был озадачен. Раскрыв коробку, он увидел витиеватую бронзовую подставку, кремовый абажур, шелковую бахрому.

- Лампа — символ света и поиска истины, — сказала Людмила Ивановна.

Макс поднял брови. Отличное высказывание.

- Не я придумала, — улыбнулась Людмила Ивановна. — Так сказал Диоген.
- Вот это да. Вы с отцом — два сапога пара.
- А ты как думал? Единство и борьба противоположностей.
- Ну, ты даешь. Ладно бы отец...

— Марксистско-ленинскую философию и я изучала. И материалистическую диалектику тоже. Любопытный предмет, между прочим.

Макс был в недоумении.

«В отсутствие отца мама проявилась с другой стороны. Раскрепостилась что ли?»

Мысль была настолько интересной, что Макс задал вопрос:

- Ты этой темы никогда не касалась.

Глаза Людмилы Ивановны засияли.

- Когда говорит мужчина, женщина должна молчать.

Макс подозрительно посмотрел на мать. Что-то не так. Уж слишком веселые глаза.

- Это тебе папа сказал?
- Нет. Этому меня научила жизнь.

Глава 10

Максимилиан приехал на Ленинградский вокзал за час до отхода электрички. Утреннее волнение улеглось, и казалось, что он отправляется в далекое путешествие.

Взглянув на окно пригородной кассы, Максимилиан увидел свое отражение и остался доволен. На него смотрел высокий юноша в светлых брюках, ковбойке и летних

туфлях. Вполне respectable вид. Рядом с Максом стояли коробка с настольной лампой и сумка с личными вещами.

«Вроде бы все предусмотрел, — подумал Макс. — Плавки, запасные трусы, носки, полотенце, мыльные принадлежности, теплая фланелевая куртка. Пару дней погошу, и домой».

Неторопливые мысли вспугнула цыганка. Она подошла к Максиму и, сверкнув глазами, пропела:

— Позолоти ручку, родимый.

У Макса возникло желание уйти. Он даже нагнулся за сумкой, но цыганка оказалась проворней. Она схватила руку и, взглянув на ладонь, заохала:

— Бриллиантовый мой! Так у тебя же...

Цыганка прильнула к руке и забормотала:

— Хасием! Ай-яй-яй! Черная тьма подступает, космами трясет...

Не отпуская руки, цыганка потянулась к голове Макса и вырвала волос. Вокзальную площадь окутал туман. Рядом мелькнула чья-то тень, и Макс почувствовал, что сумка, стоявшая у ног, исчезла. Вокзал, кассы, киоск с мороженым скрылись за пеленой, и перед глазами осталось одно лишь пятно. В нем колыхались смуглое лицо и цветастый платок.

— Узелок завяжу, — слышалось бормотание цыганки. — Тьма и споткнется. Ох ты, мой горемычный. А ведь какой красавчик...

Максимилиан смотрел на коробку и видел свой волос. Он извивался, как змея. В толстых пальцах цыганки появилась иголка. Острый стальной конец нацелился на волос и попытался пришить его к коробке. И в этот момент туман начал редеть.

— Дзя Дэвлэса, — услышал Макс.

Туман растаял, и солнце наполнило привокзальную площадь. Солнечные лучи плясали на заплывающем асфальте, привокзальных окнах, рельсах и электричках. Цыганка встала. Ее рот расплылся в улыбке, и показался ряд золотых зубов.

— Бахт, зор састыпэн.

Цыганка махнула подолом и исчезла. На ее месте стояла старуха. Маленькая, худая, в нелепой юбке, в грубых пыльных ботинках. Можно было подумать, это — нищенка. Но лицо... Оно было удивительным. Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, огромные миндалевидные глаза. И королевский взгляд. Полный достоинства, силы и власти.

— Бери коробку и иди на платформу, — приказала старуха.

Макс наклонился и поискал сумку. Она пропала.

— Обойдешься без сумки. Ее уже не вернуть.

Вокзальный репродуктор ожил, и Макс услышал: «Граждане пассажиры, электропоезд Москва—Калинин прибыл на четвертый путь».

В черных глазах старухи мелькнул огонек. Как у поезда, уходящего в ночь. Старуха порылась в кармане и достала носовой платок. Его вид не вязался с нищенской одеждой — тонкий батист с монограммой «М. Б.». В старческой руке появился волос, похожий на тот, что лежал на коробке. Старуха завернула его в платок и протянула Максимилиану.

— Храни. Еще пригодится.

— Зачем?

— Случайных встреч не бывает. Помни об этом. Каждый человек, появившийся на твоём пути, что-то несет.

Старуха подтолкнула Макса к платформе.

— Иди. Увидимся еще.

Макс ехал в электричке и смотрел в окно. Мимо него проносились елки и кособокие дачи и дома обходчиков. Все это скользило по касательной и не вызывало ни любопытства, ни радости, ни волнения. Электричка бежала к Калинину, а Макс все еще пребывал на вокзале. Он вспоминал старуху с цыганкой, копался в ощущениях и, конечно, переживал. Причин было много. Пропажа сумки, предсказание цыганки, липкий туман.

«Как хорошо было утром. Радовался, собирался. А тут... Кошелек и вещи пропали, в сердце — страх».

Макс покопался в карманах. Ключи от квартиры — на месте, билет, мелочь. Двадцать копеек, три гривенника, четыре пятака... И о счастье — бумажный рубль. Значит, хватит на обратный билет.

Электричка проехала Завидово, и за окном раскинулось Московское море. Макс очнулся.

«Что принесла мне старуха? — подумал он. — Освобождение, напутствие и носовой платок. Ничего больше».

Максимилиан похлопал по карману. Платок с монограммой был на месте.

«А цыганка что принесла? Может, увидела опасность? Нет, цыганка — вымогательница. Таких тысячи. Наверняка действует не одна. Так и есть. Пока заговаривала зубы, напарник стащил сумку. Черт! Теперь ни сменного белья, ни плавок, ни кедр. И книжку жаль. Взял томик лирики, хотел почитать Лизе...»

Электричка подошла к Редкино, и Макс вышел на платформу. Первое, что он увидел, — березы. Белые стволы тянулись вверх, и ослепительно-синее небо обнимало пышные кроны. Казалось, это — знак. Дескать, посмотри на небо и отряхни пыль со своих ног. Макс этот знак принял. Он запрокинул голову, и на него хлынул свет.

Свет походил на водопад. Он обрушился на голову, пробежался по телу, наполнил энергией кровь. Макс глубоко вздохнул. Мощный поток унес все пережитое на вокзале, осталась старуха и ее слова: «Каждый человек, появившийся на твоём пути, что-то несет».

— Макс! Я здесь.

Максимилиан повернулся. Лиза стояла у лестницы, и ветер играл с золотыми кудрями. Макс улыбнулся. Лиза была похожа на лето. Босая, в пестром сарафане, с веснушками на носу.

— Привет.

— Рада, что приехал. Вещи отнесем, и купаться.

Лиза схватила Макса за руку и побежала по лестнице.

— Мама пирогов напекла. Любишь пироги?

Лиза повернулась к Максиму и заглянула в глаза.

— Что-то случилось?

— Сумку украли. В ней — вещи и деньги. До вечера побуду у вас, потом поеду домой.

— Ну-ка рассказывай.

Лиза свернула с тропинки и уселась на траву. Макс опустился рядом. Событие, произошедшее на вокзале, уже не казалось мрачным, и Макс рассказал о нем как о забавном эпизоде. Дескать, развесил уши, отвлекся и получил по заслугам. О старухе Макс умолчал. Судя по рассказу, колдовские чары развеял репродуктор. Он объявил о посадке, и Макс очнулся.

Лиза слушала с интересом. В ее глазах отражались страх, жалость и удивление.

— Ну и история. Я мимо цыганок несусь, как пуля. Только бы прошмыгнуть.

— Почему?

— Чтобы не попасть в паутину. Все эти предсказания, ласковые слова — обман...

Есть в них что-то липкое.

Макс задумался.

«Лиза права. Туман на вокзале походил на паутину. Или на щупальца. Они скользили по телу, и кожа ощущала присоски. Мерзость какая».

— Что за коробка?

— Мамин подарок, — улыбнулся Макс. — Хорошо, что не успели стащить.

Лиза поднялась.

— Вот что. Одежду мы найдем, зубную щетку купим. А больше ничего не надо — верно? Так что не расстраивайся.

— Да я вроде ничего...

— Вот и хорошо. А цыганку забудь. Она нарочно пугала.

— Зачем?

— Чтобы на крючок поймать. Все цыганки — психологи. Девушкам о любви говорят, парням — о проблемах.

Оставшуюся часть пути Лиза болтала, как заведенная. Она рассказывала о Редкине, и Макс послушно поворачивался в те стороны, куда указывала Лизина рука. Торфохимический комбинат, школа № 1, ПТУ, медико-санитарная часть... Конечно, все скромно, но в Редкине живет Лиза, и этот факт придавал поселку особую прелесть.

Лиза остановилась у дома, окрашенного в голубой цвет. Невысокий забор, ажурные наличники, в палисаднике — цветы, у крыльца — березы.

— Нравится?

— Терем-теремок, — ответил Макс.

— Здесь и живу.

Среди домов, стоявших на окраине Редкина, Лизин дом был самым нарядным. Стоило на него посмотреть, как возникло ощущение сказки. Яркий, в окружении цветов, дом напоминал картинку из детской книжки. Небольшая терраса, высокое крыльцо, на нем — горшки с красной геранью.

Ситцевая занавеска дрогнула, и Макс увидел круглое лицо. Через минуту на крыльце появилась дородная женщина. Она широко улыбнулась и сказала певучим голосом:

— Милости просим.

Макс подошел к крыльцу и тоже улыбнулся. Он понял, перед ним — Лизина мама.

— Марья Ивановна, — пропела женщина и протянула пухлую руку.

— Максимилиан.

— Ой, длинно-то как. Максиком буду звать. Ладно?

На Макса повеяло теплом. Максиком его звала мама.

— Заходи. Ужо пироги успели — сейчас накормлю.

Марья Ивановна ушла в дом. Лиза стояла у крыльца и улыбалась.

— Теперь ты пропал — мама закормит.

Макс снял туфли и, оставив их на крыльце, вошел в сени. Он с интересом огляделся. В сенях стояли ведра с водой, большая бочка, трехлитровые банки. В углу — лестница, ведущая на чердак. Лиза открыла дверь, и Макс увидел кухню. Четверть ее занимала печь. У окна стол, вокруг — лавки, в углу шкафчик. Видимо, здесь хранилась посуда. Уголок у печи отгорожен ситцевой занавеской, за ней — разделочный стол, кастрюли и чугуны.

Марья Ивановна хлопотала у печи. Она достала чугуны и открыла крышку. На Макса пахнуло грибным супом.

— Маслята пошли, из них и сварила, — сказала Марья Ивановна. — На-ка попробуй.

Она поставила миску перед Максом.

— Ешь, родимый. Мы с Лизаветой уже отобедали.

Скрестив на груди руки, Марья Ивановна улыбнулась в очередной раз. Похоже, улыбка с ее лица не сходила круглые сутки.

— Ишь, какой красавчик. Чай, в матушку пошел.

Макс покраснел. Он не знал, что и ответить.

— Мама любит дарить комплименты, — сказала Лиза.

— Разве не красавчик?

За дверью послышалось мяуканье.

— Знать, Шуша мяучит.

Лиза приоткрыла дверь. На кухню вошла черно-рыжая кошка. Она остановилась у порога и уставилась на Макса. Марья Ивановна подмигнула.

— А наша Шуша красивше. Правду говорю?

Тут рассмеялись все — и Лиза, и Макс, и Марья Ивановна. Кошка зевнула и подошла к столу.

— Матушка ты моя. Никак проголодалась?

Марья Ивановна взяла миску и, налив молока, сказала кошке:

— Хлебай.

Поблагодарив за суп, Максимилиан встал.

— Рано еще, — забеспокоилась Марья Ивановна. — Курей нажарила, пироги...

— Тут у меня подарок, — сказал Макс и открыл коробку. — Мама прислала.

Увидев лампу, Марья Ивановна прижала руки к щекам и заохала.

— Царица небесная! Красотища какая.

Рассмотрев лампу, Лизина мать всхлипнула и утерла передником нос.

— Мам, ты чего?

— Неужто у нас будет стоять?

Марья Ивановна порывисто подошла к Максиму и поцеловала его в лоб.

«Третий поцелуй. Первый оставила Мартина, второй — Настя, теперь Марья Ивановна».

Поцелуи Людмилы Ивановны Макс не считал. Мама есть мама.

Вытащив лампу из коробки, Лиза понесла ее в горницу.

— У моей кровати поставь, — крикнула вслед Марья Ивановна.

— Туда и несу, — усмехнулась Лиза.

— Знаю тебя. Чуть что получше, к себе тащишь.

Макс вернулся за стол. На сей раз перед ним стояли тарелки с картошкой, куриными бедрышками и свежими помидорами. Пока Макс ел, Лиза рассказывала о цыганке. Марья Ивановна охала и качала головой. Наконец, стукнув кулаком по столу, с чувством сказала:

— Да чтоб ей провалиться! Чтобы ее руки отсохли. Ишь, тля навозная. Ползает по вокзалу, детей дурачит. Видела бы эту хабалку, волосья бы повыдергивала.

— Ну-ну, распетушилась.

Лиза подошла к матери и прислонилась к ее плечу.

— Собери-ка пирожков. На Волгу съездим.

Марья Ивановны громко выдохнула.

— И то дело.

Она взяла полотенце и вытерла лицо.

— Зацепило. Давно так не вздорил.

Марья Ивановна расстелила белый платок и положила в него дюжину пирожков. Затем подошла к шкафику и вытащила кошелек.

— Купите плавки, а потом на Волгу.

— Не стоит беспокоиться, — отозвался Макс. — Я на берегу посижу.

— Неча на берегу сидеть. Приехал в гости, значит, отдыхай.

— Спасибо. Когда начнется учеба, я верну Лизе деньги.

- А это как хошь. Вернешь — хорошо; не вернешь — не обижусь.
- Марья Ивановна опять улыбнулась.
- Идите с Богом.
- А ты — на работу поедешь? — спросила Лиза.
- Отдохну маленько. Что-то упрела у печи.

Глава 11

Домой Макс уехал через три дня. Лизиного отца он так и не увидел. Тот был в деревне, в пятидесяти километрах от Редкина. По словам Лизы, отец поехал к бабушке чинить крышу.

Марья Ивановна работала на турбазе с шести утра до восьми вечера. Макс спал на террасе и на рассвете слышал тяжелые шаги Марьи Ивановны. Перед уходом на работу она кормила кошку и кур, поливала цветы, и по ходу дела разговаривала с теми и с другими.

Максимилиана будила Лиза. Она стучала в дверь, кричала «кукареку» и бежала умываться. Макс слушал брэнчанье рукомойника, топот маленьких ног и улыбался. В Редкине ему нравилось.

Позавтракав, Лиза и Макс шли на остановку. Они садились в автобус и ехали в Новомелково. Двадцать минут пути, и вот она — «Верхневолжская» турбаза. Неказистые домики в сосновом лесу, за ними Волга. Макс с Лизой купались, катались на лодке, затем, сидя на берегу, болтали. Как правило, о детстве. Это и понятно, другого прошлого у них за плечами пока еще не было.

В их дуэте солировала Лиза. Она рассказывала о друзьях, вспоминала игры, забавные истории. Слушая Лизу, Макс погружался в грустные мысли.

«Сколько интересных событий прошло мимо, — думал он. — Штандер, вышибалы, „а мы к вам пришли“... — о таких играх я и не слышал. Беготня по лужам, секретики, нырянье в пруду, ломоть хлеба в руках, земляника на берегу, море одуванчиков, майские жуки, рыбалка, лазанье по деревьям, сено, поиск куриных яиц, цыпки на ногах, поселковый клуб, клад под березой, строительство шалаша, горькие слезы, смех до икоты... Да, что говорить, у Лизы было разноцветное детство. О таком и вспомнить приятно. А что могу вспомнить я? Музеи, книги, театры? Это — культурная программа, в которую меня погружали родители. А детство — где оно? Сидит на скамейке в сквере и разговаривает с бюстами? А может, мое детство — это мечта? Стать волшебником, астронавтом... Нет-нет. Мечта — одно, детство — другое».

Слушая Лизу, Макс понял, детство заключено в событиях и ощущениях. Лиза их получила, он нет. Вывод очевиден, его детство — дистрофик. Маленький, однобокий, на костылях. Со стороны вроде бы выглядит прилично — сытый, причесанный, в новых туфлях, однако на лице — маска. Ни улыбки, ни слез, ни удивления.

«Все-таки это — перебор, — одернул себя Макс. — Удивление было. И восторг».

Макс помнил радость от увиденных картин, театральных постановок, интересных книг. И ощущение от разговоров с отцом тоже помнил. Слова отца походили на капли. Они завораживали, сливались в ручьи, бежали дальше. И вот уже — река, состоящая из слов. Такая же большая, как Волга. Забавно. И в ней — маленький Макс. Он бултыхался в словесной реке все свое детство.

«А может, плыл? — думал Макс. — На надувной лодке. Ее надул отец, а мама держала веревку и тянула за собой. Слова отца накрывали волной, сажали на мель, подхватывали и несли дальше. А мама не позволяла утонуть. На берегу той реки не было ни травы, ни берез — одни музеи, театры, концертные залы. Бетонные берега дави-

ли реке на бока, не позволяли разливаться. Только вперед, только в заданном направлении. Но куда? Где устье, за которым свобода?»

Макс задумался. Он смотрел на облака и пытался представить свободу. Лиза его не беспокоила. В чем-то она походила на Макса. Хочет — говорит; не хочет — молчит.

Лежа на траве, Макс наблюдал за облаками.

«Белая цепочка на синем небе. Будто корабли. Плывут и меняют облик. Каждую секунду».

Лиза побежала к реке. Она переплыла Волгу и вернулась обратно, а Макс все смотрел на небо.

— Уф! — крикнула Лиза.

Она встряхнулась, и брызги попали на Макса. Вздвогнув, он приподнялся. Лиза присела рядом. Мокрые волосы, мокрые веснушки, мокрые голубые глаза. Макс улыбнулся.

«Смешная. И очень близкая».

У Макса возникло желание прижать Лизу к груди, поцеловать золотой завиток. Но он не посмел.

— Хочешь, расскажу одну историю? — спросила Лиза.

Набросив полотенце, она достала пирожок и впилась в него зубами.

— Расскажи.

— В школе я сидела на второй парте, за мной — Вовка. Мы с детства знакомы. Вместе играли, вместе в школу ходили.

Лиза взглянула на Макса, и в ее глазах сверкнули смешинки.

— В те времена писали перьевыми ручками. Помнишь?

Макс кивнул. Как же не помнить? С перьевыми ручками у него связаны первые мучения. Он никогда не забудет чистописание, жирные кляксы и горькие слезы.

— У меня была чернильница-непроливайка. Я ее носила в мешочке, а в школе ставила на парту — в специальную дырочку.

— А рядом с дырочкой был желобок, — добавил Макс. — Для ручек и карандашей.

— Верно.

Макс взял пирожок.

«Если воспоминания совпадают, возникает пересечение, — подумал он. — И это — счастье».

— Чтение Вовка не любил. Он пригибался к парте и прятался за мою спину.

— Зачем?

— Боялся, что спросят.

— А я всегда любил читать.

— Но ты же — не Вовка, — рассмеялась Лиза.

С этим не поспоришь, и Макс взял второй пирожок.

— На чтении Вовку посетила шальная мысль. Он взял кончик моей косы, и окунул в чернильницу. Затем кончик второй косы. И в это время меня спросили. Я вышла к учительскому столу и стала читать. Громко, с выражением. Выслушав меня, учительница попросила подойти к доске. Она хотела, чтобы я написала название рассказа. Повернувшись спиной к классу, я взяла мел и стала выводить буквы. «Грачева! — воскликнула учительница. — С какой поры ты красишь волосы?» Я не поняла, о чем речь. Повернулась к классу и вижу, все смеются. А почему, не знаю. Учительница подошла ко мне и откинула косы вперед. И тут я увидела фиолетовые концы. Конечно, рассердилась. С Вовкой месяц не разговаривала. А придя домой, попросила маму подстричь. С тех пор не ношу кос.

— А Вовка?

Странное дело, появление Вовки Макса встревожило.

- Он — мой рыцарь. Жаль, в мореходку поступил.
- Почему жаль?
- Видеться будем редко.

Лиза оделась, собрала вещи и пошла к турбазе. Макс шел за ней и мучился от ревности.

«Вот кто стоит у меня на пути — Вовка-рыцарь. А я — просто знакомый».

— Бежим, — крикнула Лиза. — Автобус через десять минут.

Она перепрыгнула через пень и, ойкнув, села на землю.

— Лиза, не вставай. Я сейчас.

Макс приподнял девушку, и черные тревожные глаза встретились с голубыми. Лизины губы приблизились к щеке Макса и оставили легкий поцелуй.

— Лиза...

Девушка выскользнула из рук и понеслась по тропинке.

Домой Макс вернулся с пирогами, банкой варенья и трехлитровым баллоном соленых огурцов. Открыв дверь, Людмила Ивановна воскликнула:

— Максик вернулся.

Она поцеловала сына и добавила:

— Вижу-вижу, хорошо отдохнул. Глаза светятся.

Глава 12

Александр Владимирович возвратился из командировки в приподнятом настроении. Он привез из Ташкента подарки и чуть ли не с порога начал распаковывать сумку.

— Корзину фруктов — на кухню, — командовал Александр Владимирович. — Тюбетейка — Максимилиану, платье — тебе, Мила. Ну как, нравится?

Людмила Ивановна подошла к мужу и поцеловала его в усы.

— Прелесть. Похоже, из настоящего хан-атласа.

Александр Владимирович хитро сощурился.

— У меня для вас еще один подарок.

— Какой? — спросила Людмила Ивановна.

— Послезавтра летите на Кавказ. Я заказал авиабилеты до Адлера и договорился с директором пансионата.

— Ничего себе, — только и сказал Макс.

— Разве ты не поедешь? — спросила Людмила Ивановна.

— Увы. У меня — международная конференция. Сама понимаешь, переписка с участниками, доклады...

Александр Владимирович горестно вздохнул и уткнулся в бумаги. Стоя у зеркала, Макс примерял тюбетейку и краем глаза следил за отцом. Вроде бы ничего особенного, но в то же время что-то не так. В выражении отцовского лица было нечто театральное.

— Что за пансионат? — спросила Людмила Ивановна.

— Интуристовская Пицунда. Мечта советского труженика.

За ужином Александр Владимирович был в ударе. Он рассказывал о Ташкенте, узбекской кухне, свадьбе, куда попал благодаря другу-профессору. Людмила Ивановна вникала в детали, Макс слушал и молчал.

— О чем задумался? — взглянув на сына, спросил Александр Владимирович. — В твоём возрасте нужно жить по полной программе.

— Что значит жить по полной программе?

— Влюбляться, например, петь, сочинять стихи, совершать подвиги.

Максимилиан уткнулся в тарелку.

— В семнадцать лет я был не то что ты, — улыбнулся Александр Владимирович. — И за девушками бегал, и подрабатывал, и книжки читал. Время было тяжелое, послевоенное. Одно развлечение — танцы. Накину телогрейку, и в парк. А там духовой оркестр. Танцы начинались с вальса. Сначала «Дунайские волны», затем «На сопках Маньчжурии»... Слушаешь, и сердце замирает.

— Так все и было, — отозвалась Людмила Ивановна. — А в завершение программы играли марш.

— Верно. Больше всего любил «Прощание славянки».

Александр Владимирович глубоко вздохнул и неожиданно запел:

— Та-та, та-да-да-та! Ту-ту, ту-ду-ду-ту!

Максимилиан застыл с поднятой ложкой.

— Спеть можешь? — спросил он.

— Не знаю слов.

— Удивительный марш, — сказала Людмила Ивановна. — В нем — вера в победу и горечь от прощания с близкими.

— Где ты увидела горечь? — удивился Александр Владимирович.

— Ну что ты, милый. «Прощание славянки» прежде всего для тех, кто провожает солдат на войну.

Людмила Ивановна принесла канделябр и зажгла свечи. Обхватив бородку, Александр Владимирович смотрел на огонь и молчал. На столе появились чашки, печенье и ваза с конфетами.

— Все хорошее из детства, — сказала Людмила Ивановна.

— Разве? — удивился Александр Владимирович.

Немного помолчав, он посмотрел на Макса и спросил:

— Тебе не странно, что я не рассказывал о детстве?

Максимилиан кивнул. Так и есть, о детстве отец не говорил. Максимилиан не раз спрашивал, однако ответы были односложными. Дескать, родился в 1930 году, первое время жил в деревне. Отец был конюхом. В первые дни войны попал в армию и погиб. Получив похоронку, мать умерла от сердечного приступа. Затем детдом, рабфак, университет, аспирантура.

— В детдом я попал в январе 1942 года, — начал Александр Владимирович. — К тому времени у меня был только один родственник — дядя, брат отца. После смерти матери я жил вместе с ним. Затем дядю призвали в армию, и он отвез меня в детский дом.

Как Максимилиан ни старался, но представить отца маленьким он не мог.

— В столовой детдома было холодно и сыро. С потолка капала вода, полы покрыты ледяной коркой. Мы — ребяташки — катались по полу, как по замерзшим лужам. Ни хлеба, ни сахара, ни чая. Нальем из котла горячей воды и, обжигая внутренности, пьем. Ели овсянку и затируху. Слышал о такой?

— Нет.

— Затируха — суп на воде. В нее добавляли перетертые овощи: картошку, лук, морковь. А чтобы была погуще, овощи смешивали с мукой.

Александр Владимирович встал и прошелся по комнате.

— Тяжелое было время. Воду приносили из реки, дрова заготавливали сами, спали на тюфяках, набитых соломой.

— А в школу ходили?

— По очереди. Калош не хватало.

— Зимой, и в калошах?

— К тому же на босу ногу, — горько усмехнулся Александр Владимирович. — Помню весну сорок второго. Нас повели на колхозное поле. Дождь, ветер, грязь. И мы — подростки, собирающие мерзлую картошку.

Людмила Ивановна налила мужу чай и придвинула чашку.

— Еще помню, как стирали белье. В прачечной стоял огромный котел. Его надо было нагреть, а затем черпаком наполнить тазы. День стирки был праздником. Пар обжигал кожу и создавал иллюзию тепла. Погрузив руки в воду, я замирал. Цыпки невыносимо чесались, но вытащить руки из таза не было сил. Стоял бы так и стоял...

Александр Владимирович поднял подбородок, и в его взгляде что-то изменилось. Будто солнце за тучу зашло.

— Однако мы не унывали. Верили в победу и счастливое будущее.

— А что потом?

— В конце войны детдом получил новое здание, и бытовые условия нормализовались. В 1947 году я окончил школу и уехал в Москву. Поступил на рабфак, жил в общежитии, в свободное время ходил на танцы.

Александр Владимирович улыбнулся.

— За год изучил весь садово-парковый репертуар. Даже падеспань танцевал.

Профессор Маушевский встал и, потрепав Макса по волосам, ушел в кабинет.

— Что говорить, хлебнул лиха, — сказала Людмила Ивановна. — Сиротство, детдом, голод...

В эту ночь Макс долго не мог заснуть. Отцовский рассказ оставил в душе след, и, глядя в окно, Максимилиан пытался представить себя на месте отца. Затируха, мерзлая картошка, калоши на босу ногу. Картинка военного детства не вязалась с тем образом, к которому Макс привык.

«Но почему он не рассказывал раньше? Говорил о высоких материях, а о детстве ни слова. Почему вспомнил сейчас?»

Макс перебирал детали, вспоминал голос отца, интонацию, лицо..., и не мог понять, что его так тревожит. То ли картинка, созданная отцом, то ли нарочитость рассказа. С тем и заснул.

Две недели в Пицунде пролетели как один день. Максимилиан и Людмила Ивановна жили в пансионате «Маяк». Окно номера смотрело на море, рядом шумели сосны. Прозрачная вода, крик чаек, восходы и закаты — все это настраивало на душевные разговоры. Они возникали спонтанно и, так или иначе, касались жизни и красоты в широком понимании этого слова.

Людмила Ивановна удивляла Макса на каждом шагу, она была чрезвычайно активна. Много гуляла, покупала билеты на экскурсии, читала стихи. По вечерам Макс с матерью прогуливались по набережной, затем шли в собор Святого апостола Андрея. Дни, когда в соборе давали концерты органной музыки, были событием. Звук органа проникали в душу и вызывали ответную вибрацию. По дороге в пансионат Макс и Людмила Ивановна долго стояли на набережной и глядели на море. Казалось, звезды, отраженные в воде, и лунная дорожка — все это звенья той музыки, что наполняла сердца.

— Когда вижу и слышу красоту, в голове пульсирует только одно слово, — как-то после очередного концерта сказала Людмила Ивановна.

— Какое? — спросил Макс.

— Величие.

В тот вечер они зашли в кафе и, устроившись на террасе, заказали сок и мороженое.

— У меня это слово когда-то было связано с отцом, — ответил Максимилиан.

— Было? — удивилась Людмила Ивановна.

— Да.

— Величие предполагает уважение и преклонение.

Людмила Ивановна наклонилась к сыну, и в ее глазах мелькнули огоньки.

— Уважение к отцу, конечно, осталось, — ответил Макс. — А преклонение... ушло.

— Неудивительно, — ответила Людмила Ивановна. — Ты вырос, а Саша... полюбил важность.

Максимилиан ощутил волнение. Он знал, матери не свойственно осуждение.

«Но почему она так сказала?»

— Читай классику, в ней — опыт великих людей, — продолжила Людмила Ивановна. — Например, в одной из комедий Шекспира есть слова, ставшие афоризмом:

Весь мир — театр.

В нем женщины, мужчины — все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Семь действий в пьесе той...

Людмила Ивановна замолчала. Морской бриз шевелил ее волосы, выбившиеся из прически, темные глаза блестели. Людмила Ивановна пододвинула свечу и, глядя на огонь, добавила:

Последний акт,

Конец всей этой странной, сложной пьесы —

Второе детство, полузабытье:

Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

— И каждый не одну играет роль, — повторил Максимилиан. — Ты тоже играешь? Длинные ресницы вздрогнули, зрачки стали похожи на воронки.

— А ты разве не играешь? — вопросом на вопрос ответила Людмила Ивановна.

— По-моему, нет, — ответил Макс.

Людмила Ивановна положила ладонь на руку сына и заглянула ему в глаза.

— Когда-то ты выбрал роль инертного интеллигента, и эта роль тебе пришлось по душе. Не так ли?

Максимилиан вздрогнул.

— Против интеллигентности я не возражаю. Люблю умных и воспитанных людей. Но видя твою инертность, порой хочется плакать. Стремление к покою вошло в привычку. Никому не возражаешь, ничему не сопротивляешься. Главная цель — остаться в состоянии безмятежности. Но почему?

— Может, это — мое, — сказал Макс. — Природное.

— Нет, — не согласилась Людмила Ивановна. — Природное проявляется сразу. Знаешь, какое слово ты любил в детстве?

— ???

— Слово «сам». И говорить толком не умел, но стоило протянуть руку к разбросанным игрушкам, заявлял: «Я сам». И умывался сам, и завязывал шнурки сам, и ел... Ни соски не признавал, ни бутылки. Я сажала тебя на стульчик, повязывала салфетку, и ты пил из чашки и ел ложкой или руками.

Макс улыбнулся.

— А потом будто сломался. И... попал под «каблук».

Людмила Ивановна убрала руку, и огоньки в ее глазах погасли.

— Это я виновата. Так было проще. Без сопротивления, без выяснения позиций... Соглашательство. И у тебя, и у меня. Результат очевиден — мы оба под «каблуком». И это — роль. Сознательно выбранная.

Пристально посмотрев на сына, Людмила Ивановна добавила:

— Чует сердце, мехмат — не твой факультет. Нужно признаться, мы с тобой смалодушничали.

— Что оставалось делать? — спросил Макс.

— Бороться.

Максимилиан понимал, мать права. Однако в душе таился контраргумент: если бы не экзамены на мехмат, он бы не встретил Лизу.

Глава 13

В преддверии первого сентября Макс потерял покой. Надеясь на встречу, он каждый день приходил в Главный корпус и искал Лизу. Максимилиан дежурил у деканата, подолгу стоял в лифтовом холле, спускался в студенческую столовую, однако Лизу не встретил.

Блуждая по зданию, Макс изучил инфраструктуру Главного корпуса и спустя несколько дней ориентировался в ГЗ как студент-старожил. Где только он не был — на почте, в бассейне, магазине, ателье, доме культуры, Музее земледования, на геологическом и географическом факультетах... Однако увиденное Макса не волновало. Сердце всколыхнулось тогда, когда из лифта выскочила коренастая фигура с шапкой рыжих волос.

— Настя! — крикнул Макс.

— О-о-о! Кого я вижу.

Настя подбежала к Максусу и, привстав на цыпочки, чмокнула его в щеку.

— Лизу не видела?

— Она в общежитии на Ломоносовском проспекте.

Максимилиан опешил.

— Почему на Ломоносовском?

Настя рассмеялась, и на щеках появились ямочки.

— Первокурсники до ГЗ еще не доросли. Ты что — не знаешь?

— Нет. Но вы же здесь жили.

— На правах абитуриентов. Пойдем перекусим? За обедом все расскажем.

Чтобы получить сведения о Лизе, Макс готов был идти куда угодно. Он повел Настю в профессорскую столовую. Очутившись за столом, девушка оживилась. Она не замолкала ни на минуту, и все вопросы отпали сами по себе. По словам Насти, иногородние студенты оформлялись в общежитие на Ломоносовском проспекте — в пятиэтажки для студентов младших курсов. Мехматян селили в шестой корпус. На втором этаже — девушки, на пятом — «ивяшки», остальные этажи занимали парни с мехмата.

— Кто такие «ивяшки»? — спросил Макс.

— Студенты ИСАА — одного из факультетов МГУ.

— Не слышал о таком.

— Институт стран Азии и Африки. В обиходе Институт восточных языков, коротко — ИВЯ. Понял?

Настя рассмеялась и, отодвинувшись от стола, положила ногу на ногу. Только сейчас Макс заметил, как Настя изменилась. Накрашенные ресницы, помада на губах, бордовые брюки-клеш. Макс усмехнулся.

— К началу учебного года ты подготовилась основательно.

— Верно. Гардеробчик обновила, весь месяц мотались по магазинам и ателье. Сам понимаешь, фигура у меня — нестандартная, сразу не подберешь.

Настя напрашивалась на комплимент, однако Макс промолчал. Ему было неловко обсуждать Настину фигуру. И вообще, Макс не хватало легкости в разговоре. Однако вкус у него был. Макс чувствовал, какие цвета сочетаются друг с другом, обращал внимание на детали, умел подбирать рубашки и завязывать галстук. Обувь Макс уделял особое внимание и не жалел времени на поиски туфель или ботинок. Что это было — внутренняя потребность или пример отца?

«Красивая обувь, ухоженные руки и волосы — визитная карточка интеллигентного человека, — не раз говорил Александр Владимирович. — Это — проявление уважения к окружающему миру. И к себе, конечно».

Может, по этой причине Макс и обратил внимание на Настины туфли. Синие лакировки на высоком каблуке с сантиметровой платформой. Видимо, последний писк моды. Заметив взгляд Макса, Настя вытянула ноги и цокнула язычком.

— Скажи, красивые?

— Не то слово, — искренне ответил Макс.

— Югославские. Вчера в «Ядрани» купила. Очередь — жуть. Но ты же знаешь, я — не промах. Подошла к одному парню, сунула в руку пятерку, и он пропустил впереди себя.

Настя тряхнула рыжими волосами и спрятала ноги под стол.

— И Лизе предлагала. Дескать, пойдем — прошвырнемся по магазинам. Но она как скала. Нет, и все. Трудно ее понять. Никакого интереса к вещам. То ли нет денег, то ли шмотки не любит.

— А ты любишь, — улыбнулся Макс.

— Я — тряпичница. Мимо магазина не пройду. Шарфики, белье, платья... — все бы скупила.

Настя достала зеркало и, подкрасив губы, добавила:

— Спасибо родителям. Они меня понимают и не ограничивают в средствах.

Макс поймал себя на мысли, что Настя ему интересна. Веселый нрав, игривость, непринужденность в общении — все это было в новинку. Девушка дарила беззаботное настроение и создавала его из мелочей. А Макс и Лиза так не умели. Но почему? Другой взгляд на жизнь?

Настя продолжала болтать и за десертом. Макс узнал, что ее отец — секретарь обкома, мама — хирург; что Телецкое озеро полно тайн; что в этом году макси-юбки и мини-юбки модны одновременно; что «завтра будет лучше, чем вчера», что СССР — великая страна; что математику Настя любила с детства и что собиралась учиться только на мехмате МГУ.

К концу обеда настроение Макса пошло на спад. Оживление сменилось усталостью, возникло желание уединиться.

— Проводишь до общежития? — спросила Настя.

— Извини, не могу.

— Тогда до завтра. Встретимся на первой лекции.

— Лизе привет.

Настя устремилась к выходу, и Макс посмотрел ей вслед. Круглая попка была обтянута бордовым вельветом, из-под клешей мелькали лакированные туфли, локоны лежали на плечах в продуманном беспорядке. Что говорить, Настины труды не пропали даром. Не обратить на девушку внимание было трудно.

Начало занятий ознаменовалось общим собранием первого курса. Максимилиан явился за полчаса и встал у дверей аудитории ноль один. Мимо шел непрерывный поток мехмян. Среди них преобладали ребята астеничного телосложения, с серьезными лицами и короткими стрижками. Большинство носили очки. Общежитские шли компаниями, москвичи поодиночке. Девушек было мало, и все они походили на гувернанток из старых романов: серые, блеклые, неэмоциональные. И тут мелькнуло яркое пятно. В холле показалась Настя. Она была одета в зеленое платье, на ногах красовались босоножки на высоком каблуке, волосы отливали медью. Но главное — другое. Настино лицо светилось. Макс улыбнулся. Девушка походила на лето. Яркое, многоцветное, жизнеутверждающее.

Рядом с Настей шла Лиза. Макс ее увидел не сразу. На фоне Насти Лиза терялась. Волосы выгорели на солнце, на носу — крупные веснушки, никакого обновления в гардеробе. Старая плиссированная юбка, скромные туфли, белая блузка. Однако и Лиза была хороша. В отличие от Насти она напоминала крокус. Нежный, трепетный, с тонким ароматом.

Две подруги, два времени года — лето и весна. Макс судорожно вздохнул, и его сердце, взлетев вверх, застряло где-то в гортани. Дыхание перехватило, и на глазах Макса выступили слезы.

— Максик, вот и мы.

Настя лучезарно улыбнулась.

— Шикарно выглядишь, — сказала Лиза.

Неожиданно для себя Макс обнял девушек и прижал их к себе.

— Вы — самые красивые мехмятки.

— Вот это — комплимент, — воскликнула Настя.

Макс подхватил девушек и вошел в аудиторию, заполненную первокурсниками. Троица привлекала к себе всеобщее внимание и под взгляды собравшихся заняла места в конце аудитории. Через пару минут вошли ректор и сопровождавшие его лица. Новоиспеченные студенты встали и встретили руководство мехмата громкими аплодисментами.

Первым выступил ректор — академик Иван Георгиевич Петровский. За ним взял слово академик Андрей Николаевич Колмогоров. Речь шла о значении математики, универсальности математических методов, перспективах развития. В конце выступления Колмогоров улыбнулся и, сделав паузу, сказал:

— Человечество всегда представлялось мне в виде множества блуждающих в тумане огоньков, которые смутно чувствуют сияние, рассеиваемое всеми другими. Но все мы связаны сетью ясных огненных нитей. Каждый в одном, двух, трех... направлениях. И возникновение таких прорывов через туман к другому огоньку вполне разумно называть «чудом».

«Здорово сказано, — подумал Макс. — Каждый человек — блуждающий огонек. Все его действия на ощупь. Восприятие интуитивно. Путь в плотном тумане. А среди тумана — огненные нити. Они тянутся в разных направлениях, пытаются прорваться. И наконец — о чудо — два огонька сливаются в один».

Макс чувствовал, Лиза думает о том же. Она напряглась и, опустив глаза, протянула руку. Макс сжал Лизины пальцы, и кровь запульсировала в висках. Уши заложило, и будто сквозь вату он услышал последнюю фразу Колмогорова:

— Хочу закончить выступление словами Блока: «Твердо веруй в начала и концы».

Лизина рука дрогнула, и девушка прошептала:

— Из поэмы Блока «Возмездие».

— Что? — не понял Макс.

— Люблю эти строчки.

Жизнь — без начала и конца.
 Нас всех подстерегает случай.
 Над нами — сумрак неминуемый
 Иль ясность божьего лица.
 Но ты, художник, твердо веруй
 В начала и концы. Ты знай,
 Где стерегут нас ад и рай.
 Тебе дано бесстрашной мерой
 Измерить всё, что видишь ты...

Глава 14

От первого сентября 1971 года Макс ожидал многого и не ошибся — день выдался ярким и необычным. После торжественного мероприятия первокурсников разделили на группы, а затем оправили в БУП¹ за учебниками. Отстояв несколько часов в очереди и получив книги, первокурсники разошлись кто куда. Одни поехали домой, другие отправились гулять, третьи решили отпраздновать начало учебного года. К последней категории относились практически все иногородние.

Настя и Лиза пригласили Макса в общежитие, и тот с радостью согласился. Подхватив три сумки, набитые учебниками, он отправился на сабантуй — первый в своей жизни. К Максиму и девушкам присоединились трое общежитских парней. Один из них, Модуль, был старше остальных года на четыре. По дороге он успел многое рассказать — в частности, что, будучи в армии, участвовал в подавлении восстания «Пражская весна». Услышав об этом, Макс вспомнил о поездке в Чехословакию, и этого было достаточно для установления прочного дружеского контакта.

Модуль приехал из Горького и заметно окал. Высокий, худой, с длинным носом, он напоминал Буратино. И улыбался от уха до уха. Глядя на него, можно было не сомневаться, Модуль — душа компании.

В компании общежитских ребят было еще два парня. Одного звали Саня Войтюк. Низенький, немногословный, с большими грустными глазами, Саня приехал из Норильска. Другой — Ферзь, сочинский хиппи. Сальные волосы Ферзя доходили до плеч, футболка висела на тощем теле, экстравагантные брюки-клевш подметали асфальт. На брюки Ферзя Макс обратил внимание сразу — они были сшиты из оранжевого вельвета. Внизу штанин красовались молнии, сбоку — колокольчики. Слабый мелодичный звон сопровождал каждый шаг Ферзя и волей-неволей притягивал внимание. Ферзь много курил и, подняв подбородок, театрально выпускал дым.

По дороге в общежитие парни заглянули в магазин. Девушки решили не ждать и отправились домой.

— Что купить? — крикнул вслед Модуль.

— Колбасу и соленые огурцы, — ответила Настя. — Картошка у нас есть.

— Я оладышки напеку, — добавила Лиза.

— Оладышки — это хорошо, — улыбнулся Ферзь. — От них домом пахнет.

Закупкой провизии руководил Модуль. Скинувшись, ребята купили банку соленых огурцов, две бутылки водки, бутылку токайского, три батона, полкило «Докторской» колбасы, приличный кусок «Пошехонского» сыра, трехлитровую банку томатного сока, триста грамм сала и полкило помидки.

¹ БУП — библиотека учебных пособий в ГЗ МГУ.

У входа в шестой корпус сидела вахтерша. Модуль опустил сумку на пол, бутылки звякнули, и бабуся подняла брови.

— Степаниде Ивановне привет.

Модуль протянул шоколадку и указал на Макса.

— Мой новый друг.

Вахтерша кивнула, протерла очки и продребезжала:

— Ох, Вовчик, видно, без гостей тебе не жизнь.

Модуль ухмыльнулся.

— Как говорил мой дед, добрый гость всегда впору.

— Ну и ладно. Не буду твоего друга записывать. Пусть проходит.

Парни поднялись на третий этаж, подошли к триста пятой комнате, и Ферзь толкнул дверь. Первое, что увидел Макс, четыре кровати и стол. За столом сидел хлипкий очкарик и читал толстую книгу. Макс пригляделся.

«Ничего себе, — подумал он. — „Математический анализ“».

— Знакомься, наш вундеркинд Яша, — сказал Модуль.

Он подошел к столу и по-отечески обнял очкарика.

— Да ладно, — смутился тот.

— Максимилиан.

Макс пожал худенькую руку и улыбнулся.

«Вундеркинд Яша. Похож на совенка. Подслеповатый, с крючковатым носом».

Ферзь уселся на кровать и начал настраивать гитару.

— Макс, между прочим, москвич, — разбирая сумку, продолжил Модуль. — А папа у него ...

Речь Модуля прервал стук. На пороге появилась Лиза.

— Оладьи не переворачиваются.

— Это поправимо, — ответил Саня. — Сейчас помогу.

— И Макса с собой возьмите, — распорядился Модуль. — В три пары рук живо напечете.

— Собираемся у нас, — сказала Лиза, закрывая дверь.

— Вот и отлично, — обрадовался Модуль. — Мое место — рядом с тобой.

— Это почему?

— Как говорил дед, хочешь быть сыт — садись хозяйке под бок.

Лиза хмыкнула.

— Нашел себе хозяйку. У меня даже оладьи горят.

Модуль выпрямился и стал похож на восклицательный знак. Не выпуская сала из рук, он выдал фразу в манере профессора Маушевского.

— День долог, красавица. Всему свое время.

Лиза, Макс и Саня спустились на второй этаж и направились в кухню. У плиты стояла Настя. Она обкусывала обгоревшие оладьи, а негодные к употреблению остатки выбрасывала в помойное ведро. Настино лицо покраснелось, вафельное полотенце, служившее фартуком, едва держалось на талии.

— Яйцо и растительное масло, — коротко приказал Саня Войтюк.

Лиза дала то и другое. Засучив рукава, Саня поставил на плиту две сковороды, и за десять минут напек гору оладьев. Лиза и Настя выхватывали оладьи из миски и тут же ели.

— Вкуснота, — облизывая лоснящиеся губы, одобрительно сказала Настя. — Кто научил?

— Отец, — выключив плиту, коротко ответил Санька.

Настя подхватила блюдо и понесла в комнату. Все остальные отправились за ней. Двести первая комната, где жили девушки, находилась у холла. В проеме комнаты стоял Ферзь с гитарой в руках. Бросив взгляд на олады, он удовлетворенно причмокнул и неожиданно запел:

Лиза, Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это...

Голос Ферзя был низким, с легкой хрипотцой. Из-за плеча Ферзя показался Модуль. Он одарил пришедших фирменной улыбкой и продолжил куплет:

И за это, и за то, что почистила пальто.

Все рассмеялись.

«Весело живут, — подумал Макс. — Не то что я».

В комнате девушек уже был накрыт стол. Скатертью служила простыня, на столе стояли стаканы и две большие тарелки. Одна — с картошкой и солеными огурцами, другая — с нарезанной колбасой, сыром и салом. Около тумбочки виднелись бутылки с вином и водкой, на окне красовалась банка томатного сока.

— Заходите, гости дорогие, — послышался высокий голос.

Макс перевел взгляд от стола и увидел девушку, сидевшую на кровати.

— Рузи.

— Максимилиан.

Ферзь подошел к кровати и подал Рузи руку. Девушка встала и улыбнулась всем и сразу. Макс был ошеломлен. Рузи была так красива, что трудно было отвести взгляд. Длинная коса, брови полумесяцем, темные глаза с сантиметровыми ресницами. К тому же хрупкая, как балерина.

— Рузи — таджичка, — расставляя тарелки, сказала Лиза. — Между прочим, математик в третьем поколении.

Рузи взмахнула ресницами и опять улыбнулась

— Верно. И дед, и отец — математики.

— Выходит, пошла по семейным стопам, — промолвил Макс и смутился от сказанной банальности.

Чтобы прийти в себя, он принял независимый вид и стал рассматривать комнату. Четыре кровати, стол, стулья, тумбочки, на стенах — книжные полки. Типовой набор оживляли типично женские штучки: салфетки, вазочки с цветами, пузырьки от духов, тюлевая занавеска, восточный ковер над кроватью Рузи, желтая шелковая подушка, бусы, висящие на гвозде, и прочее, прочее. Вещи создавали уют, и комната выглядела яркой и радостной.

— Все дело в деталях, — раздался чужой голос.

Макс оглянулся. На пороге стояла высокая дородная девушка.

«Метр восемьдесят, не меньше», — подумал Макс.

— Будем знакомы — Люба Полунева.

Прямой взгляд, очки в роговой оправе, за ними — небольшие серые глаза.

— Макс Маушевский.

Настя подошла к Любе и уткнулась ей в грудь.

— Наша мама пришла, молочка принесла.

И правда, из Любиной авоськи торчали треугольные пакеты с молоком.

— Сабантуй? — поправив очки, спросила Люба.

— Он самый, — ответил Модуль.

— А где Яша?

— Мал еще.

Люба заняла лучшее место, за ней сели остальные. Макс отметил, в Любином присутствии Модуль ушел в тень. Однако вывод был преждевременным. Стоило Модулю выпить, как его стало много. Хрустя огурцом, Модуль рассказывал анекдоты и сыпал поговорками. И, как ни странно, все было к месту.

— Тебе бы в Институт культуры, — выслушав очередной анекдот, сказала Люба. — Талант так и прет.

— Вы обо мне мало знаете, — ухмыльнулся Модуль.

Он подмигнул Ферзю, и тот взял в руки гитару.

— Слышали о Скитовиче? — спросил Модуль.

Люба напряглась и сдвинула брови. Видимо, пыталась вспомнить, кто такой. Настя застыла с банкой томатного сока и вопросительно уставилась на Макса. Скитовича знала одна только Рузи.

— Виктор Павлович Скитович, будучи студентом матмеха ЛГУ, в 1946 году сочинил песню, известную всем математикам.

— Умница! — возопил Модуль. — Дай тебя поцелую.

Он наклонился над Рузи и запечатлел отеческий поцелуй на макушке девушки. Люба с уважением посмотрела на подругу.

«Какие они разные, — подумал Макс. — Одна как цветок; другая как... водовозная бочка».

Макс, конечно, ошибался. Хотя Люба и была полной, с тяжелым подбородком и нелепым каре на голове, она не походила на бочку. В девушке чувствовалась то, что называют породой. Где пряталась порода, трудно сказать. Но то, что Люба имела свою «изюминку», не вызывало сомнений.

Взяв бутерброд, девушка посмотрела на Модуля.

— С какого рожна вспомнил о Скитовиче?

— А вот с какого — мой брат и Скитович учились в одной группе.

— Ну и что?

Модуль налил полстакана водки, широко открыл рот и одним махом выпил. Затем откинулся на спинку стула и запел:

Раскинулось поле по модулю пять,
Вдали полиномы стояли.
Товарищ не смог производную взять,
Ему очень строго сказали...

Ферзь взял нужные аккорды и подхватил низким голосом:

Анализ нельзя на арапа сдавать,
Гавурин тобой недоволен,
Изволь теорему Коши доказать
Иль будешь с матмеха уволен.

Модуль и Ферзь допели песню и сорвали оглушительные аплодисменты.

— Нормально, — похвалил Саня.

— Макс, тебе понравилось? — спросила Настя.

— Мне здесь все нравится.

Макс не кривил душой. Он попал в иной мир. В тот, где гуляет свобода. Макс ощущал ее всеми органами чувств. Он глядел на ребят, слушал их разговоры, пробовал

подпевать, пил водку, заедал салом, и ему было так легко на душе, что выйди все танцевать, и он бы пошел.

И в этот момент Ферзь заиграл русскую плясовую. Макс выскочил на середину комнаты и, размахивая руками, прошелся по кругу. Настя прыснула и встала из-за стола. Накинув платок, она проплыла мимо Макса и коснулась его «крылом». Тот пустился вприсядку. И началось веселье. За Настей выскочила Лиза, потом Модуль, за ним Рузи и Люба. Шум стоял такой, что в комнату заглянули соседи. Одни сели за стол, другие пустились в пляс. Наконец появилась вахтерша. Модуль убрал водку и, лавируя между танцующими, двинулся к Степаниде Ивановне. Приобняв бабуся за талию, Модуль скрылся в коридоре, и танцы прекратились.

Сабантуй подходил к концу. Люба отправилась ставить чайник. Настя с Лизой убирали посуду, а Рузи поправляла кровати. Пришлые студенты испарились, и в комнате остались только четыре хозяйки и трое парней. Ферзь перебирал струны, Макс глядел на Лизу и размышлял. Две рюмки водки дали о себе знать, и мысли путались. Однако Макс держался достойно.

«Странно, — думал он. — Лиза среди подруг — самая незаметная. Вот, например, Настя. Смелая, яркая, хорошо одета. О Рузи и речи нет. Красавица. И Люба, как оказалось, ничего. Мимо не пройдешь. А Лизу не видно, не слышно. Но почему? В тот день, когда мы познакомились, она вела себя по-другому. Подошла первой, заговорила. И ребятами верховодила, и в сквере была свободна, как ветер. То на скамейку прыгнет, то к бассейну подойдет...»

Размышления Макса прервал Модуль. Вернувшись в комнату, он приложил палец к губам и сказал:

— Бурю успокоил, но волны бушуют.

Максимилиан встал.

— Мне пора.

— Чайку попьем, и пойдешь.

Модуль усадил Макса за стол, а сам подсел к Сане и Ферзю. Пока девушки ставили чашки, троица спела еще одну песню — да так душевно, что у Макса защемило в глазах.

Шел корабль, своим названьем гордый,
Океан старался превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Макс представил лошадей, плывущих по океану, и на его сердце опустилась печаль. Эмоции пробились наружу, и Макс шмыгнул носом.

— А ты — сентиментальный, — хихикнула Настя.

— Это хорошо, — сказала Люба, размешав сахар в стакане.

Остальные согласились. Сентиментальный, значит, принимает все близко к сердцу. Словом, отличный парень.

После чаепития Макс попрощался и, взяв свою сумку с учебниками, направился к выходу. Модуль вызвался проводить. Спустившись на первый этаж, Макс достал

рубль и положил его перед Степанидой Ивановной. Почему? То ли от избытка чувств, то ли в благодарность чудесному дню.

— Купите конфет.

— Спасибо, милоч, — поблагодарила вахтерша и уткнулась в вязанье.

— Молодец, — похвалил Модуль. — Теперь у тебя не будет проблем. Когда захочешь, тогда и придешь.

Вечер был прохладным, и, проводив Макса до остановки, Модуль повернул к общежитию.

— Подожди минуту, — крикнул Макс.

Модуль остановился.

— Почему у Ферзя такая кличка?

— Он мастер спорта по шахматам.

— Как его настоящее имя?

— Альберт Иванов. Нелепо звучит. Верно?

Макс пожал плечами.

— По-моему, нормально. А тебя как зовут?

— Владимир Семенов. Коротко Вовчик.

— Надо же, Вовчик. Модуль мне больше нравится.

— Кстати, кличку придумал сам. Угадай — почему?

— Не знаю. Модуль в математике — абсолютная величина.

— И всегда положительная.

В девять вечера Макс был дома. Стоило ему открыть дверь, как в холл вышли родители. Грозно взглянув на сына, Александр Владимирович удалился в свой кабинет.

— Ты откуда? — спросила Людмила Ивановна.

— Из общежития, — ответил Макс. — Отмечали начало учебного года

— Почему не позвонил?

— Не было телефона.

Макс был частично прав. Телефона в общежитии нет, а тот, что стоит у вахтерши, можно не принимать во внимание. Он — служебный. Выпитая водка еще давала о себе знать, и Максимилиан спросил о том, о чем думал по дороге домой:

— Mam, можно принять влюбленность за любовь?

В глазах Людмилы Ивановны мелькнула боль.

— Без жизненного опыта так часто бывает.

Она зябко повела плечами и добавила:

— В серьезных вопросах важно не спешить.

— Это верно, — сказал Макс и отправился спать.

Лежа в кровати, он перебирал события дня. В памяти всплывали «огненные нити». Они не соответствовали тому, о чем говорил Колмогоров, но как знать... Перед Максом проносились фразы, строчки из песен, отдельные высказывания. И все это имело смысл. «Над нами — сумрак неминуемый, где стерегут нас ад и рай», «раскинулось поле но модулю пять», «миной кораблю пробило днище», «ты — сентиментальный», «все дело в деталях»... Казалось, никакой связи. Однако в подсознании шевелилась мысль, что все связано: и сказанные слова, и встречи, и поступки. От этой мысли Макс стало не по себе. Он тряхнул головой, и дневные впечатления вылетели в окно. Или не вылетели? Опустились в копилку памяти и перестали тревожить. До поры до времени, конечно.

Макс свернулся калачиком и заснул. За окном — ни шума дождя, ни свиста ветра. Светлая безмятежность первых сентябрьских дней. Тишину квартиры нарушал толь-

ко голос Людмилы Ивановны. Она пыталась оправдать Макса. Однако в кабинете профессора Маушевского царил зима, и слова, замерзая на лету, с тихим звоном падали на пол. Людмила Ивановна куталась в шаль и возобновляла попытку. Тщетные усилия. Холод порождал ветер. Тот несся по кабинету, и на его крыльях красовалось утверждение: в грехах детей виновата мать — только она.

Глава 15

Первокурсников разделили на группы по уровню английского языка. Макс, Яша и Люба попали в десятую группу, где собрались студенты, свободно владеющие английским. Настя, Лиза и Рузи оказались в группе «продолжающих». Модуль, Ферзь и Саня — в группе «начинающих». И все потому, что в школе учили другие языки. Саня и Ферзь — немецкий, Модуль — французский.

Однако главный критерий на мехмате — не английский язык, а уровень математической подготовки. По этому показателю Макс и его друзья были салагами. Они окончили обычные школы и, как ни пыжились, не могли тягаться с «бывальными» — с теми, кто учился в физико-математических школах или колмогоровском интернате. Благодаря природным способностям Яша-вундеркинд был ближе всех к корифеям, но и ему приходилось несладко. В то время, как «бывалые» отдыхали, Яша не вылезал из библиотеки и к концу сентября походил на совенка-дистрофика.

Макс, по большому счету, плыл по течению и ничего не делал. Он ходил на лекции, посещал семинары, но в мыслях был далеко. Его жизнь изменилась, и появились новые увлечения. Свободное время Макс проводил в общегитии, играл в преферанс и пил водку. Степанида Ивановна встречала его как родного и, уткнувшись в вязанье, приветливо дребезжала:

— Заходи, соколик. Вовчик небось скучает.

Макс поднимался в триста пятую комнату и видел одну и ту же картину: Модуль раскладывал пасьянс, Ферзь брэнчал на гитаре, Санек что-то читал, Яша сидел на кровати среди разбросанных книг и думал. Из ушей вундеркинда торчала вата, глаза упирались в формулы, и, кроме них, Яша ничего не видел.

— Красавчик пришел, — увидев Макса, говорил Модуль.

Саня поднимал голову и здоровался:

— Привет.

Ферзь, сделав музыкальное вступление, встречал песней Высоцкого:

Как ныне собирается вещей Олег
Щита прибывать на ворота...

Модуль отрывался от пасьянса и, смешав карты, присоединялся к Ферзю.

Ну только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром.

В этом месте приветствие заканчивалось, и Модуль обращался к Максy с неизменным вопросом:

— Принес?

Макс доставал четвертинку, и Ферзь с Модулем оживали. Модуль ставил на стол стаканы, доставал из банки соленые огурцы и, разложив на клеенке, заявлял:

— Как говорил Омар Хайям, вино запрещено, но есть четыре «но»: смотря кто, смотря с кем, когда и есть ли мера.

Ферзь поднимал стакан и добавлял:

— При соблюдении этих условий пить разрешено.

Увидев, что Саня по-прежнему сидит на кровати, Модуль спрашивал:

— Санек, ты как?

— Не буду. Матанализ учу.

— Учи, голубь, учи, — голосом Степаниды Ивановны говорил Модуль. — А мы, грешные, выпьем за твои успехи и распишем пульку.

Содержимое Саниного стакана делилось на три части, и троица садилась за преферанс. Чаще всего играли «на взятки».

— Интеллект против фарта бессилён, — заявлял Модуль и раздавал карты.

От игры в преферанс Макс получал наслаждение и вскоре стал достойным соперником. Временами у Макса возникало желание поразить друзей своей эрудицией. С лету не получалось, и он шел путем домашних заготовок.

Усевшись за стол, Макс с нарочитой небрежностью выдавал тот или иной афоризм и с удовольствием принимал поздравления. Самым щедрым на похвалу был Модуль. Услышав яркое выражение, он хлопал Макса по плечу и говорил:

— Моя школа.

Как-то раз Макс выдал заготовку собственного сочинения:

— Вистуй всегда, вистуй везде, до дней последних донца...

Оторвав взгляд от карт, Модуль потянул длинным носом и спросил:

— Кто автор?

— Я, — ответил Макс.

— Врешь. Что-то подобное я слышал.

— Ты слышал Маяковского, — сказал Санек. — В данном случае нам представлена переделка стихотворения Маяковского.

— Верно, — рассмеялся Макс.

Он откашлялся и продекламировал:

Светить всегда, светить везде,
до дней последних донца,
светить — и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой — и солнца!

— Молоток! — воскликнул Модуль.

Он сорвался с места и исчез за дверью.

— Куда? — спросил Макс

— Сейчас придет, — ответил Ферзь.

И правда, через минуту Модуль вернулся. В его руке была внеплановая четвертинка.

— Хорошую переделку надо обмыть.

Лицо Модуля было серьезно, ноздри слегка дрожали.

— Донца, донца... Не припомню такого слова. Что означает?

Этот вопрос Макс предполагал, поэтому тут же ответил:

— «Донце» — значит «дно». Иначе — «конец».

— Выходит, вистуй до конца, — развеселился Модуль. — Саня, как тебе?

— Что?

— Выражение.

— Моночленно, — ответил Саня.

Слово «моночленно» Макс слышал не раз. В переводе с математического сленга оно означало «безразлично». Но каков Войтюк?! В очередной раз Макс подумал о том, сколько в Сане достоинств. Надежен, не болтлив, начитан, умен, в меру дружелюбен. Настоящий пример для подражания.

Однако кумиром Макса был не Войтюк, а беспечный Модуль. В нем было то, чего Макс не хватало. Модуль легко знакомился, легко договаривался и жил, как птица небесная. Порой не имея денег, довольствуясь курткой, пуловером, парой брюк, одной рубашкой и сменой белья. Однако неопрятным не выглядел. Он ежедневно стирал рубашку и аккуратно развешивал ее на спинке кровати. А в комнате, как правило, ходил в майке. Сказать, что Модуль не учился, было нельзя. Он посещал лекции и семинары, а под настроение уединялся в читальном зале и быстро наверстывал упущенное. И все потому, что имел уникальную память. Достаточно было прочесть страницу, и Модуль мог пересказать слово в слово. Или почти слово в слово — с минимальными ошибками и оговорками. И еще Модуль любил давать советы. Конечно, не всем — тем, кто просил. Советы касались конкретных ситуаций и имели практическое значение. Так, например, Модуль научил Макса отбивать алкогольный запах. Для этой цели Макс купил кофейные зерна и, разжевав несколько штук, становился, по словам Модуля, яки Божий агнец — чистый и безвинный.

Александр Владимирович по-прежнему держал паузу. Его общение с сыном сводилось к двум фразам: «Доброе утро» и «Спокойной ночи». С точки зрения профессора Маушевского, самым страшным наказанием был не крик, не лишение денег, а бойкот. Объясняя свою позицию, Александр Владимирович не раз говорил жене, что такое наказание Максимилиану на пользу.

— Куда это годится, — возмущался он. — Парню семнадцать лет, а он в первый день занятий явился с запахом перегара.

Бойкот не вызвал у Макса никаких эмоций, мало того, освободил от отцовских нравоучений. Макс был предоставлен самому себе и радостно плыл по волнам свободы. Так что Александр Владимирович совершил большую ошибку. Он применил неверный педагогический прием и потерял отцовскую бдительность.

С матерью у Макса проблем не было. Забегая домой на обед, он рассказывал новости и уходил в «читалку». Людмила Ивановна слушала сына, вникала в детали студенческой жизни и вскоре получила некоторое представление о жизни мехмата.

Конечно, прежде чем выдать ту или иную информацию, Макс подвергал ее внутренней цензуре. В результате сложилось впечатление, что Макс занимается с утра до ночи, а его общежитские друзья — настоящие таланты.

Если бы не отсутствие мира в семье, для Людмилы Ивановны все было бы хорошо. Однако разлад сына и мужа выбивал из колеи, и, отложив переводы, она садилась за вышивку. Делая крестик за крестиком, Людмила Ивановна думала о будущем Макса, и эти мысли порождали новое душевное беспокойство.

К началу ноября вышивка была готова. На ней выделялись скалистые горы, голубое небо и птицы с глазами из черного бисера. Закончив работу, Людмила Ивановна заказала рамку и повесила картину в комнате сына.

Вышивка Максону понравилась.

— В ней есть вектор, направленный вверх, — сказал он.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Общение с математиками сказывается на мышлении.

Макс хмыкнул.

— С кем поведешься...

— Признаюсь, трафарет выбрала случайно, а результат получился с намеком, — продолжила Людмила Ивановна. — Почти по Юнгу.

— Не слышал о таком.

— Юнг — известный психолог. Он занимался сознательным и бессознательным.

Эту информацию Макс отбросил как неинтересную. Он разделся и лег в кровать.

— Спокойной ночи, мой милый, — сказала Людмила Ивановна.

— Спокойной ночи.

Макс посмотрел на стену.

«Все-таки странная картина. Светлая и темная одновременно. И птицы непонятной породы. То ли чайки, то ли коршуны».

Луна заглянула в окно, и птицы на картине ожили. Глаза-бисеринки сверкнули, и посмотрели на Макса.

«Черт-те что. Перезанимался, наверное».

Макс накрылся с головой и погрузился в мысли.

«В плане учебы все нормально. Как-нибудь проскочу. А вот с Лизой — проблемы».

Развить мысль Макс не успел — через минуту он спал. Однако бессознательное продолжало работу. Что это — психологический анализ? Где прячется бессознательное «я», какова его роль? Зачем грызет изнутри? Так или иначе, но результат подобной работы известен. В жизнь человека входят самооценка и самопознание.

Макс — не исключение. По мере того как вырослел, работу подсознания замечал чаще и чаще.

«Проблемы — не в Лизе, а во мне, — едва проснувшись, подумал Макс. — Выскочив из ежовых рукавиц, я захлебнулся от свободы. Ни жизненного опыта, ни знания людей — сплошные чувства. Они неслись, как молодые кони, а лассо... осталось в пыли».

Новые впечатления будоражили кровь, и Макс приходилось трудно. Он успокаивал плоть, учился дружить, менял маски, получал знания, наблюдал, входил в новые роли. В этой круговерти девушки занимали особое место. Макс с удовольствием флиртовал, и не потому, что кем-то увлекся, а потому, что в течение многих лет ему не хватало внимания. И вот теперь получил компенсацию. Ребята из общежития проявляли дружеское участие, преподаватели были снисходительны («Не благодаря ли отцу?» — не раз думал Макс), девушки пытались понравиться.

С Любой Макс встречался чаще всего. Они вместе сидели на семинарах, вместе проводили перемены. Люба не кокетничала, она заботилась. Кормила Макса бутербродами, объясняла, решала задачи, писала лекции под копирку. Рузи дарила улыбки, однако держала Макса на расстоянии. Настя кокетничала напраполю. При каждой встрече чокала Макса в щеку, брала под руку, заглядывала в глаза. А Лиза будто окаменела. Она потеряла игривость и ходила с растерянной улыбкой. Макс ловил ее взгляды и читал немые вопросы: «Ты ли это? Мне что — все приснилось?»

В первый семестр у Макса вошло в привычку анализировать прошедший день. Прежде чем закрыть глаза, он прокручивал в памяти прошедшие события и давал им оценки. Каждый раз он видел вышивку матери. Она жила своей жизнью. Глаза-бисеринки, освещенные луной, отражали тьму. Не ту, что пряталась в птицах (какая в них тьма?), а ту, что сидела в Максе. Тьма была невелика, но она заслоняла свет, идущий из сердца. Полупрозрачная вуаль застилала глаза, и угол зрения, под которым Макс смотрел на мир, стал меняться. Затихли звонкие голоса, поблекли краски, и Макс погрузился в другую реальность. Конечно, не сразу. Однако вектор развития,

изменив направление, опустил стрелку вниз. Вот парадокс. Глядя на вышитую картину, Макс думал о движении вверх, а сам неуклонно катился вниз.

Странны дела твои, Господи! Все в нашей жизни связано, все имеет значение. Невинное увлечение Людмилы Ивановны — черные бисеринки, попавшие ей в руки, — путь, который Максус надо пройти. Чудеса, да и только.

Глава 16

В ноябре среди салаг началась паника. Причина была понятна. Зачетная сессия не за горами, а с ней — возможный провал. Все знали: не сдашь зачеты — не допустят к экзаменам, дальше — отчисление. По мехмату полетели байки одна страшнее другой. Сюжет баек, как правило, не менялся: первокурсники сдают высшую алгебру, или матанализ, преподаватели их «срезают», или «заваливают».

Массовый психоз напоминал химическую атаку. Спрятаться невозможно, убежать тоже. У девушек сдавали нервы, ребята держались благодаря русскому народному средству. А корифеям хоть бы хны. Ноль эмоций и полная отстраненность. Внутреннее беспокойство толкало салаг к корифеям. Им хотелось спросить, понять, обрести уверенность. Преодолев выстроенный барьер, салаги задавали вопросы и слышали ответ: «Это элементарно. Ежу понятно. Не знать таких вещей — стыдно».

Психатака коснулась и Макса. Слухи принесла Настя. Она бегала по общежитию, охала, выдавала мрачные прогнозы и в результате так измоталась, что с девушкой случилась истерика. Настя рыдала два дня. «Я провалюсь, вот увидите», — повторяла она. Из этого состояния ее вывела Лиза. Она подошла к Настинной кровати и тихо сказала:

— Выходит, ты трепалась.

Настя затихла и подняла голову. Опухшие от слез глаза ничего не выражали.

— Помню одну замечательную фразу, — продолжила Лиза. — Я долго над ней размышляла.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — ответила Настя.

— Вера в себя притягивает успех.

— Да-да, было дело.

— Потом ты пыталась объяснить, что такое безусловная вера.

Настя вытерла слезы и громко высморкалась.

— Это я так... Рисовалась.

— Мне показалось, ты говорила искренне...

Настя встала, взяла полотенце и направилась к двери.

— У меня всегда так, — сказала она у порога. — Что в голову вобью, в то и верю. Вот сейчас вбила, что провалюсь, и, испугавшись, потеряла остатки ума.

Она взялась за дверную ручку и добавила:

— Но ты права. Нужно взять себя в руки.

И в этот момент вошел Модуль. В руке он держал стакан, прикрытый краюхой хлеба.

— Выпей, голубушка, — сочувственно сказал Модуль. — По себе знаю — полегчает.

Встряхнув рыжей гривой, Настя взяла стакан и единым махом выпила водку.

— Эх, — выдохнула она. — Где наша не пропадала.

Настя улыбнулась и, виляя задом, пошла в душевую.

— Вот вы меня все ругаете, а лекарство сработало, — сказал Модуль.

— Полечил бы ее раньше. Глядишь, не было бы истерики.

Модуль развел руками.

— Проклятый эгоизм. Самим не хватало.

— А теперь?

— Завязали. Пора учиться.

Дверь открылась, и в комнате появилась Люба. Она опустила авоську и, протерев очки, посмотрела на Рузи. Та лежала на кровати, закрывшись ярким восточным покрывалом.

— Как твоя мигрень? — спросила Люба.

Рузи приподнялась и подложила под голову шелковую подушку.

— Спасибо, лучше.

— А Настя где?

— В душевой, — ответила Лиза.

— Вот и хорошо.

Люба повернулась к Модюлю.

— Неужели трезвый?

— Тебе бы гадалкой работать.

Люба повесила пальто и вытащила продукты. На столе появились несколько брикетов «кофе со сливками», пастила, торт «Сюрприз», хлеб и кефир.

— Поставь чайник и зови ребят, — сказала она Модюлю. — Кофе пить будем.

Через полчаса Макс, Саня, Модуль и Ферзь сидели в комнате девушек и пили кофе. Яша идти отказался, и вундеркинду отнесли кофе «в постель». Украшением стола был торт «Сюрприз». Огромного размера, густо посыпанный какао, торт символизировал праздник.

— Что отмечаем? — спросил Ферзь.

— Начало учебного года, — ответила Люба.

Со следующего дня друзья взялись за учебу. После занятий Макс по-прежнему ходил в общежитие, но водки и преферанса уже не было. Все учили математику. Яша, Люба и Саня Войтюк помогали наверстать упущенное, однако проблемы оставались. У каждого свои.

У Макса были нелады с матанализом. Он не мог понять смысла дифференциального и интегрального исчислений. Нина Давыдовна Айзенберг гоняла студентов, как сидоровых коз. Не оставляла в покое и Макса. Она вызывала к доске, отпускала язвительные замечания, но Александра Владимировича не вспомнила ни разу. И Макс был ей благодарен. Он учил матанализ, получал «щелбаны» и опять учил. Айзенберг оставляла Макса после семинаров и, не вынимая изо рта папиросы, показывала, как решать ту или иную задачу. Напряжение нарастало, и дело дошло до того, что во сне Макс увидел большой интеграл. Он был высотой с дом. Рядом с интегралом висела дробь, и на ее перекладине спал Макс.

Сон был настолько необычен, что Макс рассказал о нем Модюлю. Тот поднял брови и спросил:

— Кем ты во сне был — человеком или символом?

Макс задумался.

— По-моему, числителем.

— Да-а-а, — протянул Модуль.

Он уставился на дверь в аудиторию, и его лицо озарила улыбка. Перед входом стоял профессор Коробов. Раздался звонок. Леонид Михайлович оглянулся и, увидев вереницу опоздавших студентов, закрыл дверь на щеколду. Затем посмотрел направо. Через вторую дверь тянулась вереница первокурсников.

— Вот я вас, — крикнул Коробов и бросился к правой двери.

Кто-то из студентов успел проскочить, кто-то остался в коридоре. Коробов закрыл дверь, потер руки и вернулся на кафедру. Лекция началась.

Профессора Коробова салаги любили. Он читал матанализ экспрессивно и приводил четкие доказательства. К тому же Коробов был единственным, кто пользовался электрическим экраном. Профессор включал «волшебный фонарь», укладывал пленку и писал на ней формулы. Те проецировались на экран. Если с «фонарем» были проблемы, Коробов ругался, брал мел и сердито писал на доске. Доска в аудитории тысяча шестьсот десять была многоярусной. По мере того как на ней писали, она уезжала вверх, и снизу появлялось то, что было написано раньше. Старые записи надо было стирать. В ассистенты Коробов, как правило, вызывал Рузи. Девушка брала мокрую тряпку и следила за движением доски. Коробов продолжал писать, а студенты смотрели на Рузи. Ее совершенная красота никак не вязалась с мехматом. Казалось, Рузи залетела на мехмат случайно. Через окно или дверь — неважно.

«Рузи можно любоваться, а обнять или поцеловать — ни-ни, — думал Макс. — Неземное создание».

Помимо математики, у Макса были проблемы с физкультурой. Отцовское воспитание привело к тому, что он не умел хорошо плавать, бегать, прыгать и толкать ядро. Но Макс не любил физкультуру не по этой причине, а из-за преподавателя. Занятия в общей группе вела Анна Павловна Наштова. Небольшого роста, крепкая, с ногами кавалериста, Анна Павловна, по выражению Модуля, гоняла студентов, как вшивых по бане. Модуль на Наштову не обижался. Зычный голос Анны Павловны напоминал ему армию.

— Будто три года скинул, — услышав команду, говорил Модуль.

А Макс обижался. На замечания, незачеты, грубый тон. И злился. Занятия физкультурой проходили в бассейне и Трехзальном корпусе. Чтобы получить зачет, надо было выполнить нормы ГТО, а кроме того, проплыть сто метров и прыгнуть с трехметровой вышки. Максимилиан с трудом сдал ГТО, одолел стометровку, а вот с вышки прыгать боялся. Наконец он решился. Макс дошел до конца доски, сложил руки по швам и... сделал шаг. Он знал, за прыжками наблюдают девушки. Они разместились в ярусе для зрителей и походили на стайку волнистых попугайчиков. Девушки хихикали, перешептывались и при удачном прыжке аплодировали. У Макса все получилось. Он вышел из бассейна и помахал зрителям. Среди девушек Макс увидел Лизу. Та стояла в сторонке и неотрывно смотрела в его сторону.

— Подожди меня, — крикнул Макс.

Лиза кивнула. Спустя полчаса они вышли из МГУ и, не договариваясь, свернули к китайскому посольству. Макс чувствовал, надо объясниться. Лиза смотрела под ноги и о чем-то думала. На ней была шубка из искусственного каракуля, на голове — пуховый платок.

Макс и Лиза прошли вдоль ограды, украшенной фотографиями, посмотрели на причудливые здания посольства и направились к общежитию. Макс понимал, Лиза ждет взгляда — того, каким он смотрел на нее летом. Но тот взгляд канул в прошлое. Он был связан с детством, эйфорией, с другим Максом. Сейчас всего этого нет. Но разве такое объяснишь?

Лиза поскользнулась, и, подхватив девушку, Макс прижал ее к себе. Два взгляда встретились, и Максимилиан вспомнил Лизин поцелуй. Теплый, мимолетный, единственный.

Лиза потянулась к Максиму, но остановилась на полпути.

— Вчера мне приснился сон, — глядя Максиму в глаза, сказала она.

Лиза говорила отрывисто, будто спешила.

— Иду по берегу Волги, а ты плывешь против течения. У меня замерло сердце. Я остановилась, протянула руки к реке и закричала.

- Почему? — спросил Макс.
- Ну, какой ты пловец?!
- А руки..., зачем протянула?
- Чтобы помочь.
- И помогла?
- Нет. Я проснулась.

Конец сна Макс не понравился. Он что — утонул?

- Не бери в голову, — сказала Лиза. — Будем считать, что скрылся за поворотом.

Макс понимал, последнюю фразу Лиза придумала, чтобы его утешить. Решив отвлечься, Макс рассказал о своем сне. Лиза слушала, не улыбаясь. Не проронив ни слова, они дошли до общежития.

- Знаковый сон, — остановившись у входа, сказала Лиза.

- Почему? — удивился Макс.

- Ты сидел на перекладине дроби и был числителем. Верно?

Макс чувствовал подвох. Он решил внести объяснения.

— Понимаешь, я как бы раздвоился. С одной стороны — человек, с другой — числитель. Ну, типа числа или цифры.

- Да-да, все ясно.

- А мне ничего не ясно.

- По ходу разговора вспомнила высказывание Льва Николаевича Толстого.

- Ты что — фанатка Толстого?

- Нет. Просто когда-то выписывала цитаты для сочинения, вот и запомнила.

Сделав паузу, Лиза продолжила:

— Человек — это дробь, в числителе которой стоит то, чего он действительно стоит, в знаменателе — то, что он о себе думает.

Макс рассмеялся. Он решил перевести разговор в шутку.

- Видишь, как хорошо. Я — в числителе, а значит, общее значение дроби большое.

- Так-то оно так. Но ты не стоишь на перекладине — лежишь. И смотришь вниз.

- Никуда не смотрю.

- А рядом — интеграл величиной с дом.

Лиза махнула рукой и закрыла дверь. Макс остался один.

«Даже в гости не пригласила».

Он потоптался у порога и, решив, что все заняты подготовкой к экзаменам, отправился домой. По дороге Макс думал над Лизиними словами и, войдя в подъезд, понял: душевных разговоров с Лизой больше не будет. Ни-ког-да.

От этого «никогда» у Макса подкосились колени. Он сел на ступеньку и обхватил голову руками. Ему показалось, что сегодня он потерял что-то родное.

Глава 17

Профессор Маушевский отменил бойкот за месяц до начала зачетной сессии. Видимо, решил, что сын осознал свой проступок. В этот воскресный день Макс был дома и учил аналитическую геометрию. Александр Владимирович вошел в комнату сына и как ни в чем не бывало сказал:

— Лучший театр — это жизнь. Здесь люблю сидеть в первом ряду. А вот вы с мамой пожалуйста во второй ряд.

Макс оторвался от учебника и поднял голову. Он ждал продолжения. Нельзя сказать, что появление Александра Владимировича его поразило. Макс понимал, рано или поздно, отец пойдет на мировую. Но Александр Владимирович запоздал. Макс

отвык от общения с отцом. Что послужило причиной, трудно сказать. Может, взросление, может, студенческая жизнь. Так или иначе, бойкот послужил отправной точкой к отчуждению. За последние месяцы жизнь Макса настолько изменилась, что о существовании отца он просто забыл. Вернее, Макс видел и слышал отца, но не принимал во внимание. И еще. Общаясь с преподавателями, Макс понял: профессора Маушевского на мехмате не любят. Почему, Макс не знал. Просто эмпирическое наблюдение. Не любят, и все. Услышав фамилию «Маушевский», преподаватели задавали один и тот же вопрос: «Вы — сын профессора Маушевского?» Получив подтверждение, они каменели лицом и переходили на официальное общение.

Александр Владимирович подошел к столу и положил театральные билеты. Взглянув на них, Макс удивился.

«Ничего себе, „Гамлет“ в Театре на Таганке».

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил Макс. — Я слышал об этой постановке.

— Теперь увидишь.

Александр Владимирович прошелся по комнате и добавил:

— Заодно подумай над вопросом, который волнует любого человека: «Быть или не быть?».

Не услышав ответной реплики, профессор Маушевский вышел. Макс сидел за столом и пытался проанализировать появление отца.

«То, что пришел мириться, не вызывает сомнений. Сколько можно играть в молчанку? Видимо, главная причина — личный дискомфорт. Совместных ужинов нет, а покрасоваться хочется. Мама не в счет. За годы совместной жизни она узнала повадки мужа. Но роль „гуру“ отцу не дает покоя».

Макс был в отчаянии. Он понимал, несвобода никуда не ушла. Просто ослаб поводок. Однако он существует — в этом никакого сомнения. Стоит его потянуть, и Макс окажется под «каблуком».

Макс прошелся по комнате, сел, опять встал. Ему хотелось порвать поводок, и он искал способ.

«Конечно, мое отношение к отцу изменилось. Как говорят в таких случаях, минус вытеснил плюс. Но это ничего не значит. Осталась реакция. Она настолько эмоциональна, что продолжает тревожить. Восторженность улетела, и на ее место уселось недовольство».

Макс внутренне содрогнулся.

«Но что плохого сделал отец? Он бил, издевался, морил голодом? Нет. Но на психику давил, и это — факт».

Декабрьское солнце выпустило последний луч, и тот коснулся картины. Отразив луч, глаза-бисеринки вспыхнули, и Макс ощутил тьму. Он лег на кровать, закрылся с головой одеялом и беззвучно заплакал.

Через три дня Макс и Людмила Ивановна пошли в театр. Свои впечатления от спектакля Макс записал в дневнике.

17.12.1971

Пришли за полчаса до начала спектакля. Войдя в зал, увидели Высоцкого. Он сидел на сцене и задумчиво перебирал струны. Странное ощущение. Зрители рассаживались по местам, Высоцкий что-то брэнчал и будто никого не видел. Прозвенел звонок, Высоцкий встал, положил гитару на пол, и спектакль начался. Гертруду играла Алла Демидова. Офелию — Зинаида Славина. Костюмов как таковых не было. Королева — в пончо, Офелия — в вязаном платье. Гамлет — в джинсах и пуловере.

«Гамлет» меня потряс. По залу летала неведомая энергетика. Она была какая-то особенная — нетеатральная что ли. И в этой энергетике сидела боль. Казалось, каждый герой вскрыл огромный нарыв. Свой собственный.

По дороге домой мы с мамой молчали. Редкий для нас случай. Обычно обсуждаем спектакль, делимся впечатлениями. А тут каждый замкнулся в себе.

В дневнике Макса не было ни слова о взаимоотношениях с родителями, Лизой, друзьями. События, и только. Видимо, дневнику он по-прежнему не доверял. То ли боялся, что прочтет отец, то ли придерживался принципа, о котором писал Лизе: «Человек без тайн не интересен. Стоит, как голый, и открыт всем ветрам».

К двадцать пятому декабря все зачеты, кроме истории КПСС, были сданы. Радуюсь, что преодолел математику, Максимилиан показал родителям зачетную книжку. Александр Владимирович надел очки и, делая паузу перед каждым предметом, с выражением прочел:

— Матанализ — зачет, аналитическая геометрия — зачет, высшая алгебра — зачет, теория вероятностей — зачет, физкультура — зачет, английский язык — зачет.

— Такое событие надо отметить, — сказала Людмила Ивановна.

Она светилась от счастья, однако в глазах мелькали тревожные искры. Накрывая праздничный стол, Людмила Ивановна то и дело поглядывала на мужа и сына, но те молчали. Макс, сидя на диване, листал «Новый мир», Александр Владимирович копался в книжном шкафу. Наконец сказал:

— Вот то, что искал.

Людмила Ивановна, проходившая мимо с подносом, взглянула на обложку.

— Прекрасный роман.

Страхнув с книги невидимую пылинку, Александр Владимирович подошел к Максиму.

— Нужно читать не беллетристику, а хорошую литературу.

Макс посмотрел на отца. Тщательно причесанный, свежесвыбритый, в домашнем велюровом пиджаке, он выглядел безукоризненно.

«Сейчас будет учить», — подумал Макс.

— Это «Цитадель» Сент-Экзюпери. На русский язык еще не переведена.

Чтобы как-то поддержать разговор, Максимилиан спросил:

— Где купил?

Этот вопрос Александр Владимирович будто ждал.

— Я купил «Цитадель» три года назад, будучи в Англии.

Повисла новая пауза. Макс вернулся к журналу, Александр Владимирович стоял у дивана и нарочито медленно листал книгу.

«Пытается привлечь внимание», — подумал Макс.

Ему казалось, что он видит отца насквозь, и эта мысль принесла мрачное удовлетворение.

— Вот послушай, — сказал Александр Владимирович. — «Мы не вправе тратить себя на то, чем можно пренебречь». Каково?

«Интересно, куда он клонит?»

— Или вот эта цитата.

Александр Владимирович понизил голос и с нарочитой назидательностью прочел:

— «Не смешивай любовь с жадной завладеть, которая приносит столько мучений. Вопреки общепринятому мнению, любовь не причиняет мук. Мучает инстинкт собственности, а он противоположен любви. Как только вам дарят любовь, вы так же, как в ваших фальшивых дружбах, обращаете свободного и любящего в слугу и раба, присвоив себе право обижаться».

Макс насторожился. Александр Владимирович положил книгу на журнальный стол и добавил:

— Это — лучшее произведение Экзюпери. То ли арабская притча, то ли диалог сына с отцом.

За ужином Макс пытался понять, что стоит за обширной цитатой. Мысль Экзюпери была ясна, но голос отца, его интерес к данному высказыванию вызывал тревогу.

«Что-то не так. Что это — предупреждение?»

Тревога Макса была ненапрасной. Зачет по истории КПСС Лиза не сдала. Профессор Базанов задал ей кучу вопросов и в завершение сказал:

— Прискорбно, уважаемая. Очень прискорбно. Смею констатировать, историю партии вы не знаете.

Лиза побледнела и встала из-за стола. Первокурсников охватил страх. Все знали, незачет по истории КПСС — это большая проблема. Профессор Базанов взял стопку зачетов и разложил веером на столе.

— Следующий Маушевский.

Макс сел перед преподавателем, и тот любезно кивнул.

— Итак, приступим к первому вопросу.

— Возрастание роли КПСС в процессе строительства коммунизма, — обозначил вопрос Макс.

— Слушаю.

Историю КПСС Макс знал хорошо. Во-первых, благодаря отцу был политически подкован; во-вторых, умел витиевато говорить, а это в общественных предметах — немаловажный фактор.

— Руководящая роль КПСС обусловлена ведущей ролью рабочего класса как строителя нового общественного строя, характером самой партии и закономерностями коммунистического строительства, — уверенно начал Макс. — Цели КПСС, отражающие потребности развития общества по пути к коммунизму, сформулированы в Программе партии и в решениях съездов КПСС.

Профессор Базанов слушал с удовольствием и временами вставлял ободряющие слова:

— Да-да. Все верно. Правильно.

Базанов придвинул к себе зачетку, и Макс понял, ответ на второй и третий вопросы — формальность. Все так и было.

— Отлично, — поставив зачет, сказал профессор. — Следующая Любовь Полунеева.

Макс выскочил в коридор, но Лизы не увидел. Он прошелся по этажу и, не найдя девушки, вернулся. Притупившись у стены, Макс решил подождать друзей. От пережитого волнения сердце бухало в горле, тревожные мысли пикировали мозг.

«Почему Лизу завалили? Основные вопросы она в целом раскрыла. А дополнительные — удар ниже пояса. Формы и методы партийного руководства, цитаты из произведений Ленина... — на такие вопросы с ходу никто не ответит».

От волнения Макса подташнивало. И тут вышла Люба. Лицо в красных пятнах, волосы как воронье гнездо, очки на кончике носа.

— Ну и зверь, — прошептала она.

— Поставил или нет? — нетерпеливо спросил Макс.

— Поставил, — ответила Люба. — Однако всю душу вымотал.

— Что на него нашло?

— Сама не пойму. На лекциях шутил, рассказывал байки...

Люба села на подоконник и, свесив массивные ноги, задумалась.

— Странное дело, — сказала она. — Я зашла в аудиторию час назад. За это время ответили десять человек. Однако Базанов, кроме меня и Лизы, никого не валил. Допустим, Базанов не любит женщин — всякое бывает. Но перед Лизой сдавала Ася Чернова. Она «плавала» по полной программе и тем не менее зачет получила. С некоторыми оговорками, конечно. Дескать, прочтите произведения Ленина, выучите программу КПСС...

Из аудитории вышел Модуль, и Люба замолчала. Широкая улыбка Модуля говорила о том, что у него все нормально.

— Как говорил мой дед, не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся.

— И тебе досталось? — спросила Люба.

— Только треск шел.

Макс улыбнулся.

— От кого?

— От Базанова, конечно. Вопросы как пулеметная очередь. Когда такой-то съезд, а такой? Сколько делегатов? Основной вопрос такой-то партийной конференции? Какому партийному лидеру принадлежит эта цитата? А эта? Словом, как говорят в префрансе, наш уважаемый профессор играл на одну руку.

— Сдала, сдала, — крикнула Настя, выскочив из аудитории.

Она кинулась на шею Макс у и, запечатлев поцелуй, переключилась на Модуля. Обхватив его за шею, Настя повторяла, как заведенная:

— Спасибо, спасибо.

— Да ладно, — улыбнулся Модуль. — Свои люди — сочтемся.

Взглянув на Любу, Настя затараторила:

— Если бы не Модуль, была бы хана. Пока готовились, он все ответы написал.

— Ты что — с его листочками пошла? — удивилась Люба.

— А что делать? Сказала себе: была не была — и пошла. А Базанову говорю: «Виктор Степанович, можно мне по бумажке читать? Голова от волнения кружится». Он улыбнулся и разрешил.

— Дополнительные вопросы задавал?

— Не-а.

Настя тряхнула рыжей гривой и одернула мини-юбку.

— Я к нему села близко-преблизко. Ножки вместе, глазки вниз, губы дрожат, вот-вот расплачусь. Базанов взял листки, посмотрел и... отпустил с миром.

— Точнее, с зачетом, — поправил Модуль.

— Ну и вертихвостка ты, Настя, — улыбнулась Люба.

— Разве? — ласково пропела Настя. — Просто как могу, так и выживаю.

— Как же Лиза? — спросил Макс.

— Действительно, — встревожилась Люба. — Где она может быть?

— Не знаю, — сказал Макс. — На этаже нет. Я везде посмотрел.

— Айда в общежитие. Лиза, наверное, там.

Настя сморщилась и, вытащив кружевной платочек, аккуратно высморкалась.

— Лиза всю ночь не спала. Учила как проклятая.

— Вы извините, но я домой, — сказал Макс. — Голова как чугун.

— Это ты брось, — возмутился Модуль.

— Правда, не могу. До завтра.

Макс попрощался и ушел. Его мучило дурное предчувствие.

Дома никого не было. Людмила Ивановна уехала в редакцию, Александр Владимирович был в МГУ и принимал зачеты. Бросив куртку, Макс устремился в кабинет

отца. Он подошел к письменному столу и посмотрел на разложенные бумаги. Протокол партсобрания, лекция по политэкономии, квартирные квитанции... Беспорядок на столе Макса не удивил. Он знал, у отца всегда так — внешне опрятен, а что касается бумаг, черт ногу сломит. И маме не разрешал убирать. Ему, видите ли, так комфортнее.

Макс покопался в бумагах и вдруг увидел листок. Он торчал из записной книжки отца. На уголке красовались три буквы «уль». Макс потянул за листок и прочел: «Общежитие мехмата, комнаты 305, 201. Полунеева Любовь, Семенов Владимир (он же — Модуль), Грачева Елизавета». Фамилия Лизы была подчеркнута два раза.

Макс pokrылся испариной и бессильно опустился на стул. Несколько минут он смотрел в одну точку, затем грохнул кулаком по столу и крикнул во все горло:

— Сволочь!

И в это время открылась дверь.

— Милый, что с тобой?

Людмила Ивановна бросилась к сыну и тревожно посмотрела ему в глаза.

— Мама, он — сволочь.

Макс уткнулся в грудь матери и разрыдался. Ему казалось, что в тело вонзились десятки кинжалов. Ржавые, ядовитые, покрытые зазубринами, они вызывали физические и душевные муки одновременно.

— Отец связан со стукачами, — захлебываясь слезами, твердил Макс. — За мной следили. Ненавижу!

Людмила Ивановна гладила сына по голове, но движение ее руки было автоматическим. Черные глаза неподвижно смотрели в окно, и в них дрожали огромные слезы. Они не скатывались по щекам, они застыли в глазах, и те превратились в линзы. Взгляд изменил направление и наперекор физиологическим законам обратился внутрь. Он пробежался по уголкам памяти, коснулся спрятанной боли, всколыхнул прежние обиды, и... слезы пропали. Людмила Ивановна глубоко вздохнула и сказала:

— Пора вылезать из-под каблука.

— Что? — не понял Макс.

Он поднял заплаканное лицо и посмотрел на мать.

— Собирай вещи, мы уезжаем.

— Куда?

— К Дусе, — ответила Людмила Ивановна.

Она выпрямилась, и в ее глазах промелькнула молния.

— Возьми документы, необходимые книги и вещи.

Макс был потрясен. Страдая от боли, сковавшей голову, он пошел в свою комнату и стал собирать чемодан. Последнее, что положил Макс, — вышивку матери. Высокие скалы и парящие в небе птицы. Закрывая крышку, Макс посмотрел на птиц. Глаза-бисеринки сверкнули и тут же погасли.

— Вот и все, — прошептал Макс. — Что называется, приехали.

Он постоял минуту посреди комнаты и неожиданно вспомнил прошлую субботу. В тот день было культурное мероприятие: в университет приехали актеры Театра на Таганке. Геологическое кафе в зоне Г было заполнено до отказа. Ферзь, дежуривший с утра, занял места, и вся компания уселась рядом с импровизированной сценой. Макс сидел между Любой и Лизой, а на полу, прямо перед ними, Модуль. Тощая спина упиралась в грудь Макса, но Модулю, похоже, было удобно. У подоконника стоял прыщавый тип, пристально смотревший на студентов. Лиза улыбнулась и, непонятно почему, положила голову на плечо Макса. Люба, в свою очередь, взяла его за руку. В таком положении Макс и слушал выступление актеров. Впереди Модуль, на плече — голова Лизы, левая рука — в руке Любы.

Филиппенко и Зинаида Блинова читали отрывки из поэмы Евтушенко «Под кожей статуи Свободы». После концерта Макс и его друзья отправились в общежитие. «Попить чайку», — как сказала Люба. По дороге Модуль размахивал руками и громко декламировал.

Я у них сидел, как в горле кость,
Не попав на удочку богатства.
В их телегу грязную впрягаться
Я не захотел. Я дикий конь.
Я не стал Христом. Я слишком груб.
Но не стал Иудой — не сдался,
И как высший орден государства
Мне ввинтили пулю. Прямо в грудь.

«Все ясно, — подумал Макс. — Прыщавый тип — стукач».

Он вышел в коридор и увидел мать. Людмила Ивановна стояла у зеркала и поправляла шляпку. На полу стояли чемодан и саквояж, набитый словарями и папками.

— Такси подъехало.

Макс плохо соображал и слепо подчинялся матери. Подхватив чемоданы, он открыл дверь и, стоя на пороге, спросил:

— Кто такая Дуся?

— Моя подруга, — коротко ответила мать.

ЧАСТЬ II

ПЕРЕДЕЛКИНО

Глава 1

Новый 1972 год Максимилиан встречал в Переделкине, где жила подруга Людмилы Ивановны — Дуся. Перемена местожительства оказала на Людмилу Ивановну самое благотворное влияние. Она похорошела, и ее темные, как у газели, глаза светились радостью. Людмила Ивановна много гуляла, читала, переводила, а вечером, сидя в гостиной, болтала с Дусей. Слушая мать, Макс не переставал удивляться. Прыгая с темы на тему, Людмила Ивановна обсуждала литературные новинки, рецепты экзотических блюд и даже загадочные явления природы.

Макс не предполагал, что мать — такой интересный собеседник. Она много знала, образно мыслила, не боялась вступать в дискуссии. Но дома свои таланты не проявляла.

«С чем это связано? — думал Макс. — Видимо, с тиранией отца. Домашнее пространство было занято им одним. А мы с мамой выступали в качестве зрителей. Не зря отец говорил: „Для меня лучший театр — это жизнь, здесь я люблю сидеть в первом ряду“. В этой фразе спрятано лукавство. Отец любит сцену, он чувствует себя актером и режиссером одновременно. А я и мать исполняли роли послушных домочадцев. А теперь, сбросив маски, ушли».

Последняя мысль принесла удовлетворение. Оно и понятно. По большому счету Макс ничего не терял. Есть крыша над головой, сыт, одет, мама рядом.

Макс посмотрел в окно. В кормушке, подвешенной над крыльцом, копошились синицы. Вот они вспорхнули и уселись на рябину. Дверь скрипнула, в доме пахнуло морозным воздухом.

- Привет, соколик, — раздался низкий голос.
- Добрый день, Евдокия Павловна, — отозвался Макс.
- Мама в поселковой библиотеке. Придет чуть позже.

В гостиную вошла Дуся. Полная, с короткой шеей, копной каштановых волос, она была полной противоположностью Людмиле Ивановне. Широкие бедра, маленькая грудь, складки на животе; ко всему этому — оплывшее лицо с двойным подбородком. Ничего привлекательного. Однако Дусины глаза были наполнены тайной. Они походили на лесные озера.

Дуся была одета в бесформенное платье, на ногах красовались тапки сорок второго размера.

- Гляди, что принесла.

Покопавшись в сумке, она достала папку с красными тесемками.

- Артур Хейли. «Аэропорт».

Макс поднял брови.

— У нас Хейли мало кто знает, — сказала Дуся. — Вот получила рукопись с переводом. Можешь посмотреть, если хочешь.

Дуся отправилась на кухню.

- Будешь пельмени? — крикнула она оттуда.

— Со сметаной, — ответил Макс.

- Отлично. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты.

Макс понял, последняя фраза — цитата. Однако внутреннего протеста у него не возникло. И вот почему. В Дусиной речи пословицы и афоризмы походили на полупрозрачные солнечные мазки. Они служили не украшением хозяйки, а расширением пространства, в котором звучала та или иная фраза.

Прожив в Переделкине неделю, Макс понял, у Дуси много увлечений. Мало того, есть кумир — Фаина Раневская. Дуся регулярно ходила в театр и высказываниями Раневской подтверждала свои мысли.

— Мы с Раневской в чем-то похожи, — говорила она. — Обе как старые пальмы. Никому не нужны, а выбросить жалко.

Макс видел Раневскую в кино и, глядя на Дусю, понимал: она права — удивительное сходство. Макс его заметил в первый день знакомства. Стоило такси остановиться у калитки, как из дома выскочила Дуся. Расцеловав мать, она сказала:

- Этот шаг надо было сделать раньше. А теперь...

Дуся усмехнулась и хмыкнула.

- Теперь пошли благоверного в ж... и забудь навсегда.

Макс не привык к подобным выражениям. Однако, как ни странно, Людмила Ивановна рассмеялась.

- Привет, моя хорошая, — сказала она. — Давно не ощущала свободы.

— Не волнуйся, — подхватив саквояж, сказала Дуся. — Мы будем жить в Переделкине, а Макс, если захочет, обоснуется на Шаболовке. Моя квартира пустует, так что никаких проблем.

День приезда в Переделкино Макс хорошо запомнил. Дуся купила бутылку водки и приготовила котлеты с макаронами. Она поставила на стол сковороду с макаронами, банку соленых огурцов, тарелки, рюмки, пепельницу и провозгласила тост:

— Я жила со многими мужчинами, но удовольствия от них не получала. По прошествии энного количества лет я поняла: удовольствие — не в мужиках, а в способности видеть необычное в обычном. Так выпьем за мудрость и внутреннюю силу.

Макс поднял рюмку и, чокнувшись, выпил единым махом.

— Не первая рюмка, — улыбнувшись, заметила Дуся.

Людмила Ивановна на эту реплику не обратила внимания. Она пригубила водку и, поморщившись, улыбнулась.

— Впечатление, что вернулась домой. Странно, да?

Дуся закурила папиросу и, выпустив дым, сощурила глаза.

— Ничего странного. Вспомни время, что провела у нас в Переделкино; вспомни, как называл тебя отец.

Людмила Ивановна рассмеялась.

— Шахерзадой.

— Кто заботами подавлен, тем скажи: «Не вечно горе. Как кончается веселье, так проходят и заботы».

Людмила Ивановна допила водку и, закусив огурцом, спросила:

— Как поживает Павел Степанович?

Макс был поражен.

«Вот это да. Не видел, чтобы мама пила водку».

— Отлично поживает, — ответила Дуся. — Женился на нашей с тобой ровеснице, получил кооперативную квартиру в Ленинграде. Теперь бродит по берегам Невы и сочиняет новый роман.

— Поразительный человек.

— В нем — неумная жажда жизни, — улыбнулась Дуся. — Когда мне хреново, еду к отцу.

Дуся потянулась к папиросе и, чиркнув спичкой, добавила:

— По словам Раневской, есть люди, в которых живет Бог, есть люди, в которых живет дьявол, а есть люди, в которых живут только глисты.

Макс хмыкнул.

— Мой отец относится к первой категории, а Александр Владимирович — к последней. К слову сказать, самой многочисленной.

— Сильно сказано.

— Да-да, соколик. Это я сразу поняла и своего отношения к Александру Владимировичу не скрывала. Поэтому он и сказал Миле: «Чтобы в моем доме ею не пахло». То есть мною не пахло.

— Я поняла.

— Заметь, не в нашем доме — моем. Я и испарилась. Не из Миловой жизни — с ней мы по-прежнему встречались, а из дома профессора Маушевского. Вот так получилось, что тебя довелось увидеть впервые.

Дуся встала и подошла к Максусу.

— Слава богу, ты не похож на отца. Надеюсь, подружимся.

Макс кивнул. Дуся ему нравилась. Своей прямоотой, независимостью, искренностью. Она была, словно ветер — порывистый и неожиданный.

— За Милу не волнуйся, теперь она под моей защитой, — сказала Дуся. — А вот о себе подумай. Какого черта пошел на мехмат?!

— Об этом еще поговорим, — перебила Людмила Ивановна.

Макс понял, его судьба еще не решена — она отчасти в руках матери и Дуси. От этой мысли стало тепло и немного грустно, и оставшуюся часть вечера Макс оставался в тени. Он ел макароны с котлетами, смотрел на заснеженные сосны и слушал женщин.

Из их разговоров Макс понял: Дуся и мать учились в одном институте и до замужества Людмилы Ивановны были близкими подругами. Впрочем, таковыми и остались. Дуся устроила мать в журнал «Иностранная литература», где работала редактором. Мать переводила с английского и французского и за эти годы сумела накопить приличную сумму.

«Ничего себе, — подумал Макс. — Оказывается, маму нельзя назвать непрактичной».

Дуся строила грандиозные планы, говорила о кооперативе. Дескать, можно вложить деньги в квартиру, и Мила будет иметь собственное жилье. Людмила Ивановна слабо оппонировала. Дескать, проживем — увидим.

Макс переместился в кресло у окна и, глядя на потемневший лес, погрузился в свои мысли.

«Все бы ничего, но перед ребятами стыдно, — думал он. — Наверное, они догадались: дополнительные вопросы появились не просто так».

Макс закрыл глаза. Он увидел долговязую фигуру Модуля, услышал пафосную декламацию:

Я не стал Христом.
Я слишком груб.
Но не стал Иудой,
Не сдался...

Дуся и Людмила Ивановна о чем-то шепталась, и Макс под их шепот уснул. Сквозь сон к нему проникали новые звуки: шум сосен, вой ветра в трубе, поскрипывание старого дома. И Макс приснился сон.

Первый сон Макса в Переделкино

Макс в глухом лесу. Ночь, сугробы, звезды над головой. В какой стороне дом, неизвестно. И вдруг Макс увидел огонек. Проваливаясь в сугробах, он поспешил на свет и спустя некоторое время вышел на поляну. Посреди поляны горел костер, рядом с костром сидела старуха. Бархатный полушубок, на голове — пуховый платок, на ногах — валенки. Старуха подбрасывала в огонь еловые ветки.

— Здравствуйте, — сказал Макс.

— Привет, соколик.

Старуха наклонилась к веткам, лежавшим у ног, и, покопавшись, вытащила полено. Бросив его в костер, она крикнула от удовольствия. Искры поднялись к небу и растворились среди звезд.

— Каждый человек что звезда, — сказала старуха. — В зависимости от того, что внутри, дарит тот или иной свет.

— И так же одинок, как звезда, — заметил Макс.

— Это нормально. Если не движешься внутрь, движешься наружу.

— Но как узнать то, что внутри, если не знаешь того, что снаружи? — спросил Макс.

Ему казалось, он — путник, прошагавший тысячу километров. И по ходу движения накопил массу вопросов. А вот теперь нашел человека, который на них ответит.

— Иди и смотри, — ответила старуха.

Она бросила ветку, и костер вспыхнул с новой силой. Макс увидел лицо старухи и вздрогнул. Он ее видел. Но где? Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, огромные, миндалевидные глаза...

— Каждый идет туда, где не был, — сказала старуха. — Поэтому никто не знает, что ждет за поворотом. Может, болото; может, гора; а может, долина, ради которой отправился в путь. А на пути — множество препятствий. Буреломы, спуски, подъемы, реки и обрывы... У каждого — свои.

Старуха заторопилась.

— Много дорог, много направлений, — бормотала она. — А путь освещает внутренний свет. Если его нет, идешь во тьме; если вспыхнул, никогда не померкнет.

Старуха затоптала костер и, проводив взглядом последнюю искру, пошла прочь.

Макс застыл на месте. Он хотел пойти вслед за старухой, но ноги не слушались. Поляну осветила луна. Старуха удалялась все дальше и дальше. И вдруг тишину леса нарушил гитарный перебор. До Макса донеслась песня. Она летела не с той стороны, куда ушла старуха, — с противоположной.

Все мы сони, кто мы ни есть, — пел неведомый низкий голос. —
Не заметишь, как и себя проспал.
Как цветы надломанные,
Отрывались дни от серых скал.

Макс развернулся и пошел на голос.

И из чьей-то щедрой руки
Опадали в волны холодных вод
И на белой пене реки
Уносились вниз, за поворот.

Макс чувствовал созвучие. Словам, голосу, настроению. Он протянул руки навстречу песне и... открыл глаза.

Гостиная, стол, на нем настольная лампа. Свет падал на пепельницу, набитую окурками. За столом сидели Дуся и мать. В руках Дуси — гитара. Пальцы одной руки зажимали аккорды, другая мелькала над струнами. По гостиной летел низкий грудной голос.

Только пыль от бывших костров,
И палатки свернутые лежат.
Восемь дней как восемь миров,
Прожитых столетия назад.

Глава 2

Писательский поселок Переделкино был расположен в ближайшем Подмосковье. В те времена автобусы в Переделкино не ходили, и в Москву надо было добираться на электричке. Конечно, удобнее доехать на такси, но жители поселка особо не шиковали.

У Дуси с дорогой не возникало проблем. Она имела «москвич» и ездила в Москву на машине. Как правило, не одна. Будучи альтруисткой, она подвозила соседей, а ее соседями были известные писатели и поэты.

В Переделкине Дуся оказалась не случайно. Ее отец, Шохов Павел Степанович, был известным писателем. Во время войны он работал военным корреспондентом, затем написал два романа и, получив престижную премию, переехал из Ленинграда в Москву. Литфонд выделил Павлу Степановичу квартиру на Шаболовке, а спустя пару лет дачу в Переделкино. После смерти жены Павел Степанович уехал в Ленинград, откуда был родом, а квартиру и дачу оставил дочери.

Дуся, окончив институт, устроилась редактором в журнал «Иностранная литература» и жила в Переделкине в течение года. Замуж она так и не вышла, однако по этому поводу не грустила.

В тот день подруги встретились в парке Горького. Макс уже ходил в школу, и у Милы появилось свободное время.

— В шестнадцатом веке в России вышла книга под названием «Домострой», — сказала Дуся.

— Любопытно.

Дуся остановилась посреди дорожки и, надув щеки, забубнила:

— «Жена должна бояться и уважать мужа, он же должен любить и уважать ее, давать ей отдых в воскресенье и исполнять свой мужеский долг. Ежели жена виновна, муж имеет право наказывать ее вожжами и рукой, но не оглоблей шесть дней в неделю».

— Сейчас ты похожа на попа, — улынулась Мила.

— Да ладно. Лучше подумай, что изменилось с тех пор? Муж — царь и бог, женщина — содержанка.

— Практически ничего.

— Поэтому я и не хочу замуж. Попробовал бы муж на меня руку поднять...

Пробормотав что-то под нос, Дуся подошла к лотку с мороженым. С мороженым в руках подруги присели на лавочку.

— Опираясь на «Домострой», я и написала статью о домостроевцах нашего времени, — продолжила Дуся.

Мила лизала эскимо и слушала. О внимании говорили две межбровные морщинки. Они появлялись в момент напряженной работы мысли, а затем пропадали. Дуся съела эскимо и, не найдя носового платка, вытерла руки о юбку. В глазах Милы промелькнули искры.

— Ты неподражаема.

— Да ладно. Лучше послушай.

Дуся подвинулась к подруге и зашептала:

— Есть созидательные домостроевцы, есть деструктивные. Созидательные хотят семейного счастья и, исходя из своих представлений, создают для него необходимые условия. Вроде бы все хорошо, но проявить индивидуальность они женщине не позволяют.

— Почему? — спросила Мила.

— Мало гибкости.

— Понимаю.

— Деструктивные домостроевцы хуже. Это — эгоисты в чистом виде. Они демонстрируют самцовые качества и страшно ревнивы. Одним словом, собственники. Одного из них ты знаешь.

Мила насторожилась.

— Помнишь Сомса из «Саги о Форсайтах»?

— Жаль его.

— Почему?

— Он много страдал.

— Подумаешь, — воскликнула Дуся. — От таких мужчин надо бежать.

— Почему? — удивилась Мила.

— Их не сломить и не перевоспитать.

Мила задумалась. Она смотрела перед собой, и поперечные морщинки на лбу обозначились четче. Наконец сказала:

— Есть женщины, умеющие жить с такими мужьями.

— Кто же они?

— Во-первых, те, кто приносит себя в жертву; во-вторых, любительницы домашних войн. Взять, например, мачеху из «Золушка». Такая женщина сомнет любого мужчину.

Дуся хмыкнула.

— Вспомнила диалог лесничего и мачехи. «Где ты был?» — «В лесу». — «Что там делал?» — «Хотел сразиться с бешеным медведем». — «Зачем?» — «Чтобы отдохнуть от домашних дел, дорогая».

Дуся переключилась на театральную тему, и разговор о домостроевцах был закончен. Однако Мила его не забыла.

Глава 3

Дома в Переделкине были построены в середине тридцатых годов. Инициативу по созданию писательского поселка проявил Горький, и Сталин ее поддержал. На строительство первых домов из государственной казны было выделено пятьсот тысяч рублей, однако в дальнейшее развитие поселка деньги вкладывал Литфонд, он и распорядился домами.

По словам Дуси, расцвет Переделкина пришелся на послевоенное время. Писателям место понравилось, и после войны в поселке появились новые дачи. Постоянными жителями Переделкина стали такие известные писатели, как Каверин, Заболоцкий, Фадеев, Константин Симонов, Корней Чуковский. Позднее сюда приехали поэты-шестидесятники Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, Ахмадулина, Римма Казакова и другие. Писательские дачи были деревянными, в два этажа. В некоторых из них имелась большая гостиная с окнами-эркерами.

Дом Павла Шохова относился к разряду простых. На первом этаже размещались прихожая, кухня, гостиная и кабинет; на втором — три небольших спальни. Окно комнаты, где поселился Макс, смотрело на лес. Просыпаясь по утрам, Макс подолгу смотрел на вековые сосны и девственную белизну снега. Время от времени видел белок. Верткие, ловкие, с пушистыми хвостами, они прыгали с ветки на ветку и громко цокали. Макс открывал окно, счищал с подоконника снег и разбрасывал для птиц пшено. Подышав свежим воздухом, он отходил в глубь комнаты. Через некоторое время на подоконник садились снегири и синицы. Они косили глазом и лихорадочно клевали.

Покормив птиц, Макс одевался и спускался вниз. Дом был со всеми удобствами, и дискомфорта жильцы не испытывали. Скорее наоборот — сплошные преимущества. Однако все хорошо не бывает. Несмотря на тишь и покой, в Максе поселился страх, и он был связан с Александром Владимировичем. Дело в том, что до дрожи в коленях Макс боялся приезда отца.

Александр Владимирович не заставил себя ждать. Он появился второго января ближе к обеду. Макс пришел с прогулки и, скинув подаренные Дусей валенки, решил поделиться впечатлениями. Людмила Ивановна возилась на кухне, Дуся сидела в кресле и курила.

— Красиво здесь, — начал Макс. — Деревянные дома, дым из труб, заснеженные крылечки. Кажется, каждый дом имеет свое лицо...

— Ой, не знаю, — перебила Дуся. — Бревенчатый соцреализм со всеми удобствами.

— Мне нравится.

— И мне, — улыбнулась Дуся. — Но прежде всего высоченные сосны. Глядя на них, хочется сочинять стихи. У тебя не возникало такого желания?

— Нет. Стихи я никогда не писал.

Макс уселся в соседнее кресло.

«Красивый юноша, — глядя на него, подумала Дуся. — Похож на Милу. Такие же большие глаза, высокий лоб, волнистые волосы. И ростом вышел. Жаль, подбородок срезан. Он вносит диссонанс».

Дуся погасила папиросу и, потянувшись как кошка, сказала:

— В Переделкине много чудес. Вот, например, ветер. Прислушайся к нему.

Макс рассмеялся.

— Дело говорю. Ветер живет в сосновом лесу и пахнет смолой. Время от времени он влетает в поселок, заглядывает в дома и дарит энергию. Творческую, между прочим.

В гостиную вошла Людмила Ивановна.

— О чем речь? — спросила она.

— О местном ветре, — ответила Дуся.

— Интересный типаж. Я уже с ним познакомилась.

Макс поднял брови. Похоже, Дуся и мать его разыгрывают.

— Нередко ветер залетает в трубу, — подойдя к окну, сказала Людмила Ивановна.

— Что ты говоришь? — улыбнулся Макс.

— Так и есть. Так как труба находится недалеко от моей комнаты, я слышу его песни. Порой грустные, порой...

«Красиво сказано, — подумал Макс. — Не удивлюсь, если мама пишет стихи, а тетрадь прячет под подушку».

Он взглянул на мать и увидел окаменевшее лицо.

— Приехал, — чуть слышно сказала Людмила Ивановна.

Дуся вскочила с кресла и посмотрела в окно. У калитки стояло такси, рядом с машиной — Александр Владимирович. Он был одет в драповое пальто с меховым воротником, на голове красовалась пыжиковая шапка. Александр Владимирович что-то говорил таксисту.

— Мила, иди к себе, — сказала Дуся. — Пока он не уедет, из комнаты не высовывайся.

Людмила Ивановна кивнула и поспешила к лестнице. Взявшись за перила, она обернулась и посмотрела на сына. Макс понял молчаливый вопрос. Он выпрямил плечи, вздернул подбородок и, закинув ногу на ногу, сказал:

— Я останусь в гостиной.

— Только, пожалуйста, не груби, — попросила Людмила Ивановна.

Дверь скрипнула, и Александр Владимирович вошел в дом.

— Евдокия Павловна, — раздался густой баритон. — Вы здесь?

Дуся вышла в прихожую и пропела:

— Ба, какими судьбами...

— Не надо паясничать, — ответил Александр Владимирович. — Я знаю, Мила и Максимилиан — в вашем доме.

— Знаете, и хорошо. Макс здесь, Мила уехала в Москву.

— Надеюсь, можно зайти?

— Милости прошу.

Макс прилип к креслу. Чтобы унять дрожь, он обхватил себя обеими руками и крепко сжал губы. Дуся вошла в гостиную и подмигнула Максусу. Дескать, не робей — я рядом. Следом за Дусей появился Александр Владимирович. Он успел снять пальто и предстал перед Максом в костюме.

— Здравствуй, Максимилиан, — сказал Александр Владимирович.

— Привет.

— Четвертого января — первый экзамен.

И тут до Макса дошло, он и не вспомнил об экзаменах. Но почему — отключился?

Александр Владимирович сел за обеденный стол и огляделся. В гостиной повисла тишина. Александр Владимирович бесцеремонно рассматривал Дусю. Его взгляд остановился на взъерошенных волосах, пробежался по фланелевому халату и наконец опустился вниз. Мужские клетчатые тапки произвели на Александра Владимировича настолько сильное впечатление, что на его губах появилась ядовитая усмешка.

У Макса заняло в груди. Ему было больно и противно одновременно. Именно в этот момент Макс и принял решение.

— Меня не интересуют экзамены, — сказал он.

Александр Владимирович оторвался от созерцания Дусиных тапок и посмотрел на сына.

— Можно спросить, почему?

— Я не вернусь на мехмат, — ответил Макс.

Ответ был настолько неожиданным, что интеллигентность профессора Маушевского испарилась в одно мгновение.

— Ты что — сдурел? — грубо спросил Александр Владимирович.

— Нет. Я так решил.

— Что за чушь?

Александр Владимирович встал и прошелся по гостиной. Вычищенные до блеска башмаки поскрипывали на каждом шагу, и, как ни странно, скрип башмаков привел Макса в состояние относительного равновесия.

«Пусть бесится. Все, хватит. Сколько лет давил, давил...»

Дуся стояла у окна, и в ее зеленых глазах прыгали чертенята. Взглянув на Дусю, Макс понял: тылы прикрыты. Эта мысль вселяла надежду, что все образуется. Александр Владимирович взял себя в руки и уже спокойнее сказал:

— То, что ты решил, мальчишество.

— Почему? — спросил Макс.

— Начал дело — закончи. Как говорил китайский мыслитель Сюнь-Цзы, в учении нельзя останавливаться.

— Хорошее высказывание, — вступила в разговор Дуся. — Оно о непрерывности познания в целом.

Александр Владимирович остановился у стола, и его лицо покраснело.

— Вашу сущность, Евдокия Павловна, я раскусил с первой встречи. Вы — поп Гапон. Правда, не в рясе — в юбке.

— Неожиданный комплимент, — усмехнулась Дуся. — Гапон был красавцем, да и характер...

— Он — провокатор, — перебил Александр Владимирович.

— Спорный вопрос. И вообще... Насколько я понимаю, речь не о Гапоне — о будущем Макса. Не так ли?

— По какому праву вы лезете в мою семью?

— Александр Владимирович, вы меня разочаровываете, — сощурился глаз, сказала Дуся. — Где ваша рассудительность?

Дуся пошла в атаку.

— Мила и Макс уехали из дома. Так или нет? А почему? Из дома так просто не бегут. Ответ очевиден: вашим домочадцам нечем было дышать. А кто перекрыл кислород? Вы, это однозначно. И Макс, и Мила жили под асфальтом.

— Да как вы смеете?! — чуть ли не задохнулся Александр Владимирович.

Глаза Дуси вспыхнули, и в них появился ядовито-зеленый оттенок.

— Помилуйте, вы же в партии. Неужели вам пришлось бы по вкусу, если в парткоме МГУ появилось письмо с рассказом о том, что профессор Маушевский — домашний тиран?

— Что вы несете?

Дуся и глазом не моргнула. Она подошла к Александру Владимировичу вплотную и жестко сказала:

— Мила — моя лучшая подруга. Оставьте ее в покое. И Макса тоже. Если ваши домочадцы решат вернуться домой, значит, так тому и быть. Однако это будет их решение — не ваше.

Александр Владимирович оперся о стол, и в его глазах мелькнул страх.

— И еще, — продолжила наступать Дуся. — У меня — огромные связи. Стоит пошевелить пальцем, у вас будут серьезные проблемы.

— И у меня — связи, — хрипло сказал Александр Владимирович.

— Не сомневаюсь. Один только вопрос: вы предлагаете встать на тропу войны?

Несмотря на холеный вид, Александр Владимирович выглядел жалким, а Дуся наоборот. Она словно выросла. И фланелевый халат с тапками не бросались в глаза. Вернее так: взгляд притягивало Дусино лицо. Решительное, дерзкое, одухотворенное. Глядя на Дусю, Макс понял, словосочетание «победа духа» — не метафора, это — внутренняя свобода и уверенность в себе.

Александр Владимирович резко повернулся и направился в прихожую. Надев пальто, он бросил на Дусю злой взгляд и процедил сквозь зубы:

— Пошла к черту. Слишком много чести с тобой бороться.

Дверь хлопнула, и Макс с Дусей остались одни. Раздался рык замерзшего двигателя, и снегири, присевшие на кормушку, заметались среди деревьев. Глубоко вздохнув, Дуся открыла окно.

— Хороший сегодня день, прямо по Пушкину: «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...»

Постояв у окна, она подошла к Макс и добавила:

— Научиться можно только тому, что любишь. Это не я придумала — Гёте. Так что сначала разберись с предпочтениями, затем принимай решение.

В гостиную спустилась Людмила Ивановна. Ее лицо побледнело, под глазами залегли темные круги. Макс понял, мать слышала весь разговор.

— Как-то нескладно все вышло, — тихо сказала Людмила Ивановна.

Дуся подошла к подруге и, обняв за плечи, сказала:

— Как говорил царь Соломон, все прошло, и это пройдет. А на войне без грязных приемов не обойтись. Порой и морду надо набить.

За обедом Макс и Людмила Ивановна молчали. Зато Дуся не умолкала ни на минуту. Она вспоминала смешные истории, сыпала анекдотами и, похоже, пребывала в отличном настроении. Убрав грязную посуду, Дуся заварила чай и, сбросив со стола крошки, улыbnулась.

— Недавно слышала театральную байку. Рассказать?

Макс кивнул. Визит отца не выходил из головы, и хотелось одного — отвлечься.

— Юрий Завадский, художественный руководитель Театра Моссовета, на репетиции как-то крикнул: «Фаина Георгиевна, вы своей игрой сожрали мой режиссерский замысел». — «То-то у меня ощущение, что я наелась дерьма», — тут же ответила Раневская.

Дуся рассмеялась и добавила:

— Вот и у меня такое же впечатление. Режиссерский замысел Александра Владимировича сорван, а во рту — горьковатый привкус.

Людмила Ивановна взглянула на подругу, и ее ресницы затрепетали. Макс понял, мать растеряна.

— Не стоило ставить ультиматум, — заметила она. — Талантливые люди слишком уязвимы.

Дуся разлила чай и с грустью сказала:

— Мила, ты пребываешь в иллюзии. Талант делает человека достойным уважения. Он одновременно и свет, осветивший душу, и мучительные сомнения. У посредственных людей всего этого нет. Так что извини. Александр Владимирович — не талант, он — манипулятор. Да-да, не спорь. Профессор Маушевский умеет пудрить мозги и виртуозно пускать в глаза радужную пыль.

Людмила Ивановна промолчала.

— Кстати, как он догадался, что вы у меня?

— Перед отъездом я написала записку: «Прощай. Мы с Максом уехали к Дусе».

— Слово «прощай» пахнет мелодрамой, — улыбнулась Дуся. — Не находишь?

— Нет, — ответила Людмила Ивановна. — Скорее, драмой.

Глава 4

Дуся обладала многочисленными талантами, в этом Макс убедился достаточно быстро. Дуся была хорошим рассказчиком, играла на гитаре, пела, умела дружить, писала отличные статьи. Попав под обаяние материной подруги и низвергнув с пьедестала отца, Макс заменил его новым кумиром.

В Переделкине Макс не скучал. Он совершенствовался в игре на гитаре, читал «Иностранку», учился водить машину, занимался переводами, ходил в Дом творчества на встречи с писателями и ко всему прочему перенимал у Дуси вредные привычки. Макс начал покуривать и нередко вводил в речь крепкие словечки. Мать Макс, конечно, щадил, но Дусю не стеснялся. Несмотря на возраст, она не держала дистанцию и на подобные мелочи не обращала внимания.

— Что хочу, то и ворочу, — любила повторять Дуся. — Могу бабочкой проплыть, могу задницу почесать.

Подобное мировоззрение Макса устраивало.

«Свобода — это право распоряжаться собой, — думал он. — Значит, все правильно».

В Переделкине Макс вернулся к дневнику, однако свои мысли ему не поверял и продолжал записывать отдельные события. Одна из записей была такова:

Познакомился с Риммой Казаковой. Она приходила к Дусе в гости, пила чай, читала стихи. У Казаковой — оригинальная внешность. Обратил внимание на широко расставленные глаза. По словам Дуси, такое строение глаз говорит о дальновидности и развитом воображении. Судя по всему, Римма Казакова — ровесница мамы.

Далее Макс разместил несколько стихотворных строф и поставил им оценки по десятибалльной шкале. Самый высокий балл получило стихотворение «Пальма первенства».

Пожалуйста, возьмите пальму первенства!

Не просто поддержать, а насовсем.

Пускай у вас в руках крылато, перисто

Возникнет эта ветвь на зависть всем...

Время от времени Дуся устраивала культмассовые мероприятия. Она покупала билеты в театр, и Людмила Ивановна с Максом отправлялись в Москву. Синий «москвич» резво брал старт и через час останавливался то у Театра Моссовета, то перед Театром сатиры.

После таких поездок в дневнике Макса появлялись короткие отчеты.

В Театре Моссовета смотрели спектакль «А дальше тишина». Мама и Дуся прослезилась. Плятт с Раневской играли мужа и жену, разлученных друг с другом по

воле детей. По дороге в Переделкино Дуся вспоминала отдельные монологи, у нее такая же феноменальная память, как у Модуля.

— Мальчик мой, позвони ей скорее и скажи, что мне не нужна комната, — голосом Раневской говорила Дуся. — Я могу жить в чулане, под лестницей, где угодно... только чтобы быть рядом с ним... Скажи ей, что я буду все делать, буду вместо прислуги, она может отпустить прислугу..., я буду стирать, убирать, я буду все делать... Пусть возьмет меня. Скорее позвони, скажи. Я нужна ему. Как же это он будет без меня?.. Как это? Это же невозможно...

Мама, достав носовой платок, тихо плакала.

— Какое счастье прожить пятьдесят лет в согласии и любви. Вместе растить детей, вместе стареть...

Через пару километров Дуся решила пошутить.

— Как любит повторять Раневская, я себя чувствую, но плохо.

На эти слова мама неотреагировала. Приехав на дачу, она поднялась к себе. Думая, вспомнила отца. Мы с Дусей покурили и сели разучивать романс.

Предположение Макса насчет склонности матери к стихосложению оказалось справедливым. Людмила Ивановна действительно писала стихи. Как-то раз, зайдя в ее комнату, Макс увидел торчашую из-под подушки тетрадь. В доме никого не было, и искушение прочесть тайные откровения матери было слишком велико. Макс достал тетрадь и уселся на кровать. Он листал страницу за страницей и все больше убеждался в том, что его мать — талантливый человек. Одно стихотворение особенно поразило Макса. От него веяло любовью. Не к отцу — нет. Видимо, до появления Александра Владимировича у матери был возлюбленный, которому она и посвятила эти строчки.

Макс прислушался к тишине. Похоже, в доме никого не было. Он сбегал к себе и достал из чемодана дневник. Вернувшись, переписал стихотворение, посвященное первой любви Людмилы Ивановны.

Растоптала любовь,
Загубила свиданья и встречи.
Проглядела твой ум,
Твою силу и тайну в зрачках.
Услыхать бы мне вновь
Твои робкие, милые речи.
Отойти бы от дум
В твоих сильных и нежных руках.

Отошли навсегда
Наши вёсны и наши апрели.
Мы не встретимся вновь,
Не посмотрим друг другу в глаза.
Небо, солнце, луна
Свои песни уже нам пропели,
И другая любовь
Нам сетями тела оплела.

Но я знаю, не спорь,
Что меня вспоминаешь, волнуясь,
И не сможешь впустить
Никого так глубоко в себя.

Я — далекая хворь,
Не уйду из тебя, не пройду я.
Уходить я должна
От себя, от себя, от себя.

Макс убрал тетрадь и ушел к себе. Прочтя стихотворение еще раз, он положил дневник в чемодан, щелкнул замком и лег на кровать. Перед глазами появилась Лиза. Круглое приветливое лицо, большие голубые глаза, вьющиеся до плеч волосы. Не-высокая, крепкая, с широкими лодыжками, она стояла перед ним в пестром сарафане и прикрывала ладошкой рот. В глазах вспыхнули звездочки, и Лиза улыбнулась.

— Ничего, пробьемся, — сказала она.

— Ты о чем? — спросил Макс.

Лиза тряхнула головой, и золотые кудри упали на лоб.

— Чему быть, того не миновать.

У Макса перехватило дыхание. Он смотрел на Лизу, и ему хотелось покрыть поцелуями вздернутые уголки губ, вдохнуть запах волос. И еще хотелось прочесть стихотворение матери. Особенным голосом, делая паузы, со всей нежностью, на которую только способен.

Не отрывая взгляда от Лизиных губ, Макс прошептал:

Но я знаю, не спорь,
Что меня вспоминаешь, волнуясь.
И не сможешь впустить
Никого так глубоко в себя.
Я — далекая хворь,
Не уйду из тебя, не пройду я...

— Да-да, — перебила Лиза. — Все верно. Не уйдешь, не пройдешь...

— Что же делать?

— Стань самим собой, и вся любовь, что у меня есть, будет твоей.

— Разве я — не сам по себе?

— К сожалению, нет, — вздохнула Лиза. — Ты всегда кого-то копируешь.

— Но кого?

Макс заворочался в постели и откинул одеяло. Ему стало жарко. Лиза присела на край кровати и наклонилась к Максусу. Пахнуло крокусом или ландышем. Лизины губы дрогнули, и Макс услышал:

Услыхать бы мне вновь
Твои робкие, милые речи.
Отойти бы от дум
В твоих сильных и нежных руках.

Строчки, написанные матерью, стали живыми. Оторвавшись от тетрадки, они приобрели плоть, запах и голос. Макс задохнулся от нахлынувших чувств.

— Небо, солнце, луна свои песни уже нам пропели, — прошелестел Лизин голос.

— Нееееет! — крикнул Макс.

Лиза отпрянула. Она встала и, не оглядываясь, подошла к окну. Деревянные створки распахнулись, и в комнату ворвался ветер. Подхватив Лизу, ветер осыпал ее сарафан крупными снежинками и, хлопнув оконной рамой, исчез. Вместе с ним исчезла и Лиза. Макс изумленно смотрел на окно и не верил глазам. Он знал, Лиза — не виде-

ние. Она была здесь. Мало того, ее запах витал по комнате, а край кровати хранил ее тепло. Но так не бывает. Ветер, сарафан, покрытый снежинками, живые строчки...

Внизу хлопнула дверь, и тут же зазвонил телефон. Макс слышал, как Дуся ругнулась и, бросив на пол сумку, направилась к журнальному столику.

— Алло. Привет, мой хороший. Только вошла. Да-да. Румянец на щеках, дым из ноздрей. Не то Марфושечка-душечка, не то Змей Горыныч. А что — не похожа? Подожди, прикурю.

Макс сидел на кровати и прислушивался. Вот Дуся чиркнула спичкой, вот потянула в себя дым, вот закашлялась... Все эти звуки были реальными, они шли из гостиной и свидетельствовали о том, что Макс не спит. И в то же время...

— Да, ладно, — хмыкнула Дуся. — Тоже мне ухажер. Ты-то как? О-о-о! Растешь, старый валенок. Что новенького? У меня — Мила с Максом. Помнишь, рассказывала? Планов громадьи. И редакционных, и всяких других. А мысли... Как говорит Раневская, в моей старой голове от силы три мысли, но они поднимают такую возню, что кажется, их тысячи. Нет, не прибедняюсь. Ну, ты меня переоцениваешь. Надо быть самим собой, остальные роли уже заняты.

Дуся рассмеялась.

— Это не я сказала — Оскар Уайльд. Хорошо, перезвоню позже. Пока.

— Надо быть самим собой, остальные роли уже заняты, — повторил Макс.

Он встал и, поеживаясь от холода, пробормотал:

— И Лиза о том же.

Глава 5

Первого февраля Макс и Людмила Ивановна поехали в Москву. Предполагалось, что Макс заберет из МГУ аттестат, а Людмила Ивановна заедет домой за необходимыми вещами.

Этой поездке предшествовали два разговора. Первый состоялся на следующий день после посещения Александра Владимировича. Инициатором стала Дуся. Следуя привычке «ковать железо, пока горячо», она обратилась к Максиму с вопросом:

— Так ты уйдешь из МГУ или нет?

Макс оторвался от журнала и посмотрел на мать. Не поднимая глаз от перевода, Людмила Ивановна ждала ответа. Макс чувствовал напряжение, оно напоминало судорогу. Скрытая боль свела ногу или руку, а что делать, не знаешь — то ли замереть, то ли встать. Дуся, напротив, была весела и беспечна. Забыв о тлеющей папиросе, лежащей в пепельнице, она раскладывала пасьянс.

— С мехмата я уйду, — сказал Макс.

— Тогда чего сидишь? — спросила Дуся. — Надо ехать в университет, писать заявление и забирать аттестат.

— Время терпит.

— Ну-ну. Ждать — не устать, было бы чего искать. Наверное, твой папаша и заявление успел написать.

— Какое заявление?

— Дескать, прошу продлить экзаменационную сессию моему сыну, Маушевскому Максимилиану Александровичу, в связи с пневмонией. Справку от врача прилагаю.

— С чего ты взяла? — спросила Людмила Ивановна.

— Вы оба как дети, — взорвалась Дуся. — Ногу подняли высоко, а шаг сделать боитесь.

— Вдруг ошибемся.

— Насколько я знаю, мехмат Макс не выбирал, и страсти к математике не испытывает. Чего ждать?

Людмила Ивановна собрала бумаги и встала.

— Мам, ты куда? — спросил Макс.

— Пойду полежу. Голова болит.

— Вот так всегда, — проворчала Дуся. — Стоит легонько надавить, сразу голова...

— Это мой вопрос — не мамин, — сказал Макс.

— Тогда не тяни. Нет ничего хуже неопределенности.

Дуся встала и, широко расставив ноги, стала делать наклоны. Ее лицо покраснело, спутанные волосы упали на лоб, дыхание прерывали клочкующие всхлипы.

— И раз, и два, и три... И пятьдесят, — выдохнула Дуся и с трудом распрямилась.

— Что это? — удивился Макс.

— Работа над собой.

— Давно работаешь над собой?

— С сегодняшнего дня. Надо соответствовать возрасту.

Макс рассмеялся. Тяжело дыша, Дуся уселась на стул и, взяв папиросу, подмигнула.

— Знаешь поговорку: в сорок пять баба ягодка опять?

— Слышал. Но в чем смысл, не уловил.

— Мал еще, — развеселилась Дуся. — Пока не решишь пионерских проблем, к взрослым вопросам не подступайся. Понял, откуда «э»?

— Нет.

Дуся перемешала карты и, блеснув глазами, сказала:

— Когда Раневскую окружили дети и стали кричать «Муля!», она не выдержала и крикнула: «Пионэры, идите в ж...!»

Макс рассмеялся.

— Смотри, как бы не послали тебя.

— Кто?

— Желающие всегда найдутся...

Дуся хмыкнула и пошла на кухню. Спустя некоторое время Макс услышал звон посуды и низкий грудной голос:

— Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...

Тарелка вырвалась из Дусиных рук и, грохнувшись о пол, разлетелась на мелкие куски.

— Зара-а-а-за!

Воспользовавшись паузой, Максимилиан решил произвести на Дусю благоприятное впечатление.

— Как ныне собирается вещей Олег щиты прибывать на ворота... — запел он.

— Высоцкий, — шаркая веником, откликнулась Дуся.

— Так и есть. В общаге пели.

— Вот послушай, что написал недавно Высоцкий.

Дуся отложила веник и вернулась в гостиную. Она взяла гитару, и, взвизгнув под тяжелой рукой, струны тревожно завибрировали.

Я не люблю фатального исхода, от жизни никогда не устаю,

Я не люблю любое время года, когда веселых песен не пою.

По спине Макса поползли мурашки. Бешеная энергия песни, прищуренные зеленые глаза, низкий голос, ставящий многозначительные акценты, — все это пробивало тысячу оболочек, за которыми пряталась душа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
Обидно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в нее плюют...

- Здорово, — выдохнул Макс.
- Не то слово, — отозвалась Дуся. — Это — настоящее.

Еще один разговор на тему учебы состоялся через неделю. На сей раз его начала Людмила Ивановна.

- Допустим, заберешь документы из МГУ. Что дальше? — спросила она.
- Буду поступать в институт.
- В какой?

Макс пожал плечами. У него не было ответа. Впервые за свою жизнь Макс должен был принять самостоятельное решение; мало того, нести за него ответственность. Но сколько бы Макс ни рассуждал о свободе, сколько бы ни ругал отца, к подобным решениям был не готов.

В очередной раз выручила Дуся.

— Может, пойдешь по нашим стопам? — предложила она. — Поступишь в Университет дружбы народов, получишь историко-филологическое образование, а там видно будет.

Предложение Максу понравилось. Почему бы и нет? Историю и литературу он знал неплохо, с английским языком — никаких проблем, к тому же после окончания университета можно рассчитывать на Дусины связи.

Людмила Ивановна предложила свой вариант:

- Может, попробовать поступить в Институт иностранных языков?
- Тоже неплохо, — ответила Дуся. — Переводческий факультет в Инъязе — отличный.

Обсуждения не последовало, однако Макс зацепился за оба варианта. Рассмотрев их с разных сторон, он принял окончательное решение и в конце января объявил, что будет поступать в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза.

— Ну и, хорошо, — сказала Дуся. — Теперь руби канаты и поднимай якоря. Как говорится, попутного ветра...

«Рубить канаты» Макс начал в студенческие каникулы. Он не хотел встречаться с однокурсниками, к тому же в это время года в деканате было относительно спокойно.

Синий «москвич» подпрыгивал на проселочной дороге и кашлял от напряжения. Ветер сдувал с сосен снежные шапки, разбивал их на мириады снежинок и гнал перед машиной поземку. Дуся не обращала внимания ни на погоду, ни на разбитую колею.

Макс сидел впереди и время от времени поглядывал на Дусю. Она походила на кошку и ветер одновременно. Ярко-зеленые глаза, внешняя невозмутимость, скрытая энергия, способность разбить проблему на тысячу кусков и разметать их в разные стороны. Последнее Дусе удавалось лучше всего. Однако ухаживать за собой она не умела. Вот и сейчас надела енотовую шубу, к ней — бесформенный вязаный берет. Крашенные басмой волосы выбивались из-под берета, ногти подстрижены кое-как, яркая помада попала на зубы и вызывала, мягко сказать, недоумение. А вот Людмила Ивановна выглядела безукоризненно. Пальто с песцовым воротником, шапка-боярыня, низкий пучок на затылке, бледно-розовая помада на губах.

Макс оглянулся на мать. Та сидела на заднем сиденье и смотрела в окно. Если бы не морщинка между бровей, можно подумать, Людмила Ивановна пребывает в состо-

янии безмятежности. Но Макс знал: поперечная морщинка на лице матери — показатель душевного волнения.

Выехав на Минское шоссе, Дуся спросила:

— С чего начнем?

— Заедем домой, потом в МГУ, — ответила Людмила Ивановна.

Дуся взглянула в зеркало, и вид подруги ей не понравился.

— Как-то видела, как воробей говорил колкости другому воробью. Крохотному и немощному. В результате ткнул его клювом в голову и улетел.

Она помолчала и добавила:

— Везде одно и то же.

— Не поняла, — отозвалась Людмила Ивановна. — При чем тут воробей?

— Да так, возникла ассоциация — только и всего.

Синий «москвич» свернул на Ломоносовский проспект и вскоре остановился у дома, где проживали семьи профессорско-преподавательского состава МГУ. Дуся, Людмила Ивановна и Макс зашли в подъезд и поднялись на четвертый этаж. Людмила Ивановна потянулась к звонку, но что-то ее остановило. Она достала ключи и открыла дверь.

В прихожей пахло духами, у дверей валялись женские сапоги, на вешалке висело светлое пальто с искусственным воротником. Людмила Ивановна побледнела. Дуся резко закрыла дверь, и люстра в прихожей завибрировала. Макс непроизвольно взглянул на часы. Девять тридцать. И тут появился Александр Владимирович. Испуганное лицо, растрепанные волосы, пуговицы пижамы застегнуты через одну. Он судорожно сглотнул и сказал:

— Вот так сюрприз. Не ожидал.

Дуся усмехнулась.

— Оно и видно.

Александр Владимирович побагровел. Вздернув бородку, он пронзил Дусю испепеляющим взглядом и процедил сквозь зубы:

— Хороша, нечего сказать. Ободранные кошки и то лучше.

Дуся сняла берет и, повернувшись к зеркалу, поправила волосы. Похоже, слова Александра Владимировича ее не задели — скорее, раззадорили.

— Мнение мышки для кошки не представляет никакого интереса, — ответила она.

Несмотря на драматическую ситуацию, Макс не сдержался и хмыкнул. Что и говорить, пощечина отцу. И ведь не задумалась ни на мгновение.

Людмила Ивановна сжала губы и, не взглянув на мужа, устремила в свою комнату. Она открыла платяной шкаф, достала несколько наволочек и стала запихивать в них одежду, обувь, книги и некоторую мелочевку. Макс ушел к себе, Дуся направилась на кухню. Налив стакан воды, она подошла к окну. Александр Владимирович потоптался в прихожей и пошел вслед за Дусей. Он желал сатисфакции. И в этот момент появилась молодая особа. На первый взгляд ей было лет тридцать. Длинноногая, с копной пшеничных волос, в полупрозрачной ночной рубашке, она появилась на кухне и уставилась на гостью. Придя к некоторому выводу, молодая особа перевела взгляд на Александра Владимировича и спросила:

— Это твоя жена?

Профессор Маушевский съежился и, если бы не Дуся, наверняка бы выругался. Дуся развернулась к молодой особе, и ярко накрашенные губы растянулись в улыбку.

— Позвольте представиться — Евдокия Павловна Шохова. Журналист, редактор и подруга жены Александра Владимировича.

На кухню зашел Макс. Взглянув на любовницу отца, он брезгливо поморщился и сказал:

— Мы все собрали. Можно ехать.

Дуся отошла от окна и барыней поплыла к выходу. Людмила Ивановна уже стояла в дверях.

— Остается одно, — вздохнула Дуся. — Отряхнуть прах со своих ног и войти в новую жизнь.

Макс подхватил наволочки, набитые вещами, и поспешил вниз. Он перепрыгивал через ступеньки и мечтал о глотке свежего воздуха. Ему были ненавистны и квартира, где он прожил семнадцать лет, и дешевая мелодрама, разыгравшаяся перед глазами, и собственный отец. Осталось забрать документы и, как сказала Дуся, отряхнуть прах со своих ног.

Проблем с документами не возникло. Декан по учебной части даже не поинтересовался причиной ухода. Он попросил написать заявление, выполнил формальности и, вручив аттестат об окончании школы, задал один вопрос:

— Как со здоровьем — нормально?

— Да-да, — поспешно ответил Макс и, попрощавшись, вышел из деканата.

«Дуся права, — думал Макс, ожидая лифт. — Отец сочинил историю о моей болезни и написал заявление о продлении экзаменационной сессии».

Теперь Макса это не трогало. За последние часы он понял, отец лгал всегда — и дома, и на работе. И началось это много лет назад. Наконец пришло осознание, что в те далекие времена, когда он ждал отца в университетском сквере, тот был у очередной любовницы.

«Бедная мама, — подумал он. — Обманутая и одинокая».

Макс вошел в лифт, и, спускаясь вниз, дал слово всячески оберегать мать.

Дуся и Людмила Ивановна ждали в машине. Макс показал аттестат и сказал:

— С мехматом покончено. Думаю, надо это дело отметить.

— Отличная мысль, — оживилась Дуся. — Устроим праздничный ужин.

Людмила Ивановна вздохнула. Маска отчаяния сошла с ее лица, однако тени, залегшие под глазами, говорили о пережитом волнении.

— Что будем праздновать? — спросила Людмила Ивановна.

— Прощание с иллюзиями, — заводя машину, ответила Дуся.

Синий «москвич» обогнул физфак и, замигав левым поворотником, остановился у светофора. Облокотившись на руль, Дуся добавила:

— Иллюзии как зубы — с возрастом они выпадают.

Макс смотрел на пешеходов, спешащих на другую сторону Ломоносовского проспекта, и вспоминал утреннюю картину. Ветер дул белые шапки с верхушек сосен, разбивал их на мириады снежинок и гнал перед машиной снежную поземку.

«Прелюдия к сегодняшнему дню, — подумал Макс. — Разбитые иллюзии и убежавшее детство».

Глава 6

Вернувшись в Переделкино, Людмила Ивановна слегла. К болезни подруги Дуся отнеслась философски.

— Измену надо переболеть — как корь, например, или ветрянку, — сказала она. — И вообще, отчаяние не достойно мыслящего человека. Мила полежит, подумает...

— И отряхнет прах со своих ног, — добавил Макс.

— Верно. Не по небу летаем, по земле ходим. А на ней чего только нет — и пыль, и грязь, и камни...

— И иголки, упавшие с сосны..., — продолжил Макс.

Ему нравилось дополнять Дусю, нравилась ее манера говорить и вставляться в разговор меткие выражения; нравилось ее слушать.

Весь февраль Дуся работала дома и выезжала в редакцию в особых случаях. Макс помогал, как мог: мыл посуду, чистил картошку, ходил в магазин, колол дрова, переводил кое-какие статьи. По вечерам они с Дусей болтали или играли на гитаре. Песни Высоцкого у Макса не пошли — не хватало энергетики, а репертуар Кукина стал родным.

— Спой-ка мне «Поезд», — в очередной раз попросила Дуся.

Макс улыбнулся. Взяв гитару, сел у окна и начал со второго куплета:

Заблудилась моя печаль
Между пихт и берез,
И не действует по ночам
Расстоянья наркоз.
Расставаясь, шептал: «Пустяк,
Ведь не видишь же ты насквозь.
Просто что-то не так, не так,
Что-то не удалось».

Ариэлем хотел лететь —
Ни любви, ни забот.
Или в горы, как Алитет,
Уходить каждый год.
Вбей в колено тоску, кулак,
Удержи от ненужных слез.
Просто что-то не так, не так,
Что-то не удалось.

Макс чувствовал не только душевное созвучие со словами песни, но и видел то, о чем пел. Он видел, как по лесу, натываясь на деревья, кружит девушка с печальным лицом. В ее волосах застряла хвоя, босые ноги изранены, кружевная накидка спадает с плеч. Видел Ариэля с головой льва, летевшего над лесом. Кто он — ангел или демон? Впрочем, неважно. Ариэль в представлении Макса был непостижим. Упрямый, неуловимый, быстрый, как ветер. А вот Алитета представить не мог, и это мешало.

— Он что — мифический герой? — спросил Макс.

— Нет, — ответила Дуся. — Герой книги Семушкина. Не знаю, читал ли Кукин роман, но фильм «Алитет уходит в горы» наверняка смотрел.

Дуся оторвалась от рукописи.

— Представь себе дореволюционную Чукотку, чукчей-скотоводов, американских закупщиков, местного богатея Алитета. Стоило появиться отряду советских людей, как американцы и Алитет убежали, а бедняки стали строить новую жизнь.

— Неромантическая история, — заметил Макс.

— Как посмотреть, — улыбнулась Дуся.

Она встала и, закурив, ушла на кухню. Через несколько минут Макс уже пил чай, грыз баранки и ждал продолжения разговора. Однако Дуся не спешила. Она смотрела в окно и молчала.

«Что там? Не отец ли приехал?»

Макс подошел к окну. Сумерки ползли по лесу и перешептывались с ветром. Макс прислушался и услышал тихие голоса.

— Как там весна — далеко? — спрашивали сумерки.

— Уже рядом, — отвечал ветер. — Чуете запах?

Сумерки вертели мохнатыми головами и шмыгали носами.

— Пахнет землей, талым снегом и чем-то незнакомым, — говорили они.

— Этот запах оставил солнечный луч. Разве не так?

— Тебе лучше знать, — отвечали сумерки. — Мы с ним не пересекались...

Дуся вернулась за стол. Она налила чай и сказала:

— Такое впечатление, что ты прислушивался к постороннему разговору.

— Так и есть. Сумерки шептались с ветром.

— Серьезно? — воскликнула Дуся.

— Я часто слышу необычные разговоры, — решил похвастаться Макс. — Слышал, как говорили ветер и каменная кувшинка, бюсты ученых в университетской аллее, Главный корпус.

— Надо же.

Помолчав, Дуся добавила:

— Не говори никому о своем даре — хорошо?

— Почему?

— Люди тебя не поймут. Скажут, что спятил.

Макс задумался. На душе было тревожно и сладко одновременно. С одной стороны — мистический дар, с другой — отклонение от нормы. Однако и Лиза слышала разговор ветра с кувшинкой. Что — и она спятила?

Дуся потянулась к папиросам.

— Чем больше живу, тем больше убеждаюсь: необычное видят и слышат единицы, — сказала она. — Таких людей называют «чуткими». Думаю, ты — один из них.

Макс был польщен.

— Когда поешь «Поезд», — продолжила Дуся, — кажется, видишь то, что не вижу я. Признаюсь, это меня волнует. Будто бы расширяешь мой мир.

Дуся собрала стопку листов и протянула их Макс.

— Что это? — спросил Макс.

— Новый роман. Он выйдет в мартовском номере «Иностранки».

— Франсуаза Саган. «Немного солнца в холодной воде».

Макс улыбнулся и добавил:

— Красивое название. Будит воображение.

Дуся поднялась к себе, а Макс еще долго сидел в гостиной, прислушиваясь к ночным звукам. Тихие шорохи, скрипы, песня ветра... Через час ветер затих, и тысячи звезд осветили небо. Каждая звезда несла свет, но он был таким далеким, что едва доходил до Земли. Ведь всем известно: если звезд много, ночь отступает.

Глядя в окно, Макс размышлял о той, что приютила их с матерью. Удивительная женщина. Стремительная, говорливая, энергичная. Без всякого желания понравиться. Ни фигуры, ни яркой внешности, но стоит ей заговорить, как обращает на себя внимание.

Макс выключил свет, поднялся в комнату и начал читать новый роман. Образ журналиста Лантье сразу привлек внимание. В нем было что-то знакомое — можно сказать, родное. Конечно, Жиль — не Макс, к тому же старше в два раза, но особенность восприятия мира плюс некая апатичность... — все это присутствовало и в Макс.

Макс закрыл глаза и увидел то, о чем только что прочел. Вот Жиль отправился в ванную, вот включил воду, вот взял кусок мыла. И будто удар тока. Паника, страх, всполошенные удары сердца. Розовый кусок мыла выскочил из рук, осмысленно взглянул на Жилия и... пополз. В умывальнике лежало маленькое, верткое существо. Макс

содрогулся. Вместе с Жилем он ощущал ужас и отвращение. Что это — явь или сон? Плод воображения или реальность?

Макс читал до рассвета. Любовная страсть Жилия и Натали будила воображение. Макс представлял смятые простыни, судорожное движение тел; чувствовал запах пота; слышал объяснения в любви. В его понимании, Натали походила на Лизу. Та же чистота, те же провинциальное обаяние и жертвенность.

С первыми лучами солнца Макс добрался до финиша. Отложив в сторону последнюю страницу, он встал, подошел к окну и судорожно вздохнул. В голове стучали слова предсмертной записки Натали.

«Ты тут ни при чем, дорогой. Я всегда была немного экзальтирована. И никого не любила, кроме тебя».

Макс оделся и вышел на улицу. Над верхушками сосен летела весна. Оседлав ветер, она размахивала серебряной плеткой, ловила солнечные лучи и хохотала, как девчонка. Увидев Макса, ветер помчался. Весна спрыгнула на крышу и побежала по карнизу. Десятки сосулков полетели вниз. Макс слышал хруст ледяных крошек, видел перламутровые накидки, чувствовал запах свежести. Весна помахала Максу рукой и вскочила ветру на спину.

«Не время еще», — услышал Макс.

Вернувшись в дом, Максимилиан поднялся в свою комнату и тут же уснул.

Глава 7

В течение февраля весна посещала Переделкино несколько раз. Последствия ее визитов были заметны. Вокруг деревьев синели лунки, снежные одеяла распались на части, на дорогах блестели лужи, и в них отражалось весеннее солнце.

«Да-да, все одно к одному. Немного солнца в холодной воде», — думал Макс, шагая по поселку.

В конце марта весна окончательно пришла в Подмоскowie, и не одна. В золотой колеснице катило солнце, ветры мерились силой, грачи оглашали окрестность новостями об окончании холодов. Весна раскидала снежные комья и, обхватив землю руками, вдохнула в нее новую жизнь.

В марте Людмила Ивановна ожила и приступила к работе. Об Александре Владимировиче она не вспоминала, и Макс решил, что мать пришла в норму. Он скинул с себя домашние дела и стал готовиться к вступительным экзаменам. Дуся и Людмила Ивановна помогали. Они обсуждали темы сочинений, занимались с Максом английским, слушали тематические пересказы, проводили диктанты с последующим разбором.

О культпоходах Дуся не забывала. Синий «москвич» продолжал курсировать по маршруту Москва—Переделкино—Москва и нередко заставался перед театром или концертным залом. Макс обожал такие поездки. Благодаря Дусе он побывал в Большом театре на опере «Мазепа», увидел спектакль «Принцесса Турандот» в Театре Вахтангова.

К маю весна заматерела. Она уже не носилась на ветре верхом, не хохотала, как девочка, а занималась созиданием. Леса покрылись листвой, луга — цветами, среди зверей и птиц начались брачные игры. Макса охватило томление. Он просыпался по ночам, вспоминал Лизу, ее взгляд, голос, улыбку. Ему хотелось событий: вернуться в общежитие, устроить сабантуй, услышать Модуля, расписать пульку. Пять месяцев тишины в Переделкине давали о себе знать. И пусть Дуся с Людмилой Ивановной были интересными собеседниками, Макс не хватало сверстников.

Весна сменилась летом, и началась небывалая жара. 1972 год бил все температурные рекорды. Тридцать-тридцать пять градусов в тени, раскаленное небо, ни одного

дождя. Подмосковье охватили лесные пожары, и вскоре загорелись торфяники. Едкая мгла добралась до Переделкина, в доме пришлось закрыть все окна и двери. В атмосфере удушающей жары и гари Макс начал сдавать экзамены. Результаты были впечатляющими: «хорошо», «отлично», «отлично», «отлично». Итого: девятнадцать баллов. Макс прошел в институт, и по случаю поступления Дуся устроила пир и пригласила кучу гостей.

Макс пел и пил, гости плясали и декламировали стихи, а набравшись как следует, устроили игру в прятки. Сначала прятались в доме. Как только спала жара, перебрались поближе к деревьям. Людмила Ивановна походила на цветок и у мужчин вызывала интерес. Макс заметил, что за матерью ухаживают известный поэт и малоизвестный писатель, и это обстоятельство его радовало. Ночью на лужайке перед домом хотели развести костер, однако не решились. Стояла такая сушь, что достаточно было искры, и мог бы вспыхнуть целый поселок.

Через три дня Макс, Дуся и Людмила Ивановна улетели в Грузию. В Сухуми жил Дусин друг — журналист-международник, славившийся своим гостеприимством. Море, горы, яркие звезды; ко всему этому — вино, фрукты, шашлык и интересные разговоры. Они были большими и маленькими, душевными и рациональными, тематическими и ни о чем. Хозяин дома знал массу анекдотов, тостов, стихов, а главное — умел их рассказывать.

Гиви был тех же лет, что Дуся и Людмила Ивановна, однако казался Максу моложе. Энергичный, веселый, открытый, он привлекал внимание и вызывал огромную симпатию. Дуся отдыхала на полную катушку. Она поела невероятное количество кинзы и помидоров и, как огромная кошка, часами нежилась в шезлонге. Людмила Ивановна вернулась к прежнему увлечению и с вдохновением вышивала. Однако прогресс был налицо: крестик заменила яркая гладь. Макс видел, как под ловкими пальцами матери появляются цветы, много цветов — целые букеты. С точки зрения Макса, они были гораздо красивее, чем скалы и птицы. И Дуся была с ним согласна.

— Впускай в душу свет, — говорила она. — И многоцветие.

Благодаря Гиви Макс расширял свой кругозор и погружался в темы, оставшиеся раньше за бортом его жизни. Попивая вино, он слушал о визите Никсона в Москву, договоре ОСВ-1, ядерных боеголовках, предстоящей Олимпиаде в Мюнхене, последствиях засухи, ценах на алкоголь.

Перед отъездом в Москву Гиви засыпал гостей подарками. Среди них были бутылки кахетинского и цинандали, французские духи для Дуси и Людмилы Ивановны, грузинский кинжал для Макса.

— Кама, — вручив кинжал, сказал Гиви. — Символ верности и долга.

— Уважил, спасибо, — сказала Дуся. — Но самый лучший подарок — у Макса. Глядя на кинжал, вспоминается Лермонтов: «...не изменюсь и буду тверд душой, как ты, как ты, мой друг железный!»

— Твердая душа — это хорошо, — сказал Гиви. — А вот меняться надо.

— Почему? — спросила Людмила Ивановна.

— Иначе скучно жить.

Разлив по бокалам вино, Гиви предложил выпить перед дорогой.

— Мой тост таков, — сказал он, одарив гостей ослепительной улыбкой. — Однажды дочь пожаловалась матери, что муж изменяет ей с другой женщиной. Мать выслушала дочь и сказала: «Это поправимо. Принеси мне два волоска из тигриных усов». — «Что ты, мама, — испугалась дочь. — Как это возможно?» — «А ты попробуй. Женщина должна уметь все». Делать нечего. Дочь зарезала барана и с куском мяса ушла в лес. Села в засаду и ждет. Как только явился тигр, она испугалась, бросила мясо и бежать.

На другой день снова пришла. Когда тигр подскочил к ней, она бросила мясо и стала смотреть, как он ест. На третий день тигр ее уже ждал. Когда женщина появилась, он взял мясо с руки. На четвертый день тигр подбежал и, съев угощение, положил голову женщине на колени. Увидев, что зверь задремал, женщина выдернула два волоска и принесла домой. «Ну вот, — сказала мать, — ты укротила тигра. Теперь иди к мужу и укроти его. Ласкою или хитростью — неважно. Главное — запомни: в каждом мужчине живет тигр».

Гиви чокнулся с Дусей и Людмилой Ивановной и добавил:

— Выпьем за женщин, которые укрощают в нас тигров.

— Хороший тост, — воскликнула Дуся. — Теперь мой.

Гиви снова наполнил бокалы и с интересом посмотрел на Дусю. Та встала и, изменив голос на грузинский манер, сказала:

— На одном из банкетов тосты говорили по кругу. Первый тост был таков: «Хачу выпить за нашего Дато. Вот это настоящий мужчина — он может выпить подряд три рога вина и палюбить троих женщин». Выпили за Дато и стали слушать второй тост. «Я хачу выпить за нашего Гоги. Вот это настоящий мужчина — он может выпить подряд десять рогов вина и палюбить десятерых женщин». Выпили за Гоги. Встал третий грузин и, скорбно глядя в пол, сказал: «А я предлагаю выпить за Владимир Ильич Ленин.... Нэ знаю, сколько он пил вина и сколько любил женщин, но только настоящий мужчина мог ТАК хорошо отомстить за смерть старшего брата».

Дуся подмигнула Максу и закончила тост словами:

— Так выпьем за настоящих мужчин.

Макс рассмеялся, а Гиви прижал Дусю к груди и сказал:

— Как говорил царь Соломон, женщина непостижима. Она слаще жизни и горче смерти.

Уже в самолете Дуся призналась:

— Когда-то у нас с Гиви был любовный роман. Однако не сложилось.

— Почему? — спросил Макс.

— Гиви испугался моего ума.

— Неужели ты демонстрировала ум перед мужчиной? — улыбнулась Людмила Ивановна.

Дуся вздохнула.

— Я была настолько глупа, что забывала его прятать.

ЧАСТЬ III

ВЧЕРА НЕ ДОГОНИШЬ

Глава 1

Восьмидесятые и начало девяностых годов Макс называл «никакими». Страшно звучит. Пессимистично и безнадежно. Что значит никакие — разве не было событий? Были, и много. Начиная с развала СССР и кончая событиями личной жизни — в данном случае жизни Максимилиана Маушевского.

В памяти Макса не раз всплывали слова старухи, встреченной в юношеском сне:

«Каждый идет туда, где не был. Много дорог, много направлений. А путь освещает внутренний свет. Если его нет — идешь во тьме; если вспыхнул — никогда не померкнет».

Максу казалось, все эти годы он шел в потемках. Внутренний свет не озарил душу Макса, и стоит ли его ждать — неизвестно. Если говорить образно, Макс пролетел по

жизни на большой скорости, словно сидя за рулем современной машины с автоматической коробкой передач. Взял направление и помчался. В этой гонке не было ни осознания себя как части процесса, ни знания машинного нутра. И это называется жизнью? Двери заблокированы, видна только дорога. Все, что сбоку, не привлекает никакого внимания. Вжик, и мимо; возможность оглядеться только на светофоре. Словом, «а дорога серою лентою вьется...»

Песню, которую любил Лизин отец, Максимилиан знал наизусть. Бесхитростные строчки тревожили воображение и вызывали яркие ассоциации. Вот, например, «залито дождем ветровое стекло».

«Да, залито, — думал Макс. — Дворники работают в полную силу, но с дождем справиться не могут. В результате — ничего не видно. Два десятка лет за рулем, и все годы в крошечной тьме».

Или другая строчка из песни: «Ветер за кабиной пронесется с пылью...»

Для Макса ветер — знакомый персонаж. Он многолик. Университетский ветер ведет разговоры с кувшинкой и швыряется листьями в Главный корпус; переделкинский ветер шепчется с сумерками и катает на себе весну; зимний метет поземку и целует локоны новогодней Москве. Каждый из них имеет свой голос и характер; каждый определяет настроение.

Последний куплет песни вызывал неизменную грусть. Он говорил о быстробегущих годах, о том, что у Макса не было и, наверное, уже не будет: «радостно встречать тебя с маленьким сыном выйдет к перекрестку любовь и жена».

Дело в том, что к сорока годам у Макса не было ни жены, ни сына, ни любви. Была, правда, дочь — такая же вздорная и меркантильная, как ее мамаша, — а ведь могло быть все по-другому.

«Лиза... Где она? Как сложилась ее судьба?» Чем дольше Макс жил, тем чаще вспоминал Лизу. Круглое лицо, губы, вздрагивающие от улыбки, золотые волосы. И глаза словно звезды. А в них — свет. «Лиза — настоящая, — думал Макс. — Не то что другие женщины. Те пробежали по жизни, не оставив следа. Ни тепла от них, ни любви, ни света. Одна только пыль. А Лиза оставила свет. В душе и в сердце».

Воспоминания вызывали светлую грусть и вопросы. Как в песне Кукина, что когда-то любила Дуся: «Что же, что же не так, не так? Что же не удалось?»

Действительно, что не удалось? С одной стороны — все нормально. Окончив институт, Макс защитил кандидатскую, получил специальность переводчика, преподавал в Инъязе, женился... С другой — в его жизни не было ни любви, ни радости. Вместо них — потерянности. Словом, «заблудилась моя печаль среди пихт и берез...»

Теперь Макс казалось, печаль — это старуха. Вышла из леса и села на плечи. Тяжелая, как сырой пень. Прижала к земле и не дает вздохнуть. А вместе с печалью ее подруги: тоска, одиночество, уныние. Еще те дамочки. Опутали своими сетями, прижались холодными телами — стонут, ищут сочувствия. Да чтоб их. И ведь не скинешь. Можно сказать, срослись за многие годы.

Однако у Макса была и любовь. И есть до сих пор. Ее дарили мать и Дуся. Эти две женщины как светлячки — вселяли надежду. Мысли о них поддерживали Макса в самые трудные минуты, останавливали перед открытым окном, не давали проглотить горсть приготовленных транквилизаторов.

«Все почему? — думал Макс. — Потому что мать и Дуся — его ангелы-хранители. И Лиза, конечно, ангел. Но улетевший».

Чем же порадовал Макс своих ангелов? Ничем.

Лиза когда-то сказала: «Стань собой, и весь ум, вся любовь, вся смелость, что есть у меня, будут твоими». Самим собой Макс не стал. До сих пор он играл неведомую

ему роль. А Лизин сон — вещей. «Иду по берегу Волги, а ты плывешь против течения, — не раз вспоминал Макс. — У меня замерло сердце. Остановилась, протянула руки к реке и закричала». — «Почему?» — «Какой из тебя пловец?» — ответила Лиза.

Она права. Макс — никудышный пловец. Всю жизнь плыл по словесной реке. Начала в лодке. Когда-то ее надул отец. А мама тянула лодку за собой. Слова отца накрывали лодку волной, сажали на мель, несли дальше. Мама держала Макса в поле зрения, приходила на помощь. На берегу той реки не было ни травы, ни берез — одни только музеи, театры и концертные залы. Бетонные берега ограничивали движение воды, не позволяли реке разлиться. Только вперед, только в заданном направлении. Но куда?

Свобода пришла после разрыва с отцом. Призрачная свобода. Макс попал в новый поток, и, зацепившись за Дусю, поплыл вместе с ней и матерью. Женщины гребли руками и продвигались по жизни самостоятельно. А Макс? Он надул нарукавники и старался от них не отставать. Мало того, создавал видимость, что плывет. Кого обманул? Только себя.

Было время, когда у Макса возникло желание стать самостоятельным. Он вышел на берег и решил доказать, что может передвигаться без поддержки. Какой результат? Прыг-скок, кич-кич... Не человек, а кузнечик. С одной бабочкой поболтал, с другой покружился, третьей спел серенаду... А четвертая оказалась жабой. Посмотрела на Макса выпуклыми глазами и... сцапала. Хорошо, что не проглотила. Выплюнув, ускакала по своим жабым делам. А кузнечик остался в тине. Пока выполз, пока обсох, пока зализал раны... А тут и середина жизни пришла.

Мысли о бывшей жене вызвали у Макса очередной гнев. Несмотря на то, что с момента развода прошло много лет, Максимилиан, вспоминая свою семейную жизнь, вспыхивал, как спичка.

«Проклятие, — думал он. — Если бы не она, все было бы по-другому».

Глава 2

Студенческая жизнь в Инъязе была иной, нежели на мехмате. В институте преобладали девушки, и мимо Макса они не проходили. Неудивительно. На переводческом факультете появился красивый парень — к тому же москвич из интеллигентной семьи.

Макс оказался в центре внимания. Девушки крутились возле него, интриговали, боролись за героя-любownika. Макс не сопротивлялся. Вкусив плотской любви, он почувствовал себя настоящим мужчиной. Цветы, признания, бессонные ночи, любовная страсть, ну и, конечно, учеба.

В результате такого режима Макс был истощен, как никогда.

— Смотри, дорогой, — как-то сказала Дуся. — На тебя началась охота.

— Не волнуйся, — ответил Макс. — Охотник — я.

— Ну-ну. Бог в помощь.

Сидя у торшера, Людмила Ивановна вышивала. Она прислушивалась к разговору и бросала на сына тревожные взгляды. Не выпуская изо рта папиросы, Дуся раскладывала пасьянс. Наконец он сошелся, и Дуся сказала:

— Запомни, дорогой: женщины — не слабый пол. Слабый пол — это гнилые доски.

— Мысль из коллекции Раневской? — спросил Макс.

— Угадал, — улыбнулась Дуся. — От себя добавлю: так повелось, что извечные приоритеты мужчин — карьера и самореализация, а центр внимания женщин — семья и дети.

— Глядя на тебя, не сказал бы.

— Я не типична. К тому же упряма и самонадеянна.

Максимилиан вспомнил знакомых девушек, их приемы, слова и попытался представить Дусю в подобной роли. У него не получилось.

Наличие у Дуси мужского характера не вызывало сомнений. Она решала основные вопросы в семье, зарабатывала деньги, учила и даже купила Макс машину. Вернее так, деньги дала Людмила Ивановна, а Дуся машину достала. В семидесятые годы такая покупка была под силу людям со связями или самым настырным. На машины записывались, их покупали по блату, доставали через общественные организации. Дуся подключила знакомых, и на свое двадцатилетие Макс получил белый «москвич».

Теперь Макс разъезжал на своей машине. Если Дуся доставала билеты в театр, Макс с радостью встречался с Дусей и матерью, но после спектакля садился в свою машину и мчался в квартиру на Шаболовской. Он чувствовал себя ковбоем. Так назвала его Дуся, увидев за рулем «москвича». Слово легло на благодатную почву, и Макс вошел в новую роль. Он демонстрировал сдержанность, немногословность, стремительность. Рисуясь перед однокурсниками, Макс надевал маску, однако, приехав в Переделкино, оставлял ее в машине. И Макса можно понять. Молодость, пижонство, желание нравиться — все это будоражило кровь, и он, как ковбой, неся по прерии жизни. Свобода, свистящий ветер в ушах, ощущение силы. Что может быть лучше?

Преподаватели к Максиму благоволили. На пятом курсе ему предложили поступать в аспирантуру. Людмила Ивановна гордилась успехами сына и всячески помогала — в том числе материально. Дуся не отставала. Она давала возможность подработать, и Макс по большому счету в деньгах не нуждался. Он хорошо питался и, помимо клешей, батников и водолазок, имел пару костюмов, сшитых в ателье у Дусиной знакомой.

Пять лет учебы в институте можно было уместить в строчку: лекции, семинары, лингафонные кабинеты, в свободное время — романы с той или иной девушкой. К концу семидесятых Максимилиан занялся диссертацией и потерял интерес к любовным страстям.

В институте Макс выучил два языка — французский и испанский — и к моменту поступления в аспирантуру успел войти в лингвистический вкус. Ему нравились тишина библиотек, общение с научным руководителем, тема будущей диссертации. Звучала она так: «Проблема переводческой эквивалентности». Услышав название, Людмила Ивановна оживилась. Она всегда интересовалась лингвистикой и бережно относилась к слову. В тот день, когда Макс объявил о начале работы, Людмила Ивановна осталась в гостинице до позднего вечера. Макс приехал с бутылкой вина, тортом «Прага», шоколадными конфетами и пакетом свежемолотого кофе. Он выложил в вазу «Мишек на севере», открыл бутылку вина и пригласил женщин к столу.

— Поднимаю тост за интересную научную работу, — подняв бокал, сказала Дуся.

— Успехов тебе, сынок, — добавила Людмила Ивановна.

Макс был в ударе. Он говорил о лингвистике, о научном руководителе, цитировал его статьи. Дуся и Людмила Ивановна попивали вино и любовались Максом. В конце ужина дело дошло до кофе. Кофейный аромат наполнил гостиную и перебил запах табака. Съев кусок торта, Дуся похлопала себя по животу и улыбнулась.

— Как говорят йоги, в человеческом организме идет постоянный обмен энергиями. Если ограничить половые связи, сексуальная энергия перетекает вверх, и умственная активность усиливается.

— Проверено эмпирически, — рассмеялся Макс.

Людмила Ивановна потупила глаза и покраснела. Она не умела говорить на подобные темы. Поворот в разговоре вызвал у Макса интерес. У него возникло желание заявить: мои дорогие женщины, вы видите, я — не мальчик?

Стоило упомянуть о сексуальной энергии, как родился вопрос. Чего в нем было больше — мальчишества или провокации, трудно сказать.

— Как вы думаете, откуда пришло слово «секс»? — спросил Макс.

Дуся и глазом не моргнула. Перетасовав карты, она разложила новый пасьянс.

— Sexus в переводе с латыни — «пол», — сказала она. — Однако дословный перевод мало что объясняет.

Людмила Ивановна зарделась, однако участие в разговоре приняла.

— Слова «секс» в русском языке нет.

Погасив папиросу, Дуся подошла к окну. На улице бесновался ветер. Он пригибал верхушки сосен, поднимал осенние листья, закручивал их в вихри и нес на крышу.

— У этого слова есть русские синонимы. Например, «похоть», «страсть», «блуд»...

— Любострастие, — добавила Людмила Ивановна.

— Да-да. Смысл ясен.

Дуся вернулась к столу и подмигнула Макс.

— Давно полюбил эпатаж?

Макс смутился.

— Да ладно, — улыбнулась Дуся. — Мне эти штучки знакомы.

Она подошла к Макс и, пригладив его шевелюру, добавила:

— Эпатаж — признак молодости. Как только начинаются зрелые годы, он проходит.

«Подобными разговорами Дусю не смутить, а вот маму..., — подумал Макс. — Она словно из девятнадцатого века».

Людмила Ивановна сидела за столом и смотрела на свечу. Межбровье перерезала поперечная морщинка, чуть влажные глаза следили за колеблющимся пламенем. Казалось, в капле огня, тянувшейся к потолку, Людмила Ивановна искала ответ на вопрос, поставленный самой себе. Оторвав взгляд от свечи, она сказала:

— Помню статью о славянской азбуке.

— Аз, буки... — отозвался Макс.

— Верно. Однако в статье шла речь о символах.

Людмила Ивановна встала и подошла к запотевшему окну. Нарисовав на стекле две вертикальные черты, она пояснила:

— Правая черта — символ мужчины, левая — женщины.

— Интересно, — признался Макс.

— Еще как.

Заговорив на тему славянских символов, Людмила Ивановна не прятала взгляд, как в предыдущем обсуждении, она светилась изнутри. Дуся оставила пасьянс и, улыбаясь, следила за разговором. Ей нравилось настроение подруги.

Изящный палец потянулся к стеклу, и рядом с двумя черточками появилась буква «Л». Макс увидел, как вспыхнули глаза матери. Будто где-то внутри включилась подсветка.

— Видишь? Мужчина и женщина потянулись друг к другу. И соединились. Что это?

Макс промолчал. Он понимал, слово «секс» к черточкам не имеет никакого отношения.

— «Л» — символ любви, — ответила Людмила Ивановна и снова повернулась к окну.

У буквы «Л» появилось основание, и она превратилась в треугольник — Δ.

— А этот знак — символ дома.

— Понимаю, — улыбнулся Макс.

— Мужчина и женщина соединились не только на уровне душ, но и на низшем, бытовом уровне.

Решив внести свою лепту, Дуся подошла к окну и пририсовала к основанию треугольника две боковые черточки. Получилась буква «Д».

- Влюбленная пара построила дом и поставила его на сваи.
- Зачем? — удивился Макс.
- Чтобы защитить от паводков.
- Все верно, — согласилась Людмила Ивановна. — Дом — микромир, любовь — основа жизни.

Она подошла к столу и подняла бокал.

— Предлагаю выпить за любовь. Если человек не любит, он не живет. Речь о любви как фундаменте жизни.

Такой Макс свою мать раньше не видел. Он понял: истина, скрытая в словах матери, была настолько глубока, что к ней можно прикоснуться через собственный опыт. Впоследствии до Макса дошло: в Переделкине мать поняла ошибки в воспитании сына и отпустила веревку, за которую тянула его по жизни. С тех пор Людмила Ивановна не вмешивалась в его жизнь. Она позволяла набивать шишки, переживала за неустроенную жизнь и терпеливо ждала превращения Макса в мужчину. В того, кто при удачах судьбы может устоять на ногах, кто может взять ответственность за близких и поставить свое плечо.

Трудно сказать, оправдал ли Макс материнские надежды. Ясно одно, на каком-то отрезке жизни он понял: любовь — не секс, а забота. Однако к этой истине Макс пришел позже. В те далекие времена, о которых идет речь, он скакал по поверхности жизни. И в семидесятые годы, и в восьмидесятые, и в девяностые.

Глава 3

В июне 1980 года Максимилиан Маушевский стал кандидатом филологических наук. То, что Макс будет преподавать, не вызывало сомнений. После защиты диссертации ему предложили ставку ассистента, и он согласился.

Решив основные вопросы, Макс переехал в Переделкино и погрузился в ничегонеделание. Он много гулял, читал, подолгу болтал с Дусей и матерью.

— Скажи, почему в жизни много трагедий? — как-то спросила Дуся.

Она сидела на ступеньке крыльца и, попыхивая папиросой, широко улыбалась.

— Не знаю.

Взяв палку, Дуся начертила на земле два круга — один в другом. Разбив внешнее кольцо на сектора, она приступила к рисованию. В одном из секторов появился дом, в другом — пароход, в третьем — балерина, в четвертом — книга... А в центре круга стоял вопрос.

Ткнув палкой в центр, Дуся сказала:

— Здесь расположен смысл человеческой жизни. У одного это — работа, у другого — женщина, у третьего — дети. Список можно продолжить. Наука, развлечения, наслаждения, известность... — словом, каждый выбирает свой смысл жизни.

Палка превратилась в указку, и ее конец побежал по внешнему кругу.

— В секторах спрятаны интересы. Не обращай внимания на рисунки, это — символы. Домик — семья, пароход — отдых, балерина — театр, книга — познание...

Бросив папиросу в консервную банку, Дуся продолжила:

— Представь себе женщину, смысл жизни которой — только дети. Прошло несколько лет, дети выросли, у них появилось желание построить свой дом, заработать, отдохнуть, создать семью. Мать отошла на второй план, и жизнь для нее потеряла смысл. Трагедия? Да. Женщина «полетела с катушек» и намертво встала среди дороги. Что делать, куда идти, кому нужна?

— «Полетела с катушек», — усмехнулся Макс. — Что-то новое. Раньше этого выражения не слышал.

— Здесь прямая ассоциация с машиной. Полетели катушки зажигания, и машину не завести. Стоит, как столб — ни тпру ни ну.

Дуся встала и, отломив с куста ветку, уселась на крыльцо.

— Все бы хорошо, — пробурчала она и стеганула себя по ногам. — Лето, птички поют... Но комары — сволочи — вконец зажрали.

Макс протянул папиросы.

— Создай дымовую завесу.

Прикурив, Дуся вернулась к разговору.

— Теперь допустим, есть женщина и мужчина, и между ними — любовь. Смысл жизни женщины — ее возлюбленный. Пока он рядом, все хорошо. А если уйдет, заведет любовницу или умрет?

— Катастрофа, — сказал Макс.

— Третий пример: смысл жизни — работа. Трудился человек, трудился, и вдруг его уволили. Что произошло, неважно — расформировали отдел, закрыли институт, проводили на пенсию... Что дальше? Человек не знает, что делать, чем заняться. В результате — уныние, пустота, возможный инфаркт или инсульт.

— Почему? Люди говорят: вот выйду на пенсию, тогда...

— Говорить можно все, а как до дела дойдет... Сам посуди, подобные люди всю жизнь только работали. Ничего другого делать не умеют. Больше того, по большому счету им не интересны ни семья, ни дети, ни книги, ни дача.

Тема была интересной. Дуся создавала образы, а дальше — думай. Максимилиан встал и прошелся перед крыльцом. Он перебирал варианты и тут же отвергал. Стоило поставить в центр тот или иной смысл жизни, как появлялась трагедия. Большая или маленькая, реальная или выдуманная, но, как ни крути, катастрофа.

Макс остановился и впился глазами в рисунок.

«Колесо жизни, — подумал он. — Вот это что».

Дуся молчала. Наконец Макс не выдержал.

— Знаешь ответ? — спросил он.

— Для себя знаю.

— И что бы ты поставила в центр?

— Себя, — усмехнулась Дуся. — Смысл моей жизни — Я.

— Это же — эгоизм в чистом виде.

— Мелко плаваешь, дорогой. Как же тогда «познай себя, и ты познаешь весь мир»?

Макс окончательно запутался. Несмотря на двадцать шесть лет, он рядом с Дусей чувствовал себя ребенком. Не тем, перед которым демонстрируют превосходство, — как, например, отец; а тем ребенком, которого учат.

«Дуся похожа на кошку, — подумал Макс. — Покажет, как надо вылизываться, как ловить мышей, а дальше — сам».

— Человеческие трагедии живут внутри нас, — продолжила Дуся. — Заметь, не снаружи, а в нашем внутреннем мире. И этот разговор — подсказка. Стоит понять, что смысл жизни — ты сам, как все встанет на свои места.

Дуся пошла в дом. Остановившись у порога, добавила:

— С человеком, поставившим в центр своего мира себя, хорошо всем: и его детям, и жене, и работодателю.

— Почему?

— Он — хозяин жизни, значит, берет ответственность за свои поступки. Редкий талант, между прочим.

- А мама... какой смысл жизни у нее?
- Ты, — ответила Дуся. — В этом — ее трагедия.

Глава 4

Профессор Маушевский умер в июле 1980 года, когда в Москве шла летняя Олимпиада. Двадцать пятого июля на даче в Перedelкино раздался звонок. К телефону подошла Дуся. Выслушав взволнованный монолог, она задала вопрос:

- Причина смерти?
- По всей вероятности, инфаркт.
- Будем через пару часов.

После этого короткого разговора время для Макса поделилось на две части — до и после звонка.

Впоследствии Макс не раз возвращался к тем дням. Он помнил свое состояние, помнил мысли о смерти, растерянность матери. Где-то на втором плане долгое время мелькали обрывки разговоров: обсуждение похорон, причина смерти, состояние Александра Владимировича в последние месяцы жизни, неприятности на кафедре, партийный выговор...

О смерти Александра Владимировича сообщила его любовница. Не та, что Макс видел в последнюю встречу с отцом, — другая. Как выяснилось, последняя любовница профессора Маушевского жила в его квартире последние полгода. Черноокая красавица училась в аспирантуре и попутно исполняла обязанности домработницы и временной жены. Девушка подолгу шепталась с Дусей и, судя по выражению лица, особенно не страдала. Она поведала, что Александр Владимирович умер во сне, что утром приехала «скорая», затем милиция; что местожительство жены и сына она не знала — поэтому полезла в ежедневник. Там увидела номер телефона и приписку: Людмила Ивановна и Максимилиан Маушевские. Девушка поняла, что это — родственники, вот и позвонила.

Макс слышал, как Дуся спросила:

- Александр Владимирович рассказывал о семье?
- Ничего определенного, — ответила аспирантка. — Говорил, что с женой — в разводе, сын — в Ленинграде. Это верно?
- Нет, — коротко ответила Дуся.

Судорожно сглотив, девушка продолжила:

— О том, что профессор Маушевский живет один, на кафедре никто не знал. Я не рассказывала, а Александр Владимирович... Ну, вы понимаете... О себе он говорил или хорошо, или никак.

— Да-да, знаю.

— Он — не мужчина моей мечты. Но жизнь есть жизнь. Научный руководитель..., попробуй отказать.

— Эти подробности излишни.

Опуститься до обсуждения нравственности Александра Владимировича Дуся не могла: и воспитание не позволяло, и собеседница не по ранжиру.

Похороны состоялись двадцать восьмого июля. Если бы профессор Маушевский знал, что за его гробом будут идти всего четыре человека, он бы пришел в ярость. Но знать этого Александр Владимирович не мог. И тех, кто стоял в траурном зале крематория, профессор Маушевский не видел. А если бы видел, многое бы понял. Его не провожали ни друзья, ни коллеги, ни партийные боссы. Была, правда, объективная причина: конец июля — время отпусков.

В эти дни Макс находился рядом с матерью. Людмила Ивановна переживала без слез. Первое время она молчала, затем рассматривала фотографии и перебирала документы, наконец заговорила. Людмила Ивановна вспоминала мужа с хорошей стороны. Она приводила примеры, где Александр Владимирович проявлял ум, отзывчивость и благородство. Дуся слушала, не перебивая. Время от времени она кивала и подолгу смотрела на подругу. О чем думала Дуся, Макс не знал. Но то, что жалела мать, у него не вызывало сомнений.

Макс в эти дни размышлял о смерти. Впервые за свою жизнь.

«Как это так? — думал он. — Был человек, и его нет. Говорил, наслаждался, думал, интриговал, заблуждался, строил планы, выяснял отношения... и все — жирная точка. Говорят, бессмертие — в памяти. Так и есть. Где же еще?»

Перебирая фотографии отца, Максимилиан задавал себе множество вопросов. Знал ли он отца? Понимал ли? Почему восторгался в детстве и презирал в юности? Кто изменился — он или отец? А может, изменился угол зрения?

Максимилиан вспоминал совместные разговоры, прогулки, отцовские глаза. Серые, холодные, похожие на зимние озера.

«Говорят, глаза — зеркало души. Какая душа у отца? И что я знаю о ней?»

Наткнувшись на фотографию Александра Владимировича в полный рост, Макс увидел отца как живого. Невысокий, полный, с аккуратной бородкой, холеными руками, простоватым носом...

«Несмотря на недостатки внешности, отец всегда выглядел франтом. Все потому, что понимал: одежда придает респектабельность. И в своих глазах, и в чужих. Дома носил фланелевые брюки и пиджак с атласным воротником. На работу ходил в костюме и светлой рубашке с галстуком. К одежде отец покупал кучу аксессуаров. Кожанный портфель, например, ручку с золотым пером, причудливую закладку... А работа над голосом, походкой, манерами — это отдельная песня. Приятный тембр, витиеватая речь, веер морщинок у глаз. Порой не поймешь, смеялся ли отец или демонстрировал расположение».

Закрыв альбом, Макс улегся на диван, и мысли потекли в другом направлении.

«Кто будет вспоминать отца — студенты? Те, перед которыми профессор Маушевский блистал эрудицией, ради которых надевал дорогой костюм, холил лицо и руки. Вряд ли. Освободившееся место займет другой преподаватель, и лекции пойдут своим чередом. Может, отца вспомнят коллеги? Или соратники по партии? Нет, конечно. А я и мама будем вспоминать всегда. Причина одна — ушел родной человек».

Макс заплакал. Он плакал тяжело, по-мужски — с редкими всхлипами. Соприкоснувшись со смертью, Макс понял, его претензии к отцу глупы и неуместны. Что мог, тот ему дал. А любовь, душевное тепло... — они из арсенала мамы. Их не купишь, как хороший пиджак. И не воспитаешь. Они или есть, или нет.

Вытерев слезы, Макс встал. Он спустился на кухню, заварил чай и вышел из дома. На дорожке увидел стайку воробьев. Они купались в пыли, чистили клювы, громко чирикали. И косились на Макса. Воробьи не задавали вопроса, почему он шмыгает носом, их волновало другое — сделает ли он шаг по направлению к ним или нет. С точки зрения воробьев, подобный шаг — вторжение в их личное пространство. Этого они допустить не могли.

Испуганные взгляды воробьев, их суета отвлекли Макса от мыслей о смерти. Он уселся на крыльцо и задумался. Вспомнились звезды над головой, неспешный разговор с Дусей.

«Каков смысл жизни, таков и результат. И этот смысл — не константа. В детстве центром моего мира был отец. Все, что он говорил, звучало как истина. Если отец де-

лал замечание или не разговаривал, для меня наступала трагедия. Затем произошла переустановка. Ссора с отцом, вслед за ней — учеба как новый смысл жизни. С учебой у меня проблем не было — кроме мехмата, конечно. Но мехмат — не мой путь, он навязан извне. А каков смысл жизни сейчас?»

На этот вопрос Макс не ответил. Он встал и сделал пару шагов. Воробьи вспорхнули и возмущенно зачирикали. Дескать, так мы и знали. Чего этому человеку надо?

Макс подобрал палку и нарисовал два круга — один в одном. Сектора получили свои названия: «мама», «работа», «наука», «Дуся», «книги», «отдых». Сектор «мама» был самым большим. Макс покрутил палкой над центром, но так ничего не написал. Он не знал, что написать.

Второго августа на даче в Переделкино устроили поминки. На девять дней Людмила Ивановна приготовила ужин, Макс купил водку, Дуся испекла пирог. Подняв рюмку, Дуся сказала:

— Помянем Александра Владимировича. Земля ему пухом.

Губы Людмилы Ивановны дрогнули, и по щеке поползла слеза.

— Мам? — встревожился Макс.

— Ничего-ничего, я справлюсь.

Выпили, закусили, и Дуся взяла гитару.

— Сегодня девять дней со смерти Владимира Высоцкого, — сказала она. — Он и Александр Владимирович умерли в один день. И оба на рассвете.

Новость была настолько неожиданной, что Макс опрокинул рюмку. Людмила Ивановна закрыла ладошкой рот.

«Как Лиза, — подумал Макс. — Она тоже прикрывалась ладошкой».

— Не знала, — прошептала Людмила Ивановна.

— И я тоже, — сказал Макс.

— Подробности потом. Сейчас песня в память о Высоцком.

Взглянув на подругу, Дуся спросила:

— Не возражаешь?

— Конечно, нет.

«Балладу о борьбе» Дуся исполнила с таким чувством, что у Макса защемило в глазах. Он закурил и подошел к окну.

Ложь и зло — погляди,

Как их лица грубы.

И всегда позади —

Воронье и гробы...

Глава 5

В первый год работы на кафедре Макс вел семинары и замещал куратора, попавшего в больницу. К своим кураторским обязанностям Макс относился добросовестно. Помимо контроля он устраивал для студентов культурные мероприятия — чаще всего автобусные экскурсии по Москве. В одной из таких поездок Максимилиан встретил университетскую знакомую.

В тот непогожий ноябрьский день ветер разбушевался не на шутку. Решив продемонстрировать силу и мощь, он двигал тучи, пригибал деревья к земле, нес по дорогам последние листья. Автобус со студентами остановился у Главного корпуса МГУ, и экскурсовод предложил прогуляться к памятнику Ломоносова.

— Оттуда мы рассмотрим высочайшее здание Европы, увидим часы, барометр, скульптурное оформление фасада, — сказал экскурсовод и, застегнувшись на все пуговицы, выскочил из автобуса.

Студенты поднялись с насиженных мест и неохотно потянулись вслед. Макс шел последним. Поглядывая по сторонам, он предавался ностальгии. Для него это были родные места. Университетский сквер, памятник, дорожки, посыпанные красным кирпичом. Сбоку — физфак и химфак, за спиной — Главный корпус. Смотрит свысока и думает: «Осень всегда кончается неожиданно. А у студентов ничего не приготовлено. Что за беспечность? Хотя чему удивляться — молодость всегда беспечна».

У памятника стояли иностранцы. Они ежились от холода и обменивались короткими репликами. Макс прислушался.

«Похоже, поляки», — подумал он.

От группы отошла девушка и, приветливо улыбнувшись, направилась к Максиму. Девушка была удивительно хороша. Высокая, статная, чернобровая, она походила на царицу Тамару из поэмы Шота Руставели.

И краса ее сияла,
Безмятежна и невинна.
Словно звезды в ясном небе...

— Здравствуй, Максимилиан.

Девушка протянула руку, и Макс узнал Карину.

— Какая встреча! — воскликнул он.

Студенты с интересом поглядывали на красивую пару. Стройные, модно одетые, они казались образцом молодежного стиля. Карина достала блокнот и, записав номер своего телефона, протянула Максимилиану.

— Если будет желание, звони.

Макс был очарован. Мистика. Главный корпус, университетский сквер, встреча с юностью. Макс продиктовал свой номер телефона, и девушка побежала к автобусу. Остановившись на полпути, она крикнула:

— Теперь не потеряемся.

Ветер играл ее темными волосами, и они извивались, как сотня змей.

«Фея, подхваченная ветром», — подумал Макс.

Карина позвонила первой. Она задала множество вопросов и предложила встретиться. Макс с радостью согласился. Ему казалось, новая встреча не случайна. Впервые он увидел Карину перед вступительными экзаменами — в столовой зоны Б. Макс помнил свое тогдашнее состояние. В его душе в тот день ничего не дрогнуло — красивая девушка, но таких много. Вторая встреча была у входа в Главный корпус. Прождав Лизу после первого экзамена, Макс пошел домой, как говорится, несолоно хлебавши. Встретив Карину, он почувствовал, как на ее красоту откликнулось тело — до боли в паху. Карина предложила погулять, однако он отказался. «До следующей встречи», — сказала Карина. И вот эта встреча состоялась. Спустя девять лет.

После телефонного разговора Макс долго не мог уснуть. Он вспоминал Лизу, мехмат, посиделки в общежитии. В той жизни Карины не было. Тем не менее Макс и Карина могли бы встретиться. Учась на кафедре зарубежной географии, Карина ездила в тех же лифтах, ходила в те же буфеты, раздевалась в том же гардеробе, что и Макс. Однако не пересеклись. Теперь судьба их свела. Но для чего?

Во сне Макс ворочался, вздыхал, трогал лицо. Казалось, он куда-то шел. Тишина, полутьма, шуршащий песок под ногами. И крестики, крестики, крестики... Макс вы-

тянул руки. Пальцы коснулись сетки, сплетенной из тонких нитей. Чтобы пройти, пришлось ее рвать. Затем сетка исчезла. Но нити... Их обрывки летали повсюду. Они садились на лицо, прилипали к одежде, ложились на песок. Наконец и нити пропали. Вместе с ними пропал и песок. Под ногами — трава, над головой — ясное небо, в сотне шагов — отвесная скала. Из-за горы выглянуло солнце, и небо окрасилось в оранжево-голубые тона. И тут появилась птица. Она приблизилась к Макс и зависла над головой. Короткий клюв, широкие крылья, похожие на бархат перья. Макс увидел птичьи глаза. Они походили на пришитые пуговицы.

— Пш! — крикнул Макс. — Пошла отсюда.

Крикнув что-то в ответ, птица поднялась и села на вершину скалы. Она опустила крылья и... превратилась в старуху. Серые волосы развевались на ветру, юбка трепыхалась, как флаг, глаза блестели на солнце.

— Каждый человек, встреченный на пути, что-то значит. Запомни это, — крикнула старуха.

Эхо подхватило слова старухи, и они понеслись по долине.

— Помни. Это-это-то...

Раздался пронзительный крик, и Макс проснулся. Первое, что он увидел перед собой, — вышивка матери. Небо, скала, птицы с глазами-бисеринками. Ровные крестики покрывали полотно и походили на сетку. Максимилиан поехал.

«Странный сон. И те же слова, что я услышал на платформе вокзала...»

Роман Макса и Карины развивался стремительно. Увидевшись после телефонного разговора, они отправились в кафе-мороженое, сходили в кино, потом встречались у Макса. К прогулкам ноябрь не располагал, а в Дусиной квартире было тепло и уютно.

Карина не торопила события. Она старалась произвести впечатление и, слушая Макса, во всем соглашалась. Иногда Карина оставалась на ночь. Девушка звонила родителям, и Макс слышал очередную историю. Дескать, переночую у подруги, поехала на дачу к знакомым, отправилась в Суздаль с делегацией венгров.

— Остановлюсь в гостинице, — щебетала Карина. — Да-да, завтра приеду.

Карина врала с большим мастерством. Без дрожи в голосе, с бытовыми подробностями. О себе Макс рассказывала немного — самое главное.

— По распределению попала в секретариат Совета экономической взаимопомощи. Обещают повышение, пока работаю с документами. Работа скучная, но у нее есть свои плюсы, — улыбалась Карина. — Иногда сопровождаю делегации из братских соцстран.

Макс узнал, что отец Карины работает в НИИ инженером, мать — врач-стоматолог, сестра учится в школе. Квартира, где живет Карина, в центре, но небольшая. Сестры занимают одну комнату, мать и отец — другую. В конце четвертого курса Карина вступила в партию, так что, в отличие от Макса, была партийной.

— Сначала я работала в комитете комсомола, — говорила Карина. — Затем мне предложили вступить в КПСС. Сам понимаешь, в таком вопросе не откажешь.

— Да-да.

— Давно поняла, или плывешь по течению, или против.

Макс прижимал Карину и шептал:

— Ты — умница.

Карина вздыхала.

— У женщины — подчиненное положение. Хочется защиты, а ее трудно найти.

Рядом с Кариной Макс чувствовал себя сильным и уверенным в себе. Его слушают, с ним советуются, от него ждут защиты.

«Почему бы не жениться? — думал Макс. — Мне двадцать шесть лет, пора заводить семью. К тому же Карина умна, красива, женственна. Переедем в квартиру на Ломоносовском и будем жить в любви и согласии».

Неожиданно для себя Макс понял: он хочет семью и детей, хочет, чтобы рядом жила молодая, добрая, чуткая женщина. Словом, в одной точке сошлись желания, представления и иллюзии. В жизни Макса появился смысл, и имя ему — «семья». Новый смысл заполнил пустоту, и после Нового года Макс сделал Карине предложение. Та ответила согласием.

В период зимних студенческих каникул Макс и Карина поженились. Свадьбу справляли в ресторане гостиницы «Советская». Со стороны жениха присутствовали Людмила Ивановна, Дуся и пара коллег с кафедры; со стороны невесты — квартет подруг, мать, отец, сестра и около десятка ближайших родственников. На следующий день Макс и Карина уехали в дом отдыха «Тучково». Путевку подарила Дуся, и, приехав в пансионат, молодожены оказались в номере-люксе. Макс взял с собой гитару и по вечерам пел жене любимые песни.

...Песнею теплою стужу развею я,
Чтобы оттаяли искорки глаз.
И расскажу тебе, если сумею я,
Как я люблю тебя, тысячу раз.

Вернувшись из дома отдыха, молодожены переехали в квартиру Маушевских, и начались зимние будни. Карина оказалась избалованной особой. Она приходила с работы, ложилась на диван и начинала жаловаться.

— Погода — ужасная. Пока шла до дома, промерзла. В магазине — толпы людей. Если бы встала в очередь, увязла бы.

— Обойдемся, — отвечал Макс. — Я по дороге купил яиц. Можно сделать омлет.

— Максик, милый, сделай, а? Я полежу. Такая слабость... Не знаю, что со мной — то ли подхватила инфекцию, то ли зимний авитаминоз.

— Лежи-лежи.

Макс шел на кухню.

«Погода действительно дрянь, — готовя омлет, думал он. — Сырость, ветер...»

За ужином продолжалась старая песня.

— Секретариат — гиблое место, — говорила Карина. — Бумаги, звонки, беготня...

Надо оттуда валить.

— Куда?

— В структуре СЭВ — масса вариантов. Было бы кому подтолкнуть.

Карина оживала и начинала перечислять:

— Можно устроиться в Интерспутник... Поговори с Дусей. Сам говорил, у нее связи. Одному скажет, другому...

Максимилиан вздыхал. Он вспоминал отца — тот бы сразу нашел выход.

— Поговорю.

Макс мыл посуду и думал:

«Конечно, секретариат — не место для Карины. У нее — хорошее образование, здоровые амбиции...»

— Лучше, конечно, в МИБ, — глядя на спину мужа, говорила Карина.

— Куда-куда?

— В Международный инвестиционный банк.

— Но у тебя нет соответствующего образования.

— Не смейся. В подобных структурах работают не только банкиры.

Выпив чай, Карина удалялась в комнату Людмилы Ивановны. Теперь здесь находилась спальня молодых. Ее украшением была огромная кровать — подарок Карининых родителей. Рядом стояло трюмо. На нем — флаконы с духами, баночки с кремом, стеклянные статуэтки.

В марте Карина забеременела, и для Макса настали тяжелые времена. Он крутился, как мог. Через Дусю доставал дефицитные продукты, готовил, стирал, убирал.

— Хочу лимон, огурец, селедку... — то и дело просила Карина. — Подай, вымой, пойдем погуляем...

Иногда Макс не выдерживал. Под тем или иным предлогом он уезжал в Переделкино, и в квартиру Маушевских приезжала теща.

Александра Васильевна — мать Карины — была женщиной хмурой и неприветливой. Она была стоматологом, и порой Максусу казалось, что, наглядевшись во рты пациентов, теща составила определенное представление о мире: и в нем преобладали гниль, нервы и дыры. По этой причине ни Дуся, ни Людмила Ивановна с Александрой Васильевной не общались — впрочем, как и с Виктором Степановичем — отцом Карины. Тот соответствовал жене.

— Ему бы в прокуратуру пойти, — говорила Дуся. — Большой любитель выносить приговоры.

Людмила Ивановна не отвечала, она не любила осуждать людей. Однако от родителей Карины держалась подальше.

Надо сказать, в семейную жизнь Макса Людмила Ивановна и Дуся не лезли. Спросят, нужно ли чем помочь, и переключают разговор. Макса это устраивало и, приезжая в Переделкино, он отдыхал телом и душой.

Однажды, засидевшись до трех ночи, Макс услышал от Дуси:

— Трудности делают нас сильнее.

— Выходит, самые сильные — те, кто в трудностях по самые уши, — усмехнулся Макс.

— Копай глубже, — сказала Дуся.

— Не получается, — честно признался Макс.

— Сильных людей трудности делают сильнее, слабых разрушают. По-моему, нормальный естественный отбор.

Взглянув на небо, Дуся добавила:

— И вообще... всему свой черед, а трудности не навеки.

— Помнишь сказку? Отправился герой в путь, а по дороге встретил и волка, и Бабу Ягу, и Змея Горыныча.

— Верно, — улыбнулась Дуся. — Весь фокус в том, как он себя поведет. Если испугается — один результат; если нет — другой.

После рождения дочери Карину будто подменили. Казалось, она разучилась нормально общаться. В речи преобладали приказы и повелительное наклонение. Какая там царица Тамара? Теперь рядом с Максом жила старуха из сказки «О золотой рыбке». Конечно, Карина была молода, но эти нотки, этот взгляд...

Вечно поджатые губы лишили ее привлекательности, и Максусу казалось, что жена вот-вот скажет: «Дурачина ты, простофиля...» Однако она сдерживала себя и меру давления на мужа соблюдала.

Макс старался. Он стирал пеленки, гладил подгузники, бегал на молочную кухню, варил каши, пылесосил, стоял в очередях, вставал по первому крику дочери, укачивал ее на руках. Вика просыпалась каждый час. В результате Макс так вымотался, что еле стоял на ногах. Чтобы заработать, он брал переводы и корпел над ними в поте

лица. Карина ничего не замечала. Она требовала денег, сетовала на то, что муж не может обеспечить семью, плакала, утверждала, что попала в рабство.

Чтобы порадовать жену, Макс обратился к Дусе. Он попросил устроить Карину в МИБ. Чего Дусе стоили подобные хлопоты, никто не знает, однако результат был налицо. Карина получила приглашение и, оставив ребенка на мать, вышла на работу. Взяв отпуск за свой счет, Александра Васильевна нянчилась три недели, затем отдала Вику отцу. Тот отвез дочь в Переделкино и взялся за оформление ребенка в ясли. Дуся и Людмила Ивановна сидели с Викторией по очереди. Они прижимали девочку к груди, что-то шептали ей на ушко, и Вика спокойно засыпала. Макс только диву давался.

- Как вам удастся ее уложить? — спросил он мать.
- Ребенку необходимы тепло и защита.
- Я тоже прижимаю Вику к груди, но она продолжает орать.
- Нужно прижимать с любовью.

В одиннадцать месяцев Вика пошла в ясли. Макс будил дочь, одевал, отвозил, забирал, кормил, укладывал спать. И так изо дня в день. Карина тем временем строила карьеру. С ее точки зрения, все шло по плану — муж под каблуком, Вика пристроена, зарплата перечисляется на сберкнижку. Поди, плохо?! Интересная работа, поездки в соцстраны, внимание мужчин. Карина расцвела и, зная о своей красоте, осторожно поглядывала по сторонам. Она искала мужу замену.

Как только появился достойный человек, Карина перешла в наступление. Она обрушилась на мужа, как тропический ураган. На Макса посыпались попреки, оскорбления, угрозы.

— Какой ты мужик? Ни жену приласкать, ни шубу купить. Зарплата — сто пятьдесят рублей, в тридцать лет — старший преподаватель. Ни здоровых амбиций, ни предприимчивости. Тебе бы только книжки читать... Интересно, ты меня замечаешь? Другие в ногах валяются, замуж зовут... Надеюсь, они — не импотенты.

Услышав последнее слово, Макса прорвало. Долгое время он копил напряжение, рокотал, булькал, а тут раз, и взорвался.

— Да как ты смеешь! Я — импотент?! На себя посмотри. Какой я дурак! Варил, убирал, сидел с ребенком... А жена искала мужиков... Шубы ей, видите ли, не хватает... Может, и любовника завела?!

- Завела.
- Шлюха!!!

И понеслось. За два месяца Макс и Карина высказали друг другу все, что лежало на сердце — и даже больше. Вика плакала и жалась к матери.

«Вот как бывает, — думал Макс. — Четыре года ходила хвостом, а стоило повысить голос, перебежала к матери».

Любовь к жене у Макса исчезла давно. Да и была ли она? Однако дочь Макс любил. Он помнил радость после рождения девочки, трепет от мысли: мое творение, мое чудо. Помнил чмокание, запах детских волос, первое слово «папа». И вот дожил...

Макс боролся за любовь к дочери, однако она уходила в песок. Вместо лесного озера появилось болото, затем болотные кочки, а дальше... все заросло лесом. У мужчин так бывает. Был шарик и лопнул. Увы.

Вику винить было трудно. Девочку тянуло к матери. Карина улыбалась, прижимала дочку к себе, целовала, покупала игрушки... А отец был растерян, к тому же пьян. Не всегда, конечно, но очень часто. С седыми висками, плохо выбритый, с потухшим взглядом, Макс глядел Вике в глаза, и девочке становилось страшно.

«Все-таки лучше с мамой, — думала она. — Или с бабушкой Сашей».

Карина подключила знакомых, устроила дочь на пятидневку, и пика конфликта отца и матери Вика не увидела. И слава богу! В выходные дни девочка оставалась у бабушки Саши, в понедельник ее отвозили в детский сад.

Макс опускался на дно. Он пребывал в пьяном дурмане и рвал себе душу.

«Надо было так влипнуть. Встретил змею. У нее все исподтишка, с улыбкой на губах... Холит себя, поливает духами, а сама — в грязной коросте. Сколько в ней грязи. Невидимой, потаенной...»

Ощущение, что в доме полно грязи, не давало Максиму покоя. Ему казалось, грязь лежит в кухне, прихожей, комнатах, на одежде, подоконнике, мебели... Микробы, бактерии, клещи... Того и гляди, вопьются в кожу. Единственное место, где не было грязи, — кресло матери. На нем Карина не сидела. Перетащив кресло в свою комнату, Макс поставил его у окна и большую часть времени проводил в нем. Он смотрел на зимнее небо, и его мысли походили на битум — вязкие, черные, аморфные.

«Серые облака... Плывут... Меняются... Сливаются друг с другом... Зачем?»

Оторвавшись от окна, Макс менялся в лице. Ему чудилась, что кругом копошатся невидимые существа: на ручках дверей, оконных стеклах, тарелках, кастрюлях, даже в детской кроватке. Мерзость какая. Макс хватался за тряпку и начинал уборку. Он протирал пыль, мыл полы, дезинфицировал посуду. Потом отправлялся в ванную и тер руки мочалкой. До красноты, до истончения кожи, до первых трещин.

В Переделкине наступили тревожные дни. Макс не звонил, на работе его не было, домашний телефон не отвечал. Взяв запасные ключи, Дуся и Людмила Ивановна отправились в Москву. Войдя в квартиру, они насторожились. В коридоре лежали листы белой бумаги, в ванной лилась вода.

— Войти или нет? — спросила Дуся. — Вдруг...

Людмила Ивановна вздрогнула и резким движением руки открыла ванную комнату. Макс стоял у умывальника и тер руки.

— Дорогой, что случилось? — спросила Людмила Ивановна.

Макс не ответил. Он намылил мочалку и продолжил свое занятие.

— Зачем разложил белые листы?

— Кругом грязь.

Макс повернулся к матери, и та увидела его глаза. В них затаилась ночь. Ни одной звездочки, ни единого луча света — сплошная тьма. Но и тьма имеет оттенки. Та, что поселилась в душе Максима, была не агрессивна — скорее, растерянна и печальна.

Обняв сына, Людмила Ивановна сказала:

— Едем в Переделкино. Там у нас чисто.

— Да-да. Ты права.

В Переделкине Макс быстро пришел в себя. Оно и понятно. С этим местом у Максима были связаны самые светлые воспоминания, так что грязи там быть не могло. Макс успокоился и спустя некоторое время забыл о фобии. Однако оставались прогулы на работе. Макс не был в институте три недели. Мало того, не сообщил причину своего отсутствия.

Решение этого вопроса взяла на себя Дуся. Приехав в институт, она положила на стол заведующей кафедрой заявление Максима с просьбой уволить его по собственному желанию. К заявлению прилагалась справка о тяжелой форме вегетососудистой дистонии. Заведующая кафедрой покачала головой. Дескать, молодой, перспективный преподаватель, надо же, проблемы со здоровьем. Немного подумав, она предложи-

ла другой вариант: на основании справки взять долгосрочный отпуск за свой счет. Вопрос был улажен, и мало-помалу Макс успокоился.

Карина звонила в Переделкино чуть ли не каждый день, но неизменно попадала на Дусю.

— Я требую развода и размена квартиры, — кричала она.

Большую часть времени Макс проводил в гостиной, поэтому слышал и голос жены, летящий из телефонной трубки, и Дусины ответы.

— Скажите, милочка, — мурлыкала Дуся. — Какие женщины склонны к измене — брюнетки или блондинки?

— Что за вопрос?

— Ничего личного. Просто интересуюсь.

— Вы — такая же сумасшедшая, как Макс.

— Сильное утверждение. Но я — не в претензии. Знаете почему? Каждый видит мир по-своему.

Вздыхнув, Дуся добавляла:

— Я, милочка, не сумасшедшая; я — комсомолка с веслом. Вы можете меня пошупать в метро.

— Что-о-о?

— Да-да, мимо меня трудно пройти, — продолжала Дуся. — Я — в медных трусах.

Трубка хрипела и переходила в режим коротких гудков.

В другой раз, выслушав Карину, Дуся спросила:

— Вы читали сказку «Царевна-лягушка»?

Максу послышалось, что трубка ответила «...твою мать!».

Дуся и ухом не повела.

— Эту сказку любила Раневская. Слышали о ней? Верно, актриса. Перечитав как-то раз, она сказала: «Когда мужчина женится на лягушке, а вместо нее получает царевну, это сказка; когда наоборот — это быль». Забавно. Вы не находите?

Ответ был таков, что трубка раскалилась. Дуся внимательно выслушала и сказала:

— В силу разных причин я не могу ответить подобным образом, но признаюсь, хотелось бы. Всего доброго, дорогая.

Бомбардировка звонками продолжалась. Наконец Карина попала на Людмилу Ивановну. Та выслушала невестку и сказала:

— Макс сейчас нездоров, однако решение принял. Чуть позже он приедет в Москву, и вы разведетесь. Что касается размена квартиры, ищите вариант.

Дуся влетела в гостиную и, услышав последнюю фразу, покрылась красными пятнами.

— Ты в своем уме? — спросила она. — Карина найдет такой размен, что...

— Ничего страшного, — перебила Людмила Ивановна. — Все, что она оставит себе, впоследствии пойдет Вике.

— Ты — блаженная, — только и сказала Дуся.

Макс оторвался от книги и заметил:

— Мама права. За глупость надо платить.

— Но не такую же цену!?

Через два месяца Макс развелся и вскоре переехал в Беляево — один из спальных районов Москвы. В результате размена он получил однушку, а Карина с дочерью — двухкомнатную квартиру на Ленинском проспекте. Районы, конечно, неравнозначные,

но, по меткому выражению Людмилы Ивановны, лучше потерять квартиру и деньги, чем время и энергию.

Глава 6

Повинуясь ветрам жизни, летели годы, вместе с ними летели события. Они походили на осенние листья. Желтели, краснели, падали и замирали в ожидании перемен. Ветер шевелил увядшие листья, поднимал их над землей и закручивал в разноцветные вихри. А дальше наступала зима. Белый саван опускался на землю, и все, что представляло значимость, погружалось в сон.

«Движение и есть жизнь, — размышлял Макс. — Одно меняет другое, и так всегда».

Макс сознавал, осень неизбежна. Человек словно лист. Стоит потерять связь с деревом, как он попадает под влияние ветра. Тот подхватит и понесет. Может, в небеса, может, смешает с грязью.

Подобные мысли приходили чаще и чаще. Они напоминали карканье вороны. Чтобы отвлечься, Макс брал гитару и пел.

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.

— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.

Я уже слышал, и слух этот мною проверен,

Будто бы в роще сегодня звенела свирель.

Свирель в душе Макса не звенела, однако песня будила оптимизм. Макс пел о том, что надо «шить сарафаны и легкие платья из ситца», что кабала вьюги недолговечна, что весна возможна и в зрелом возрасте.

Месяц — серебряный шар со свечою внутри,

И карнавальные маски — по кругу, по кругу.

Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,

И... раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Макс хорошо представлял эту картину. Новогодняя елка, свечи, фужеры с шампанским, вальсирующие пары. Среди них — он и таинственная незнакомка. На лицах — карнавальные маски, в глазах отражаются елочные огоньки. Никто не спешит открывать лицо. Всему свое время. Пусть будет тайна, пусть пламя свечей отбрасывает причудливые тени, а пузырьки шампанского, сверкая в новогодней иллюминации, поднимаются вверх и лопаются, не оставляя следа. Если всего этого Макс не заслужил, пусть будет только незнакомка. Пусть, пусть, пусть!!!

Что удивительно, судьба услышала Макса. Но гораздо позже. Правильно говорят: сначала пострадай, разгреби завалы в душе, потом получай подарок.

Пытаясь осознать прошедшие годы, Макс философствовал. Он исходил из того, что мир человека — одновременно и целое, и часть. Будучи уникальным существом, человек входит в общую матрицу и является частью человечества. Значит, несет ответственность не только за себя, но и за целое. Допустим, в силу каких-то причин большинство людей стали добрее. Результат налицо — вектор добра пойдет в рост.

«А если добрее стану один только я? — спрашивал себя Макс. — Что тогда? Ответ очевиден, вектор все равно вырастет. Выходит, каждый влияет на целое».

Открытие Макса ошеломило. Хотя что за открытие? Издавна известно: хочешь изменить мир, начни с себя. Серьезные мысли. Просто так они не приходят.

В восьмидесятые и девяностые годы страну лихорадило. В 1982 году умер Брежнев, и СССР возглавил Андропов. Бывший руководитель КГБ развернул кампанию по борьбе с коррупцией и укреплению дисциплины на рабочих местах. На улицах, в магазинах и поликлиниках появились люди в штатском, требовавшие отчета: где работаете, почему днем не на рабочем месте? Объяснять, что ты — представитель творческой интеллигенции, что твой рабочий день не нормирован, было бесполезно, поэтому приходилось идти на компромисс. Он заключался в том, что Макс или сидел дома, или подолгу засиживался в институте.

Середина восьмидесятых были передышкой. После смерти Андропова у руля государства встал Черненко. Что это за руководитель, никто не понял — через год Черненко умер, и у кормила власти встал Горбачев. И понеслось. Ускорение, гласность, перестройка, вслед за ними — падение цен на нефть. Советская экономика дрогнула и поплыла не к другому берегу. Однако Горбачев не унывал. Он говорил красивые слова и обещал, обещал, обещал. Сначала народ слушал — больно хорошо Горбачев говорил. Потом что-то сломалось. Такое бывает. И в государстве, и в семье. Сначала любовь, затем ссоры, взаимные претензии..., а там и до ненависти недалеко.

Однако у всего есть два конца. Так что и горбачевская перестройка имела плюс — началось всеобщее оживление. В конце восьмидесятых народ проснулся, принялся и начал действовать. Кто во что горазд. Одни принялись читать ранее запрещенные романы, другие намертво уселись у телевизора, третьи пошли торговать, четвертые схватились за словари. Дескать, граница открыта — можно свалить за рубеж, посмотреть мир, получить образование в Европе.

«Главное — начать», — говорил Горбачев.

«И углубить», — добавлял народ.

И углубили. Все разом.

Дусе Горбачев не нравился.

— Что за мужик? — возмущалась она. — Не пьет, не курит, много говорит...

— Ничего плохого, — отвечала Людмила Ивановна. — Время такое — хочешь не хочешь, а надо объяснять.

В отличие от Дуси, Людмила Ивановна к Горбачеву питала симпатию.

— Относительно молодой, интеллигентный, — говорила она. — Ввел свободу слова, начал антиалкогольную кампанию.

— Глупости, — заявляла Дуся. — Чисто популистские меры.

Людмила Ивановна не спорила, она всегда старалась держаться в тени.

— Как думаешь — Горбачев прав? — спрашивала Людмила Ивановна у сына.

Макс пожимал плечами. Прав Горбачев или нет, ему наплевать. Он не интересовался политикой.

— Все-таки Горбачев — молодец, — продолжала Людмила Ивановна. — В перестройку вышли «Дети Арбата», «Белые одежды», «Исчезновение»...

— Здесь не поспоришь, — неохотно соглашалась Дуся.

Она включала телевизор и надевала очки. Начинались телепередачи, которые смотрела вся страна: «Взгляд», «До и после полуночи», «600 секунд»...

— А реабилитация творческой интеллигенции — разве не достижение? — усаживаясь у телевизора, добавляла Людмила Ивановна. — Набокова, например, Гумилева...

— Мила, уймись, — шикала Дуся. — Дай послушать.

События следовали одно за другим, и, забыв об аполитичности, Максимилиан стал следить за новостями. Всеобщее оживление коснулось и его. Макс углубился в науку и решил приступить к докторской диссертации.

— Что за тему ты выбрал? — узнав о намерениях сына, спросила Людмила Ивановна.

— «Теоретические проблемы социальной лингвистики», — ответил Макс.

— Отлично, — улыбнулась Дуся. — Если есть интерес, значит, появился вкус к жизни.

Дуся была права. Спустя год после развода Макс начал слышать звуки природы, ощущать дуновение ветра, наслаждаться рассветом, радоваться, петь, улыбаться а в один из весенних дней вернулся к дневнику.

«Теперь никто не подсмострит, — думал Макс. — Отец умер, жена перебралась в другую квартиру».

Матери Макс доверял и, зная ее порядочность, не допускал мысли, что Людмила Ивановна прочтет его дневник.

«Вот я — совсем другой. В свое время не удержался — сунул нос в материнскую тетрадь».

Максимилиан вздохнул — что говорить, собственные недостатки не вызывают радости — и, открыв тетрадь в черном коленкоре, в очередной раз прочел стихотворение матери. Заключительное четверостишие пробудило память, и Макс увидел Лизу. Она стояла на берегу Волги, ветер играл ее волосами, пел песни, трепал подол разноцветного сарафана. Почувствовав взгляд, Лиза обернулась. Рыжие веснушки вспыхнули, и на щеках засияли десятки микроскопических солнц. Они улыбались, подмигивали, дарили свет. Лиза что-то прошептала, и, подойдя ближе, Макс услышал:

Я — далекая хворь,
Не уйду из тебя, не пройду я...

Глава 7

Макс опять захандрил. Страну лихорадило, на кафедре шла подковерная борьба, тема диссертации не вызвала прежнего интереса. Макс видел общую растерянность, казалось, на всех и вся опустилась вселенская печаль. Люди устали от потока слов, дефицита, очередей; устали от борьбы за выживание. Катастрофы сыпались одна за другой. Начало положила авария на Чернобыльской АЭС. О ней объявили двадцать восьмого апреля 1986 года.

Зеленая дымка окутала леса, теплый ветерок целовал первоцветы. Макс сидел на крыльце и слушал щебетанье птиц.

— Доигрались, — крикнула Дуся.

— Что случилось? — с тревогой спросила Людмила Ивановна.

— Взрыв энергоблока в Чернобыле.

Максимилиан вскочил и ринулся в гостиную. Передавали сообщение ТАСС:

«На Чернобыльской атомной электростанции произошел несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются меры с целью устранения последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь».

— Теперь будем хлебать по полной программе, — прошептала Дуся.

Мир охватил страх. Вместе с радиоактивными облаками летела смерть. Она щерилась в беззубой улыбке и собирала богатый урожай.

Правильно говорят: пришла беда — отворяй ворота. Спустя четыре месяца после чернобыльской аварии под Новороссийском затонул теплоход «Адмирал Нахимов», вместе с ним погибли четыреста человек. Через два года мощное землетрясение разрушило город Спитак, и смерть унесла двадцать пять тысяч человеческих жизней.

Народ охнул. Казалось, Всевышний устал от своей безусловной любви. Миллионы людей, жвав головы в плечи, упали на колени и возопили:

«Прости, Господи! По глупости набедокурили — не со зла. Спаси и сохрани!»

Замолчали жалобщики, в душе большинства затаился страх, личные проблемы отошли на второй план, введение талонов на продукты перестало казаться чем-то ужасным.

События бежали одно за другим, и просмотр новостей превратился в национальную привычку. Антиалкогольная кампания, резня армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, перепись населения, вывод советских войск из Афганистана, гибель подводной лодки «Комсомолец», грузино-абхазский конфликт, провозглашение суверенитетов прибалтийских республик, съезды народных депутатов...

Народ понял, на государство нечего пенять, и начал выживать самостоятельно. Реплика Лёлика из кинофильма «Бриллиантовая рука»: «Чтоб ты жил на одну зарплату!» — превратилась в зловещий посыл, и все, кому не лень, бросились искать подработку.

Дуся и Людмила Ивановна переводили, писали статьи, литературоведческие обзоры. Макс помогал, как мог. Через свои каналы Дуся доставала продукты, и синий «москвич» возвращался домой с заполненным багажником. Таким образом благодаря совместным усилиям денежные и продовольственные проблемы конца восьмидесятых практически не коснулись маленькой семьи, жившей на небольшой даче в писательском поселке.

Большую часть времени Макс проводил в Переделкине и ездил в Беляево только ради свиданий. У него появилась женщина, однако ни любви, ни интереса к ней не было. Женщина, и все. Стареющая, грустная, одинокая. Она преподавала в Институте иностранных языков и давно поняла: с Максом каши не сварить. Тем не менее она дарила ему ласки и пыталась ухватить толику счастья — пусть иллюзорного.

Расставшись с любовницей, Макс напевал:

Просто встретились два одиночества,
Развели у дороги костер,
А костру разгораться не хочется,
Вот и весь, вот и весь разговор.

Дуся таких песен не пела. В годы перестройки она была деловита и энергична. Время от времени Дуся исчезала на пару дней, а вернувшись, неизменно подмигивала Макс. Дескать, не взыщи — и на старуху бывает проруха. Макс отводил глаза. Как себя вести в подобных случаях, он не знал.

«Конечно, Дусю можно понять, — думал Макс. — Но в пятьдесят пять лет?! У мамы, например, и мыслей таких нет. Живет как монашка. Со всеми приветлива, доброжелательна, держит дистанцию».

Макс восхищался матерью. В его представлении, мать была идеалом женщины. Жаль, что вероятность встретить такой идеал ничтожно мала.

Людмила Ивановна, казалось, никогда не скучала. Она без труда находила занятия и не боялась одиночества.

— Мила самодостаточна, — как-то сказала Дуся. — Она из тех, кто отдает. И, как ни странно, богаче многих.

— Не понял, — ответил Макс.

— Что тут понимать? Чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Закон жизни.

— Глядя на бизнесменов, я бы так не сказал.

— Нашел на кого глядеть. Несчастные люди.

Макс рассмеялся.

— Ну, ты даешь.

— Сам посуди, смысл жизни — обладать чем угодно. Деньгами, домами, женщинами... Какой вывод?

— Не знаю.

— У них господствует психология дефицита. Разве не так? Те же, кто отдает, имеют психологию избытка. Они дарят любовь, тепло, покой... — словом, то, что за деньги не купишь. Твоя мать — из последней категории.

— А ты?

— Со мной сложней. Я нахожусь в промежутке.

Улыбнувшись, Дуся добавила:

— Знаешь почему? Потому, что во мне мало благодати.

Макс чувствовал интерес. К теме, Дусиному самоанализу, к связи поступков и жизненных установок. Все-таки не случайно его тянуло к психологии.

Дуся покопалась в сумке и достала потрепанную брошюру.

— Прочти. Думаю, тебе понравится.

Уединившись в комнате, Макс приступил к чтению. Мысли, разбросанные по книге, были любопытны. Они подстегнули воображение, и перед глазами Макса появилась необычная картина.

Пять белых коней неслись через леса, луга, реки, деревни... Вот кто-то крикнул им вслед, кто-то ругнулся, заплакал, запел. Кони косят глазом, хрипят и, закусив удила, несутся дальше. Их ноздри дрожат, на губах пена. Остановить бы коней, напоить. Не удастся. Коней будто бес толкает в бока. Все, что вокруг, мимо, мимо... Куда они несутся, зачем? Нет ответа. На облучке сидят два человека — старый и молодой. Старик дремлет, вожжи — в руках мальчишки. У него — озорное лицо и лукавые глаза. Мальчишка стоит, свищет, подгоняет коней. Колесницу трясет на ухабах, она подпрыгивает, наклоняется набок. В колеснице кто-то сидит. Мужчина или женщина, трудно понять. Тело утонуло в подушках, ноги закрыты попоной. Похоже, седок спит. Да так крепко, что ни быстрая езда, ни колдобины его не разбудят. Жив ли седок? Сонный вздох, трепет ресниц... Жив, слава богу. Но почему не глядит на дорогу? Почему правит мальчик? Вопросы есть, ответов нет. Мимо, мимо, мимо...

Картинка осталась в памяти, вслед за ней в дневнике появилась запись.

30 июля 1990 г.

Все чаще возникает желание погрузиться в свои потаенные мысли и изучать психологию. Появился общий образ человека. Картинка завораживает. Чувства человека — кони, ум — мальчишка, разум — возница, душа — седок.

Как у большинства людей, моя душа спала. Накрылась мехами, прислонилась к подушке и забыла обо всем. И разум спал. А ум выбирал дорогу. Куда хотел, туда и вез.

В моем представлении, ум — парень простой. То, что вызывает наслаждение, ему нравится. А чувства — в поиске, они — в состоянии голода. Такова их природа. Чувства ищут, а найдя, хватают и тянут в «рот», то бишь поставляют пищу уму. Но вот парадокс: чем больше они потребляют, тем быстрее возникает пресыщение.

Долго думал об этом. Наконец сделал вывод:

— Жить на платформе чувств — плохой вариант. Чувства насытятся НЕ могут.

— Жить на платформе ума тоже не стоит, ведь ум — мальчишка.

— Жить на платформе разума — достойный выбор. Разум подпитывают знания.

Разум в состоянии выбрать дорогу, обуздать чувства и ум.

— Жить на платформе души могут единицы. Это — вершина мироощущения.

Макс перечитал запись и остался доволен. Вернув книгу, он рассказал Дусе и матери о возникшем образе.

— Вот незадача, — усмехнулась Дуся. — По каким же колдобинам надо проехать, чтобы проснулась душа?

— Это к вопросу о чем — о дорогах? — спросил Макс.

— И о дорогах тоже. Не случайно в России больше говорят о душе, нежели о разуме и уме.

— Ум — мальчишка, — сказала Людмила Ивановна. — Интересный образ.

— Верно, что-то в нем есть, — согласилась Дуся. — Такой же самонадеянный, порывистый, нетерпеливый.

— И тем не менее правит миром, — заметил Макс.

Дуся не согласилась.

— Миром правит разум.

— В любом случае части единого, — сказала Людмила Ивановна.

— Капля высохнет без океана, — сказала Дуся. — Но, будучи его частью, наполнится силой.

Таких разговоров в начале девяностых вели немало. Коллективная идеология уходила в прошлое, робкий интерес к себе заполнял настоящее. Индивидуализм стал символом времени.

Спустя несколько дней после обсуждения Макс наткнулся на томик Островского. Книга валялась на диване, из нее торчала закладка. Открыв заложенную страницу, Макс увидел предисловие к пьесе «Женитьба Бальзамина». Несколько фраз были подчеркнуты красным карандашом.

«Герой пьесы, Мишенька Бальзамино, обладает удивительно романтическим характером. Он добр, мечтателен, по-детски наивен и воспринимается окружающими как дурачок. Мишенька и мир живут в разных ипостасях. В них нет ни созвучия, ни понимания друг друга...»

Макса прошибла испарина.

«Намек или шутка?»

В гостиную вошла Дуся. Взглянув на Макса, она села на диван и сказала:

— Каждый человек знает о себе ВСЕ. Однако добраться до этих знаний непросто. Один из приемов — наблюдение за своей реакцией. Скажи, тебя взволновал этот текст?

Макс кивнул.

— Так вот. То, что тебя волнует, — родное; то, что не вызывает эмоций, — чужое, не имеющее к тебе отношения. Это к вопросу о психологии, между прочим.

Глава 8

Двадцать шестого декабря 1991 года СССР распался. Вместо него появилось пятнадцать независимых государств, в том числе и Россия. По большому счету этого события ждали. Сначала был первый съезд народных депутатов РСФСР, где принята Декларация о государственном суверенитете России, затем августовский путч, чрезвычайное положение, ввод войск в Москву, приостановка деятельности КПСС... и, наконец, выступление Горбачева. Что говорить, мощный удар по коллективной психике.

Людмила Ивановна тяжело переживала эти события. Она следила за новостями, читала газеты, пыталась обсуждать действия Ельцина и Горбачева.

— Как же так? Словно два медведя в берлоге. Ни стыда, ни совести. Собственные амбиции важнее страны.

— Горбачев виноват, — вторила Дуся. — Хлопнул бы кулаком по столу, и страна не развалилась бы.

— Не так все просто.

В начале 1992 года цены пустились вскачь. Дуся не переставала возмущаться.

— По-моему, наше правительство чокнулось. Одномоментно и разом. Либерализация, говорят. Тьфу на эти реформы! Такое впечатление, что нас хотят раздеть и пустиль голыми по миру.

Дуся была права. Рост цен привел к обесцениванию вкладов. Народ терял деньги и беспомощно хлопал глазами. Как же так? Обокрали!!! И кто?

Благодаря Дусе Людмила Ивановна не потеряла свои сбережения. Она их вложила в кооператив. Дело было за год до либерализации.

— Стены надежней денег, — сказала Дуся.

Дуся пошла дальше: она поменяла машины и купила гараж. Новенькая «нива» и «Жигули» заменили два «москвича».

— Тебе бы бизнесом заниматься, — улыбалась Людмила Ивановна.

— Я — творческий человек, — отвечала Дуся. — Однако в обиду себя не дам. Рынок, что обещают, это — джунгли, а в них выживают сильнейшие.

— Или предприимчивые, — добавляла Людмила Ивановна. — Подобно тебе.

— Я, как репейник, жизнестойчивая, — смеялась Дуся.

До либерализации цен у Дуси и Людмилы Ивановны лежало на сберкнижках в общей сложности тридцать тысяч рублей. По словам Дуси, надо было превратить деньги в инвестиционные товары.

— Любишь ты красивые слова, — улыбнулся Макс.

Хитро сощурившись, Дуся ответила:

— Экономика — мое последнее увлечение.

— Пропали бы без тебя.

— Вы заслужили мою заботу, — ответила Дуся.

Макс отложил журнал и встал. Сердце сделало кульбит и застряло в районе гортани. Как говорят, ни вздохнуть, ни слова молвить. Он подошел к Дусе и прижал ее к груди. Дуся смутилась.

— Ты с Милой и отец — самое дорогое, что у меня есть, — сказала она. — И все трое — не от мира сего.

Сердце ухнуло вниз, и, глубоко вздохнув, Макс улыбнулся.

— Почему?

— Вы — особенные. Думаете не как все, ищите себя... Словом, блаженные в некотором роде.

— Разве Павел Степанович наивен?

— Вспомни поездки в Ленинград. Белые ночи, разговоры, мысли отца...

Макс задумался.

— Пожалуй, ты права, — сказал он. — Павел Степанович — романтик.

Макс ездил в Ленинград трижды — и каждый раз в конце мая. Экскурсии, музеи, прогулки и... отсутствие тьмы. Причудливая вязь чугунных решеток, каналы с зеленой водой, тишина белых ночей, Нева. Мощная, широкая, короткая. Голова — в озере, ноги — в Финском заливе.

— В Неве встречаются речные и морские воды, — говорил ему Павел Степанович. — Они несут запах лугов и соленые брызги одновременно.

«Река похожа на Дусю, — думал тогда Макс. — Такая же полноводная и непредсказуемая. А Павел Степанович напоминает Петродворец. Величественный, красивый, с причудливыми мыслями. Они как дворцовые фонтаны — в богатом обрамлении, с разной энергетикой».

Максимилиан встал и полез за дневником. Некоторые мысли писателя Шохова он записал, что называется, по горячим следам.

30.05.1992

Гуляли вдоль Невы. Мама с Дусей шли впереди, мы с Павлом Степановичем сзади. Адмиралтейскую набережную освещали белые ночи. Казалось, над Ленинградом встретились день и ночь. Встретились и растворились друг в друге.

Павел Степанович остановился. Он посмотрел на небо и сказал:

— Хочу написать роман о Свете и Тьме.

— Интересная тема, — ответил я.

— Неподъемная. Успею ли?

Не зная, что ответить, я промолчал.

— Скажи, что есть Свет? — спросил Павел Степанович.

— Ну и вопрос.

— Свет — то, что в нашем сердце, — не дождавшись ответа, сказал Павел Степанович. — Понимаешь, о чем речь?

Он приложил руку к груди и замер. Казалось, прислушивается к себе.

— Сердце — это любовь, а любовь — это жизнь.

Павел Степанович вздохнул и добавил:

— Чтобы понять эту истину, потребовалась целая жизнь.

— А что такое Тьма? — спросил я.

— Это — материя. Когда человек рождается, в нем нет Тьмы — один только Свет.

А потом все зависит от самого человека. Один собирает Тьму, другой ее гонит или не замечает. Вот тебе пример. Если будешь спускать воду с остатками пищи, трубы засорятся. Верно? Их покроет налет, и произойдет засор. То же с человеческой жизнью. Если притягивать грязь, Тьма растет. Она заполнит чувства и ум, и жизнь покажется такой грязной, как если бы ты смотрел на нее через покрытое копотью стекло. Сам посуди, что можно увидеть через такое стекло? Тьму, и ничего больше.

— Но темные силы... Разве их нет?

— Они — слуги Тьмы. Не внешней — той, что внутри человека.

Встав у парапета, Павел Степанович смотрел на Неву и думал.

— Тьма никогда не сможет поглотить Свет, — наконец сказал он. — Они разной природы.

— Разве в убийцах есть Свет?

— Есть. Просто ему трудно пробиться.

— Почему?

— Слишком много грязи.

На прощание Павел Степанович подарил книгу притч Ошо на английском языке.

— Прочти, — сказал он. — И начни с притчи о Свете и Тьме.

Возвратившись в Москву, я перевел притчу и прочел ее маме и Дусе.

Ошо «Свет и Тьма»

Однажды Тьма пришла к Богу и сказала:

— Я никогда не делала Солнцу ничего плохого, но оно мешает мне жить. Куда бы ни пошла, Солнце добирается до меня, и я вынуждена бежать. Сколько будет продолжаться такая несправедливость? Я ничего плохого не делала Солнцу, ничего не сказала против него.

Бог вызвал Солнце и спросил:

— Почему ты мучаешь Тьму?

— Что за вопрос? — удивилось Солнце. — Я не встречало Тьму. Как только вы приведете ко мне Тьму, я тут же извинюсь перед ней.

Бог оглянулся. Тьма исчезла.

— Помню эту притчу, — сказала Дуся. — Свет и Тьма давно волнуют отца. По-моему, хотел роман написать. Ну, разве не романтик?

На лице Людмилы Ивановны появилась поперечная морщинка.

— Бог всемогущ, — сказала она. — И в то же время не может свести Солнце и Тьму.

— Ничего странного, — ответила Дуся. — Их невозможно свести. Тьма — это отсутствие Света.

Лицо Людмилы Ивановны прояснилось.

— Верно. Где Свет, его отсутствия быть не может.

— А религиозные догмы — как быть с ними? — спросил Макс. — Все мировые религии пугают Тьмой и темными силами.

— Прежде, чем утверждать, — строго сказала Дуся, — надо познакомиться с мировыми религиям.

— Верно, — вздохнула Людмила Ивановна. — В этом отношении мы абсолютно безграмотны.

Макс кивнул. Что есть, то есть. Однако Дуся не была бы собой, если бы за ней не осталось последнего слова.

— В отличие от вас, я — более продвинутая в этом вопросе.

— Вот как?

— Могу даже выдать цитату. «И отделил Бог Свет от Тьмы. И назвал Свет — днем, а Тьму — ночью».

«Все-таки Павел Степанович прав, — подумал Макс. — Неподъемная тема».

1993 год положил начало противостоянию президента и парламента. Тут хочешь не хочешь, а проснешься. Танки стояли в центре Москвы, и в сторону Белого дома летели снаряды, несущие смерть. Сторонники Хасбулатова и Руцкого бросились на штурм Останкина. Началось пиршество чрезвычайных новостей.

Людмила Ивановна плакала, Дуся курила папиросу за папиросой, у Макса стали чесаться руки. Время от времени он удалялся из гостиной и долгое время проводил в ванной. Людмила Ивановна насторожилась.

— Срам на весь мир, — сказала она Макс. — Остается одно — оглушить себя антидепрессантами.

Против курс таблеток, Макс перестал чесаться и впал в меланхолию. Ему были противны политики, депутаты, бизнесмены, торгаши, бомжи, старики с протянутой рукой, но больше всего — телеведущие и журналисты. Макс перестал смотреть телевизор и узнавал новости из рассказов матери или Дуси.

Павел Степанович Шохов умер в мае 1994 года. Проститься с известным писателем пришло много людей. Среди них — официальные лица из Союза писателей, друзья-фронтовики, коллеги, читатели... На поминках Дуся сказала:

— Дожив до преклонного возраста, отец ухитрился остаться молодым. Помню, спросила его: «В чем секрет твоей молодости?» Он ответил: «Кто видит прекрасное, тот не стареет».

Осенью 1995 года по требованию Литфонда Дуся освободила дачу и вместе с Людмилой Ивановной уехала из Переделкина. Переезд в Дусину квартиру не обошелся без переживаний. Оно и понятно: ни многоголосия птиц за окном, ни шума сосен, ни песен ветра.

— Помнишь крыльцо и прогретые доски? — не раз спрашивала Дуся.

— А ветер?! — вздыхала Людмила Ивановна. — То он поет в трубе, то гонит поземку...

— Или катает весну, — добавлял Макс.

Через полгода кооператив был построен, и Дуся с Людмилой Ивановной переселились в район Воронцовских прудов. Квартиру на Шаболовской Дуся сдала в аренду,

и началась новая жизнь. Вместо леса и лужайки у дома — парк, пруды, утки и белки. Воронцовский парк, конечно, не Переделкино, но все-таки лучше, чем центр Москвы: ни тебе тренькающих трамваев, ни потока машин. Макс тоже переехал в кооперативную квартиру и в Беляево заезжал редко.

Летом 1996 года началась предвыборная кампания. Борьба между Ельциным и Зюгановым достигла апогея, и Максимилиан волей-неволей принялся за таблетки. Он знал, его заболевание — на нервной почве и, по словам врача, к шизофрении не имеет отношения.

— Не переживайте, — сказал психиатр. — В США антидепрессанты пьют сорок процентов населения, и ничего. Главное — сохранить душевное равновесие.

— Равновесие — наше все, — кивнула Дуся. — Шаг в сторону, и тут же получишь по затылку.

— От кого? — улыбнулся психиатр.

Он был знакомый Дусиных знакомых, поэтому к Максиму и Дусе отнесся по-отечески.

— От природы, — ответила Дуся.

— Неожиданная точка зрения.

— Природа всегда стремится к равновесию. Взять, например, реку. Она строит русло, исходя из минимальных энергетических затрат. И животные не тратят энергию впустую. А человек как паровоз. Свистит целый день, а зачем, не понимает.

— Свистит? — переспросил психиатр.

— Вы не согласны? — спросила Дуся.

— Пожалуй, соглашусь. Но постараюсь найти объяснение.

— Какое?

— Человеку надо заявить о себе.

По пути домой Дуся переключилась на другую тему.

— У тебя — кризис среднего возраста, — заявила она Максиму — Его надо пережить.

— Может быть.

— К тому же отсутствие секса угнетает...

Макс усмехнулся.

— И тебя?

— У меня — климакс. Это — совсем другое.

Затормозив на перекрестке, Дуся добавила:

— Насчет секса вот что скажу... Сексом занимаемся не мы — тонкоматериальные сущности. Так что по большому счету это — бесовское занятие.

— Ну ты даешь, — воскликнул Макс.

— Ладно, проехали, — притормозив у подъезда, сказала Дуся. — Выходи. Я еду на работу.

«Нива» мигнула поворотником и скрылась.

«Дусю не поймешь, — подумал Макс. — То ли провоцирует, то ли обкатывает новую теорию».

Глава 9

В Редкино Макс собирался давно, но его всякий раз останавливал страх.

«Что скажу Лизе? Дескать, соскучился, хочу прикоснуться к юности... И вообще... Дома ли она?»

Наконец он решил. Черные «Жигули» неслись по Ленинградскому шоссе, за окнами мелькали леса, поля, дачные поселки. Макс их видел и не видел одновременно.

но. Он вспоминал Лизу. Вот она — в первый день знакомства. Скоростной лифт, набитый абитуриентами. Лиза уткнулась в грудь, и запах волос взбудоражил кровь. Вот Лиза — в столовой зоны Б. Положила ладонь на плечо, а сама осталась за спиной. А вот — университетский сквер. Лиза заглядывает в глаза и смеется. Что хочет, то и говорит, что считает нужным, то и делает.

Макс подъехал к Новомелкову и, выйдя из машины, спустился к Волге. «Верхневолжская» турбаза пришла в запустение, однако сосновый лес и тропинка остались. Макс остановился у коряги. Здесь его Лиза поцеловала... Целомудренно — в щеку.

«Боже мой, как давно это было, — подумал он. — Нам обоим по семнадцать. Купались в Волге, болтали, вспоминали детство. Тогда я понял, Лизино детство — разноцветное, а мое — детство-дистрофик. Чистенькое, однобокое, на костылях. С виду приличное, однако на лице — маска. Ни улыбки, ни слез, ни удивления».

Макс вспомнил следующую встречу — первого сентября 1971 года. Лиза появилась с Настей. Ее волосы выгорели на солнце, на носу веснушки. Настя напоминала пион, Лиза — крокус. Нежный, трепетный, с тонким ароматом. Вот первая лекция. Макс помнил, как сжал Лизины пальцы, как кровь стучала в висках. У него заложило уши, и слова Колмогорова доносились словно из-под одеяла.

«...Твердо веруй в начала и концы».

Лизина рука дрогнула.

«Это — из поэмы Блока „Возмездие“, — прошептала она. — Люблю эти строчки: „Жизнь — без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...“»

Макс вернулся к машине и, съехав с Ленинградского шоссе, свернул в Редкино. Лизин дом он нашел сразу. Яркий, в окружении цветов, дом напоминал картинку из детской книжки. Небольшая терраса, высокое крыльцо, на нем — горшки с красной геранью. Ситцевая занавеска дрогнула, и Макс увидел небритое лицо. Через минуту на крыльце появился мужчина. Лысый, худой, в тренировочном костюме. Мужчина улыбнулся и, обнажив недостающие зубы, спросил:

— Вам кого?

— Лизу.

Макс почувствовал, как его окатила жаркая волна.

— Лиза в магазине. Сейчас придет.

— А вы...

— Василий Савельевич — Лизин отец.

— Меня зовут Макс, я учился с Лизой в МГУ — на мехмате.

— Эка, какой древний знакомый.

— Марья Ивановна дома?

Мужчина вздохнул.

— Пять лет как померла.

В доме слышались детские голоса.

— Дед, мы едем?

— Куда же деться?! Айда на выход.

Лицо Василия Савельевича озарила улыбка, и Макс увидел Лизины черты. Серые озорные глаза, чуть вздернутый нос, приподнятые уголки губ.

— Обещал детей искупать. Теперича не отстанут.

На крыльцо выскочили два мальчугана. Один — белобрысый, другой — черный, как смоль. Круглые мордашки, веснушки на носу...

«Похоже, погодки. Лет девять и десять».

— Знакомьтесь. Гришка и Шурик.

Мальчики кивнули и побежали к грузовику. Хлопнула дверца, раздался смех, и грузовик подал сигнал: «Бип! Би-би!»

— Вот я вам, — проворчал Василий Савельевич и распахнул дверь.

— Проходите в дом, Лиза сейчас придет.

Макс кивнул. Он снял кроссовки и, оставив на крыльце, вошел в сени. Все как и раньше. Ведро с водой, большая бочка, трехлитровые банки. В углу — лестница, ведущая на чердак. В кухне пахло борщом. Казалось, за занавеской хлопочет Марья Ивановна. Вот сейчас выйдет и скажет: «Ужо пироги поспели — сейчас накормлю».

Макс заглянул в горницу. Иконы — в красном углу, на столе та лампа, что купила Людмила Ивановна. На шелковом абажуре — сухая ромашка, прикрепленная скотчем.

Хлопнула дверь. Макс вышел на кухню и увидел Лизу. Она всплеснула руками и закрыла ладонями рот. Макс опешил. Лиза изменилась до неузнаваемости. Полная, с одутловатым лицом, морщинами на лбу.

— Ты ли это? — прошептала Лиза.

Макс покраснел. Казалось, в горле застрял комок. Макс чувствовал его запах. Горько-соленый, с прелыми нотками. Сердце отчаянно стучало, перед глазамиплыли круги. Макс судорожно вздохнул, и комок опустился вниз.

— Здравствуй, Лиза.

— Похудел-то как. И виски... совсем седые.

Лиза бросилась к Максy и, уткнувшись в плечо, расплакалась. Макс растерялся. Он неловко обхватил Лизу и пытался разобраться в своих ощущениях. Ни жара, ни волнения, ни вполыхов молний. Одна только жалость. К себе, Лизе, ушедшей юности.

«Не виделись четверть века. И что в результате? Оба припорошены пылью. Где та девушка с лукавой улыбкой? Куда исчезла? Глаза выцвели, уголки губ опустились...»

Макс отстранился. Лиза достала платок и громко высморкалась.

— Извини, — сказала она. — Так неожиданно.

Она скрылась за занавеской и, шмыгая носом, загремела посудой.

— Сейчас накормлю.

Макс сел за стол. Он не знал, что и сказать. Внешний вид Лизы, ее поведение, горькие слезы — все это не вязалось с тем, о чем Макс думал по дороге.

«Может, Лиза — иллюзия? Помнится, Дуся сказала: „Иллюзии как зубы — с возрастом выпадают и теряются“».

Лиза вышла из-за занавески и поставила на стол миску с борщом. Запах мелко порезанного чеснока ударил в нос, и Максимилиан вспомнил Марию Ивановну.

— И пироги есть, — сказала Лиза. — Будешь?

Макс кивнул. Он не знал, с чего начать разговор. На столе появились соленые огурцы, яичница, тарелка с пирогами.

— Выпьешь?

— Я — за рулем.

Лиза села напротив и, подперев подбородок рукой, сказала:

— Странное ощущение. Ты, и не ты. Такой же скованный, растерянный... Так же, как прежде, закрыт. Однако в глазах — печаль. Глубокая, как омут. Что-то случилось?

— Долгий разговор. Расскажи о себе.

— Видел ребятшек?

Макс кивнул.

— Один похож на тебя.

— Шурик.

Полные губы дрогнули, и на мгновение Макс увидел прежнюю Лизу. Лучистые глаза, лукавая улыбка... И свет. Он струился откуда-то изнутри. Макс чувствовал его, будто солнечный луч лег на щеку.

— А Гриша — в отца.

Лиза вздохнула, и свет пропал. Макс отодвинул миску.

— У тебя что — беда?

— Две, и сразу. Муж погиб, мама умерла. Мальчишек поднимаю вместе с отцом.

Лиза убрала посуду и села напротив Макса. Она волновалась. На щеках атели красные пятна, над губой появилась испарина. Чувствовалось, Лиза хочет сказать что-то важное.

— Не знаю, увидимся ли когда. Хочу признаться...

Максимилиан напрягся.

— Когда-то любила тебя. Казалось, весь мир облит солнечным светом. А ты...

Взглянув на Макса, Лиза заторопилась.

— Не упрекаю, нет. Сердцу не прикажешь. И потом, все в свой черед. Тогда ты был не готов к любви...

У Макса екнуло сердце.

— Почему? — хрипло спросил он.

— Ты был похож на птенца. Чуть полетал, и домой. Там мама, тепло, уют...

Лиза вздохнула.

— Ну, да ладно. Все равно не сумею объяснить. Главное — призналась.

Максимилиан опустил глаза. Лизино признание смущало. В кухне повисла тишина. Макс лихорадочно соображал, как бы выкрулить на нейтральную тему.

— Помнится, ты не сдала зачет по истории КПСС. Что было потом?

— Зачет получила со второго захода. Тем не менее забрала документы и уехала в Ленинград.

— Ушла с мехмата?

— Точнее, ушла из МГУ. Меня взяли на тот же факультет в ЛГУ, так что училась в Ленинграде. Затем вышла замуж за Вовку. Помнишь, рассказывала?

— Да-да. Фиолетовые косички.

Взгляд Лизы потух.

— Хороший был человек. И меня любил. А я... Видно, правду говорят: один любит, другой позволяет себя любить.

«Так и есть», — подумал Макс.

— Вовка учился в мореходке. По распределению попал в Мурманскую область — в Западную Лицу. Там сейчас база Северного флота. Я поехала за ним. Устроилась в школу учителем математики.

— А Вовка?

— Он служил на атомной подлодке. Сначала детей не было, потом родила одного за другим. Вроде и жизнь наладилась, и деньги появились, но все хорошо не бывает. Верно?

Макс кивнул.

— Весной 1989 года лодка «Комсомолец» затонула. Среди погибших был и Вовка.

Помолчав, Лиза продолжила:

— Вот тут-то я хлебнула лиха. Вернулась в Редкино, а тут и мамин черед пришел. Крутилась у печи, охнула и упала. Инсульт.

Все, что рассказывала Лиза, вызывало боль. Нужные слова не приходили на ум, и чтобы выразить свое сочувствие, Макс сжал Лизину руку. Лиза смотрела на Макса блестящими глазами. То ли от слез, то ли от неожиданного прикосновения.

— О наших что-нибудь слышала?

— Самую малость. Когда-то переписывалась с Любой, но последний год она не отвечает.

Макс чувствовал, судьба общежитских друзей ему не безразлична. Оно и понятно, жизнь людей, с которыми связана юность, всегда вызывает интерес. То ли потому, что

юность — особый период, то ли возникает желание сравнить. Дескать, далеко ли ушли друзья, ведь начинали с общего старта.

— Ферзь вылетел с мехмата после второй сессии. Модуль спился, и его отчислили после третьего курса. Санька Войтюк ушел в бизнес. Яша...

— Работает в Академии наук, — предположил Макс.

— Не угадал. Яша уехал в США. Он занимается наукой, получил крупную международную премию. Какую, забыла.

— А девочки?

— Рузи уехала в Ашхабад. Работала в академическом институте, вышла замуж, а дальше не знаю. Люба устроилась в банк. В перестройку стала начальником. Помогу, не замужем. Настя преподавала в Горно-Алтайском университете, вышла замуж за нового русского, теперь живет где-то в Европе — то ли в Англии, то ли во Франции.

— Настя не пропадет, — усмехнулся Макс.

— Я с ней рассорилась перед отъездом.

— Почему?

— Летит по жизни, людей не замечает. Ну да ладно — не будем об этом.

Макс кивнул.

— Когда ты пропал, все всполошились не на шутку. Модуль пошел в деканат, наладил контакт с секретарем и из личного дела узнал твой адрес и номер телефона. Позвонил. Ответил твой отец. Сказал, что ты в больнице с воспалением легких. Модуль пытался узнать в какой, но так ничего и не добился.

— Все это — вранье. Я не болел.

— Куда же пропал?

— Можно чаю?

Макс тянул время. У него появилось желание рассказать, что и как было, но вдруг подумалось: зачем?

«Мама не осуждала отца — впрочем, и других тоже, — думал он. — И я не буду. Дело прошлое, семейное. Можно сказать, мхом поросло».

Лиза поставила чашки, заварила чай и, оставив на столе тарелку с пирогами, села напротив Макса.

— Что же с тобой случилось?

— После зачета поссорился с отцом, и мы с мамой уехали к ее подруге.

— Не темни. Экзамены ты не сдавал, на факультете тебя не видели...

Макс замялся.

— Долго объяснять. Понимаешь, я попал на мехмат случайно — отец так решил. А потом понял: не мое. Пока жил у Дуси, решил проявить самостоятельность. В канулы забрал документы, вот и все.

В кухне повисла тишина. Ее нарушало тиканье ходиков и дыхание Лизы.

«То ли волнуется, то ли одышка», — подумал Макс.

Пока пили чай, он успокоился и снова нырнул в свою раковину.

«Лиза стала другой. Дети, отец, гибель мужа, смерть матери, хозяйство... — никакой романтики. Прошлой Лизе я бы рассказал, но... она далеко».

Макс улыбнулся, и при дальнейшем разговоре скользил по поверхности. Как жук-водомер. Или как Настя. Вроде бы приоткрылся, а в душу не пустил.

— В 1972 году поступил в Институт иностранных языков. Выучил французский, подрабатывал переводами, учился в аспирантуре...

— Здорово, — воскликнула Лиза.

— Защитился, стал преподавать в Инъязе, через полгода женился.

— Расскажи о жене.

Макс посмотрел на Лизу и заметил синюю жилку у виска. Она билась, будто бельё на ветру.

— Десять лет назад я развелся.

— Вот как.

— Семья не сложилась, с дочерью не вижу.

— Да ты что?! — воскликнула Лиза.

— Всякое бывает, — уклончиво ответил Макс.

— С кем ты живешь?

— С мамой и ее подругой. Они — молодцы. Работают в журнале «Иностранная литература», переводят, ездят отдыхать за границу...

— Моя мама, кроме плиты, ничего не видела, — вздохнула Лиза. — Видно, и я ее судьбу повторю...

Макс пожалел о своей неосторожности. Черт дернул за язык. У Лизы столько проблем, а он...

— Давно хотел спросить. Помнишь нашу первую встречу?

— Конечно.

— А разговоры?

— Смутно, — призналась Лиза.

— Я помню все до единого слова.

Лиза улыbnулась. Похоже, ей было приятно.

— Ты правда слышала, как ветер шептался с кувшинкой?

Лиза нахмурила лоб. Она пыталась вспомнить и не могла.

— Ну же, — разволновался Макс. — «Жизнь удивительна», — сказал ветер. «Боже, какая чушь. Жизнь скучна и однообразна», — ответила кувшинка. «Посмотри вокруг. Видишь, розы цветут...» Ты слышала или придумала?

Лиза рассмеялась.

— Конечно, придумала. Кто может слышать такой разговор?

Казалось, под Максом закачались пол и скамья. Однако он задал следующий вопрос:

— Помнишь, как сказала: «Стань собой, и вся смелость, что у меня есть, будет твоей». И пригрозила при этом: «Если не станешь, я тебя заколдую».

— Ты поверил?

— Тогда я думал, что ты вошла в роль... и играешь.

— Так и было. Хотела произвести на тебя впечатление.

— И произвела. Я был в эйфории. Какая девушка. Она слышит голоса ветра и кувшинки, она сказала: «Если не станешь собой, погружу в облако страхов».

Лиза обхватила голову Макса и повернула ее к себе. Глядя в черные, беспокойные глаза, она воскликнула:

— Максимилиан, милый, но так нельзя.

— Что нельзя?

— Оставаться идеалистом-романтиком.

— Почему?

Макс отвел Лизины руки и с грустью сказал:

— Я всегда чувствовал тебя рядом. Веришь? Называл «ангелом-наблюдателем». Порой даже видел. Иногда ты садилась у кровати, и мы разговаривали. Иногда читала стихи.

— Когда-то я любила стихи Блока.

— «Жизнь — без начала и конца. Нас всех подстерегает случай...»

— Сейчас бы не вспомнила.

— Ты прочла эти строчки на первой лекции.

Лиза расплакалась. Она вытирала глаза и, шмыгая носом, повторяла:

— Ужас, все забыла. Все почему? Быт засосал. Никакой романтики. Ни стихов, ни волшебства, ни фантазии. А ты помнишь.

— Это хорошо или плохо? — спросил Макс.

Он смотрел на Лизу и видел морщинки под глазами, набрякшие веки, сеточку сосудов на щеках.

«Как грустно. С молодостью ушла тайна. А может, ее не было? Может, я все придумал?»

Наконец Лиза успокоилась. Ее глаза сверкнули, и Макс показалось, Лиза сбросила несколько лет.

— Не знаю, хорошо или плохо, — сказала она. — То, что не растерял детство, хорошо, а все остальное...

— Мне сорок два, — отозвался Макс.

За окном послышался шум подъехавшего грузовика. Лиза встала и, ополоснув лицо, добавила:

— Мое время пошло под откос, твое еще впереди. Видишь, как бывает...

Раздался топот маленьких ног, и в дом вбежали мальчишки.

— Мам, мы рыбу поймали.

Лиза подхватила сыновей и, поцеловав их, сказала:

— Вот и отлично. Жареху сделаю.

Максимилиан встал.

— Пожалуй, поеду. Дорога неблизкая.

— Приезжай в гости. Места в доме много. Поплаваешь...

— Какой из меня пловец? — улыбнулся Макс.

— Каждый плывет по-своему. Один кролем, другой брассом...

— Третий по-собачьи, — перебил Шурик.

Лиза и Макс рассмеялись. В дом вошел Василий Савельевич. В одной руке он держал сетку с двумя рыбинами, в другой — мокрые шаровары. Василий Савельевич улыбнулся и, протянув дочери штаны, сказал:

— Порты замызгал. У берега в ил провалился.

— Дед из лодки вывалился, — пояснил Гриша. — Но там неглыбко.

Взглянув на Макса, Лизин отец спросил:

— Никак уходить собрались?

— Пора. Спасибо за гостеприимство.

— Ну, тогда бывай.

Макс пошел к выходу, Лиза — за ним. На крыльце она притянула Макса к себе и поцеловала в лоб.

— Спасибо, что приехал.

— Забыл спросить. Где ты работаешь?

— В местной школе.

— Если будут проблемы, пиши. Я рядом.

Лиза вздохнула.

— Сама разберусь. Мне не привыкать.

— Прощай.

Макс спустился с крыльца и пошел к машине.

— Мама твою лампу всегда любила, — крикнула Лиза. — Глянет и тебя вспомнит. «Какой красавчик, — говорила она. — Высокий, чернобровый. Однако не твой».

Макс улыбнулся.

— Видел на абажуре сушеную ромашку.

— Помнишь, подарил ее в первую встречу?

— Говоришь, все забыла.

— Ромашку не забыла. Знаешь почему? Ее лепестки сказали: «Не любит».

Макс помахал рукой и сел в машину.

«Ромашка права, — подумал он. — И то, что в одну воду войти дважды нельзя, тоже верно».

Глава 10

На обратном пути Макс погрузился в неспешные мысли. Ленинградское шоссе шуршало под колесами, а Макс казалось, что «Жигули» преодолевают очередной горный серпантин. Дорога петляла, извивалась, тянулась змеей, и вдруг — вираж. За ним — подъем, поворот, еще один... Повороты шли один за другим. Руки вцепились в руль, нога замерла над педалью тормоза, зрение обострилось до предела. Любая ошибка — и машина полетит в пропасть. Или врежется в гору. Вперед, и только вперед.

Наконец площадка, где можно остановиться. Боже, какая красота. Бесконечно высокое небо, тишина, величие гор.

«Если не движешься внутрь, движешься наружу», — как-то сказал Павел Степанович.

«Дусин отец — мудрый человек, — подумал Макс. — Жизнь — те же подъемы, спуски, повороты. А ты — путник. Идешь, падаешь, цепляясь за камни, карабкаешься вверх».

После встречи с Лизой Макс не то что отряхнул пыль со своих ног (первая любовь, конечно, не пыль), он повернул за поворот. За ним Макс увидел холмы, предгорье, горную страну. Одна гора, другая, третья...

Приподнявшись над равниной, Макс посмотрел на жизнь под другим углом зрения.

«Кто я? — спрашивал себя Макс. — Маменькин сынок? Нет. Я всегда стремился к самостоятельности. Мое подкаблучное детство — не показатель. К тому же общение с отцом многому меня научило. В частности, тому, как опасно для человека гипертрофированное чувство важности. Я никогда не важничал и не давил. Отходил в сторону — слушал, оппонировал, возражал. А мама... она дарила любовь и защиту. Мама есть мама».

Макс относил себя к рефлексирующим интеллигентам и был прав. Внешне respectable, сдержанный, относительно успешный; внутри — сомнения и комплексы. По большому счету Макс был похож на моллюска. Спрятался за створки раковины и затаился. Подхватит поток или нет? А может, закопаться в ил? Вопросы, вопросы, вопросы... Однако время от времени створки раковины приходилось раскрывать. Иначе не проживешь. Ведь собственный мир — капля, но в ней заключена энергия океана. Так что связь необходима.

Узнать, что прячется за внешней оболочкой человека, очень непросто. Порой и близкие люди не видят. Такие, как Макс, в лихую годину ломаются или выживают благодаря женщинам — будь то жена, мать или любовница. Таких мужчин нельзя назвать никчемными, просто они не в состоянии быстро приспособиться. Сначала им надо сбавить ход, осмотреться, поразмыслить. А времени нет. Сотни поездов свистят на все голоса, спрятаться невозможно.

Высказанная Александром Владимировичем мысль была правильной: существует жизненная спираль, в ней — точки вращения. Человек — частица потока. Вписался в поворот — хорошо, нет — вылетел в кювет.

Макс хорошо помнил слова отца. Мало того, видел картинку. Вот он примкнул к жизненному потоку и летит вместе с ним. Не в центре потока — на периферии. Кру-

той вираж, и Макс вылетел. Лежит в дорожной пыли и потирает ушибленные места. Он слышит дыхание потока, но... энергетика потока летит мимо.

«Ненужный осколок, отработанный материал. Сколько таких, как я? И каждый с личной трагедией. Не принят обществом, не реализован. Однако не все кончено. Декарт говорил: «Я мыслю, значит, существую». Те, кто повержен, тоже существуют. Или живут? Одни выползают из кювета и, потирая ушибленные бока, уходят в одиночество; другие ищут жалельщиков; третьи делают попытки влиться в поток. Одним словом, у каждого — свой путь. И у меня тоже. Я выстою».

— Сегодня прочла любопытные статьи, — сказала за ужином Дуся. — Первая — из серии «чудеса природы».

Макс отодвинул тарелку и приготовился слушать.

— Среди множества видов бамбука есть один, который в начальной стадии роста можно назвать заторможенным. Его семена сидят в земле до семи лет, не показывая носа. Садовник рыл почву, поливает, а на поверхности ничего нет. Через семь лет появляются ростки. Скорость их роста поражает. Она достигает тридцати сантиметров в сутки. Копил-копил силу, потом потянулся и... всех перегнал.

Взглянув на Макса, Дуся спросила:

— Интересно?

— Без намеков, пожалуйста, — улыбнулся Макс.

Он знал, Дуся любила подколоть. Ее чувства требовали наслаждений, ум — систематизации, разум — знаний, а душа — радости. Редкий человек. Каждый период времени Дусе был интересен. В девяностые она просвещала Макса и Людмилу Ивановну насчет рыночной экономики. Ее речь была насыщена новыми терминами, и Макс едва успевал переспрашивать. Тезаврация, рентабельность, депозит, риски... — о чем только Дуся не говорила. Затем появились другие увлечения: путешествия, загадки Вселенной, самопознание, формулы успеха... В квартире появились брошюры, туристические проспекты, распечатки статей. Дуся наращивала обороты, и со стороны казалось, ее возраст — дополнительный импульс к движению.

— Вторая статья — из серии «психология самопознания».

Дуся открыла пластиковую папку и вытащила пару листков.

— Послушайте, какая прелесть.

Надев очки, она прочла с особым выражением:

— Зачем тащишь за собой обоз несчастий? Зачем гордишься своей мукой? Ты хочешь сказать, это делает тебя сильным? Неправда. Ты живешь прошлым потому, что боишься будущего.

Людмила Ивановна подняла голову, и ее глаза засветились. Макс улыбнулся. Он знал, мать всегда оставалась самой собой. Однако буруны дарили энергию, и так же, как Дуся, Людмила Ивановна не старела.

Дуся взяла другой листок и, бросив на Макса многозначительный взгляд, прочла:

— Когда говоришь себе правду, становишься сильней.

— Сказать себе правду трудно, — заметила Людмила Ивановна. — Для это надо быть внутренне свободным.

— В том-то и дело, — оживилась Дуся. — Люди бегут от себя. Они заполняют время работой, встречами, ненужным общением. И что в результате? Душевная пустота.

— Ты что — против общения? — удивился Макс.

— Ну и вопрос. В отличие от тебя, я — экстраверт, и общение — моя питательная среда. Однако...

Дуся сделала паузу и добавила:

- Однако последнее время я ограничиваю свое общение и делаю это сознательно.
- Почему?
- Общаться надо с теми, кто помогает продвинуться вперед.
- Эгоистичный подход.
- Как угодно. Но зачем попусту тратить время?
- «Действительно, зачем?»

Глава 11

Тридцать первого декабря 1999 года в присутствии Патриарха Московского и всея Руси Алексия II президент Борис Ельцин передал свои полномочия Владимиру Путину. За двенадцать часов до наступления двадцать первого века телеканалы России начали трансляцию новогоднего обращения Ельцина.

— Вот это да, — воскликнула Дуся. — Не знаю, что и сказать.

Никто не знал. Страна замерла в ожидании новых реформ. Через три месяца состоялись выборы президента, и Путин стал вторым президентом России.

Чеченская война продолжалась, смертность в России превышала рождаемость, терроризм набирал обороты. Смерть махала косой и собирала обильный урожай. Не только в России, но и по всему миру. Одиннадцатого сентября 2001 года мир узнал о террористических актах в США. Боевики-смертники «Аль-Каеды», захватив пассажирские самолеты, врезались в башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Оба небоскреба были разрушены, и одним махом смерть выдернула из жизни три тысячи человек.

— Вот беда так беда, — воскликнула Людмила Ивановна.

— Мир наводнен фанатиками, — заметил Макс.

— Верно, — сказала Дуся. — Вера без знаний несет разрушение.

Казалось, Тьма опустила на землю и забралась в человеческие умы. Вытеснив радость, она заполнила каждую клетку и вызвала страх. «Живем один раз», «Где наша не пропадала», «После нас — хоть потоп» — эти фразы стали в ходу, и люди бросились искать наслаждений. Слушая новости и читая газеты, Макс видел, как мир катится к пропасти. Жажда наживы, отсутствие сострадания, потеря ориентиров... — все это походило на бесовский шабаш.

— При таком раскладе остается одно — наводить порядок в собственном мире, — сказала Дуся. — На внешние обстоятельства трудно влиять.

— Ты что — серьезно?

— Помнишь бессмертную фразу: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи»? Это сказал Серафим Саровский.

— Спасись сам..., — повторил Макс.

— Вот-вот. Начинать надо с себя.

К трансформации сознания подталкивала и природа. Она слишком долго терпела. Растоптанная и поработанная, природа подняла голову и решила заявить о себе. Кто тут хозяин — я или человек? Смерчи, наводнения, землетрясения, селевые потоки шли один за другим, а впереди них летела смерть. Она сверкала пустыми глазницами, скалила рот и не жалела ни взрослых, ни детей.

Люди поддавали жару. Впрочем, как и всегда. Они кидали в топку «дровишки» и не могли остановиться. Невольно возникал вопрос: может, толкал кто-то под локоть? И вообще — что случилось? По какому пути идет человечество — вверх или вниз? А как же тогда диалектика? Та, о которой твердили философы.

Чудны дела твои, Господи! За что наказываешь? Почему?

Максимилиан пытался понять, что происходит. Он не хотел нестись в общем потоке. Вернее, не хотел нестись в безумном потоке.

«Готов быть каплей и частью огромного океана, — думал он. — Но если по океану плывут мазутные пятна, полиэтиленовые пакеты, пустые бутылки и консервные банки, пусть тогда буду каплей озера. Бессточного, скрытого горами».

— Может, Номо sapiens давно исчез? — как-то спросил Макс. — Может, ему на смену пришел человек-робот?

Дуся чуть не поперхнулась.

— Номо sapiens — в глубоком подполье, — ответила она. — В мифической Шамбале.

— Кто же тогда мы?

— Зомби или планктон. Как кому нравится.

Дуся была категорична.

— И ты — зомби?

— Конечно. Я как все. Слышал песню Пугачевой? «Так же, как все, как все, как все, я по земле хожу, хожу...»

— Помнится, в этой песне есть и другие строчки, — вступила в разговор Людмила Ивановна. — «И у судьбы, как все, как все, счастья себе прошу». Думаю, речь здесь — о счастье.

— Так или иначе, ключевые слова нашего времени «как все», — продолжала оппонировать Дуся. — Реклама и информационное пространство приумножают штампы, и количество обезличенных растёт.

— Верно, — согласилась Людмила Ивановна. — Мы живем в век, когда преобладают люди, не имеющие собственного лица.

Дуся повернулась к Максусу.

— А ты — как все или сам по себе?

— Могла бы не спрашивать, — ответил Макс. — И ты, и я, и мама — не как все, а с нами — множество других людей.

— Интересно, почему этого множества не видно?

— Действительно, почему?

— О том и речь, — усмехнулась Дуся. — Те, кто, как все, на виду. Те, кто сам по себе, в собственной Шамбале.

— Не соглашусь, — возразил Макс. — Насколько знаю, Шамбала — это священное место. Лучшие сыны человечества общаются там с Богом.

— Те, кто самостоятельно мыслят, и есть лучшие сыны человечества, — сказала Дуся. — А что касается Бога... с Богом можно общаться, не выходя из дома. И без посредников, между прочим.

— Елена Рерих называла Шамбалу Твердыней Великого Знания и Света, — заметила Людмила Ивановна. — В Шамбале, по преданию, живут лучшие из лучших. Они не только общаются с Богом, но и наблюдают за эволюцией человечества.

— Наблюдают? — язвительно спросила Дуся. — Почему бы этим лучшим из лучших не вмешаться?

В темных глазах Людмилы Ивановны вспыхнул неяркий свет. Он походил на свет утреннего солнца.

— Эволюция подразумевает естественный ход событий, это — первое, — сказала Людмила Ивановна. — А второе — мое несогласие с твоим определением современного человека. Современный человек — не щепка и не планктон. Он растерян. Слишком быстра жизнь, слишком велика Тьма. Думаю, мы живем в особый период — в век испытания.

— Неисправимая идеалистка, — воскликнула Дуся. — Наивная, как ребенок.

Не обратив внимания на реплику, Людмила Ивановна задумалась. На ее лбу появилась поперечная морщинка, одухотворенность пропала.

— Когда-то прочел фразу, которая заставила меня задуматься, — сказал Макс. — Чтобы найти себя, надо себя потерять.

Людмила Ивановна будто проснулась.

— Как сложно себя найти, — сказала она. — Некоторым это не удается.

Нулевые принесли новые трагедии. Взрывы в метро и VIP-зоне на стадионе «Динамо» в Грозном во время празднования Дня Победы, обрушившийся купол аквапарка «Трансвааль» в Москве, теракты на борту пассажирских самолетов, летевших в Сочи и Волгоград. Казалось, трагедии заполнили жизненное пространство и смерть ждала за каждым поворотом. Психика людей подверглась неслыханной информационной атаке и давала сбои.

— Вы слышали? — как-то спросила Дуся. — Россия выбилась в лидеры.

Людмила Ивановна жала губы. Она хорошо знала подругу, и злой блеск в глазах Дуси ей говорил о многом.

— Вот послушайте. «В 2003 году Россия возглавила мировой список „стран-смертников“. Тридцать девять самоубийств на сто тысяч человек».

— Нечем гордиться, — заметил Макс.

«И я ведь думал о суициде».

— Что интересно, в общей статистике преобладают женщины.

— Странно, — удивился Макс. — Думал, что женская психика более устойчива, чем мужская.

— При такой жизни никакая психика не выдержит.

Среди реформ, затеянных новым президентом, выстраивание вертикали власти была главной. Макса она не касалась, поэтому интереса к ней не было. А вот реформы, направленные на образование, вызывали эмоции. Что говорить, Дуся права — все, что близко, трогает сердце.

Увлечшись психологией, Макс потерял интерес к лингвистике. Одно вытеснило другое. Так часто бывает. Макс забросил диссертацию и превратился в заурядного доцента. Он читал лекции, вел семинары, был руководителем дипломных работ. Словом, работа сама по себе, а Макс сам по себе. Институт иностранных языков имени Мориса Тореза был преобразован в Московский государственный лингвистический университет, так что Максимилиан Маушевский оказался преподавателем одного из крупнейших языковых университетов России.

Реформы образования Макса задевали напрямую. Россия присоединилась к Болонской системе, и оценки качества образования подгонялись под европейские стандарты. А тут еще ЕГЭ. Работы хватало, в том числе — бумажной.

2004 год прошел под флагом политической борьбы, однако теперь Макс к ней относился спокойно. Кто знает, может, он поумнел; может, стал мудрее. Макс наблюдал за выборами в Госдуму, следил за выборами президента, ходил на избирательный участок. Он был уверен, пройдет Путин. Так и случилось. Ни Макс, ни Людмила Ивановна против Путина ничего не имели, а вот Дуся бушевала. Она превратилась в либералку и полюбила говорить о свободе.

Макс понимал, пройдет год-два, у Дуси появятся новые увлечения, ведь главное — это движение, а с кем и как — второстепенный вопрос. И Дуся это понимала.

— Есть переменные интересы, а есть постоянные, — говорила она.

К сфере своих постоянных интересов Дуся относилась Милу и Макса. Она их считала членами семьи, и ближе их у Дуси никого не было.

В конце 2004 года случилась еще одна мировая катастрофа. Двадцать шестого декабря Юго-Восточную Азию потрясло катастрофическое землетрясение. Земля дрогнула, линия разлома породила огромный выброс энергии, и на страны Юго-Восточной Азии обрушились цунами, унесшие жизни трехсот тысяч человек.

Услышав эту новость, Дуся выключила телевизор.

— Радио и телевидение как рупор смерти.

— Ты права, — отозвалась Людмила Ивановна. — Впечатление, что в мире — сплошная тьма.

— Какой вывод? — не отрываясь от компьютера, спросил Макс.

— Отключаем телевизор и собираем радость. Сами, без чужой помощи.

— Где будем собирать?

— На природе, среди людей, в книгах...

Достав очередную брошюру, Дуся погрузилась в чтение. Через пару минут она воскликнула:

— Эту мысль и искала. Когда-то видела, но не ухватила за хвост.

— Что за мысль? — спросил Макс.

Дуся лукаво улыбнулась.

— Счастье — это осознанная радость.

— Верно, — сказала Людмила Ивановна. — В детстве я собирала землянику и называла ее на травинку. Потом нюхала и разом в рот.

— Отличный пример, — воодушевилась Дуся. — Так и поступим. Собираем, складываем, а когда нападёт хандра, достаём и окунаемся в радость.

— Хороший рецепт. Надо запомнить.

— Наша Дуся — стратег, — как-то сказала Людмила Ивановна. — Мыслит по-мужски, так же решительно действует.

Людмила Ивановна была права. Дуся умело управляла своим миром. Но главное, в нем был свет. В любое время года. Какое бы у Дуси ни было настроение, какие бы события ни проносились мимо, свет в Дусином мире не мерк.

— Ты напоминаешь ветер в солнечный день, — как-то сказал Макс.

— Спорное утверждение, — рассмеялась Дуся. — По-моему, я похожа на носорога.

Макс усмехнулся.

«Дусю не поймешь. То ли шутит, то ли занимается самокритикой».

— У меня — толстая шкура. Ее трудно пробить.

— В таком случае я — типичная устрица, — сказал Макс. — Стоит появиться раздражителю, закрываю створки.

— Тебе видней, — ответила Дуся. — Правильная самооценка — то же самое, что фонарь. И путь укажет, и камень высветит.

После 2005 года жизнь вошла в относительно спокойное русло. Получив премию ректора, Макс купил три абонементов в фитнес-клуб, и в маленькой семье появилось новое хобби. Макс ходил в тренажерный зал и качал мышцы, Дуся и Людмила Ивановна посещали бассейн и кардиотренажеры. Зарплата, подработка, квартира на Шаболовской давали неплохой доход, и появилась возможность выезжать за рубеж. Иногда ездили вдвоем, иногда порознь. Дуся и Людмила Ивановна выбирали свой маршрут, Макс — свой. Свежие впечатления вызывали новые разговоры, знакомство с европейскими музеями — интерес к живописи, средневековые замки и дворцы — увлечение историей. Как прогнозировала Дуся, так и случилось — радость, собранная по крупинкам, приносила умиротворение и, как следствие, ощущение счастья.

Все бы хорошо, но в душе Макса сидела заноза. Отношения с дочерью не сложились, и чем старше становилась Вика, тем больше отдалялась от отца. Первые годы по-

сле развода Макс встречался с дочерью раз в две недели, затем раз в месяц. Вика была угрюма, настороженна и при встречах с отцом поглядывала на часы. А потом Карина вышла замуж и поселилась в Мюнхене. Макс не возражал против отъезда дочери и дал официальное согласие. Вика писала отцу короткие электронные письма, но интереса к нему не испытывала. Порой казалось, что Вика пишет по обязанности. За письмами угадывались меркантильные интересы Карины, Макс будто слышал: «Вика, напиши отцу. Что тебе стоит? Черкни пару слов — дескать, у меня все хорошо. Не обломишься. У отца с бабушкой — две квартиры. К тому же Евдокия Павловна — бездетная дама. Сама посуду, кому все останется, а? Тебе. Вот и прояви внимание».

С появлением Интернета большую часть времени Макс проводил в виртуальном пространстве. Зарегистрировавшись в «Живом журнале», он завел блог, и в жэжэшном пространстве появился новый пользователь. В профиле Макс написал следующее:

— имя: тахтау

— дата рождения: 19.04.1954

— местонахождение: Москва

— способы связи: taxtau@livejournal.com

— интересы: психология, человек, литература, путешествия, мысли, самопознание, жизнь

— о себе: преподаватель Московского государственного лингвистического университета

— хобби: психология

Афоризмом блога стало любимое высказывание: «Чтобы найти себя, надо себя потерять».

В качестве аватарки Макс выбрал изображение собственного глаза — он его вырезал из фотографии. Миндалевидный разрез, шоколадная радужная оболочка, длинные ресницы. Аватаркой Макс остался доволен. Красивый глаз. Загадочный и сомневающийся одновременно.

Некоторое время Макс просматривал чужие посты, затем стал писать сам. У него появились друзья, они охотно комментировали его посты, спрашивали, просили совета, давали ссылки на интересные статьи. Через три года рейтинг блога тахтау так вырос, что Макс отважился на создание сообщества «*naidi_sebja*». Он стал его модератором, и вскоре к сообществу подтянулось около пятисот человек. Люди искали себя, занимались самообразованием, интересовались психологией.

Макс чувствовал, что нужен кому-то, и эта мысль приносила радость.

Какие только вопросы не обсуждали в сообществе: депрессия, одиночество, взаимоотношения, характер, ведическая психология и пр., пр. Макс видел, его постов ждут, на них реагируют. Скрытый за ником, Макс размышлял о том, что его волнует, и делал это предельно искренне. Наверное, это и был путь к себе.

Глава 12

Пять коней с шелковистыми гривами просились на простор, но разум держал их в узде. Сидя на облучке, разум следил за дорогой и правил колесницей. Мальчишка с озорным лицом привалился к вознице и с грустью смотрел на коней. Все четко, монотонно, солидно. И вдруг проснулась душа. Лицо мальчишки осветила улыбка. Толкнув возницу в бок, он попросил: «Дай поправить немного. Хотя бы часок». Просьба пришлась ко времени: возница, похоже, устал. Он протянул вожжи и строго сказал: «Только без глупостей. Смотри у меня». Мальчишка кивнул. Почувствовав переме-

ну, кони перешли на галоп. Возница задремал. Душа улыбнулась и прошептала: «Вперед, мой мальчик, вперед». И кони понеслись.

Макс взглянул на экран компьютера и набрал слово «любовь». Почему набрал, он бы не ответил. Просто импульс, желание найти нечто необычное. Макс листал страницу за страницей, но ничего интересного не видел. Как в сказке — и тридевятое царство прошел, и в тридешатое государство заглянул, а то, что искал, не встретил. Макса охватило возбуждение, и тут взгляд упал на строчку «Любовь. Взрослая сказка». Все необычное встречается вдруг. Увидел, почувствовал, и... душа отозвалась.

Макс открыл ссылку и оказался в «Живом журнале». Ник блогера — gibel, на аватарке — девушка на фоне заката, в ее ладонях — солнце. Маленькое, розовое, сияющее перламутром. Максимилиан взглянул на тэги. По опыту общения в социальных сетях он знал: тэги отражают интересы хозяина блога. «Литература», «мысли», «психология», «проза», «Москва», «Париж», «жизнь», «сказки». У Макса заныло сердце. Сладко, щемяще заныло. Возникло ощущение, что сердце пыталось что-то сказать.

Макс погрузился в дневник gibel и забыл о времени. Сказка о любви была написана месяц назад, а последние посты назывались «Детство» и «Свет и Тьма».

Детство

Помните, какими были в детстве? Веселыми, открытыми, беззаботными. Мы наслаждались жизнью, и в каждом мгновении видели счастье. Большое, радостное, наполненное событиями. Повзрослев, мы стали сравнивать себя с другими людьми. Ведь так всегда бывает — кто-то сильнее, стройнее, красивее, удачливее... И началась гонка. За призрачным счастьем. Результат очевиден: у нас менялись цели и ориентиры, а счастья не было.

А счастье никуда не ушло. Искрилось на солнце и шелестело дождем. Сидя на ветке, счастье чирикало во весь голос — дескать, вот оно я, только оглянись. А потом поднималось на небо и, выдавив тюбик перламутра, любовалось восходом и закатом.

— Эй! — кричало счастье. — Взгляните, какая красота.

«Когда нам глядеть? — возмутились мы. — Странно, ей-богу. У нас — дела, планы, проблемы...»

И не пожив по-настоящему, мы неслись в будущее — такое же иллюзорное, как призрачное счастье. Нам вслед несся хохот Старой Коряги. Подпертая березовым колом, она торчала на берегу озера и хорошо знала цену жизни. И цену иллюзиям тоже.

Свет и Тьма

Старой Коряге было лет сто, но выглядела она моложе — прежде всего потому, что помогала всем, кто к ней обращался. Так, например, услышав, что гномы боятся темноты, Коряга сказала:

— Смотрите на свет, и не увидите тьмы.

— И даже ночью? — спросил Анжи.

— В любое время суток.

Гномы отправились домой и, усевшись на крыльце, застыли в ожидании темноты. Ночь появилась неожиданно. Она выскочила из леса и, высоко подпрыгнув, оказалась на туче.

— Эге-ге! — крикнула Ночь.

Туча раскололась, и из нее вылетели звезды.

— Они похожи на ромашки, — прошептал Анжи.

— И на каждой сидит светлячок, — добавил Янек.

— Думаешь, звезды нас видят?

— Они чувствуют.

— И знают, что мы боимся темноты.

— Знают.
— А может, звездам кажется, что мы — огоньки?
— Это ты, брат, переборщил. У нас в руках — ни свечи, ни фонаря.
— Речь не о том, — прошептал Анжи. — Звезды глядят нам в глаза и видят в них свет.

Янек повернул брата к себе лицом.

— Видишь свет? — спросил Анжи.

— Вижу, — ответил Янек.

— А тьмы нет?

— Ни капли.

— Значит, Коряга права. Если смотреть на свет, тьмы не увидишь.

«Какая прелесть — эти миниатюры», — подумал Макс. Он отправил *gibel* запрос в друзья и под последним постом оставил комментарий:

maxmai

Ваши сказки — удивительные. Как верно: «Смотрите на свет, и не увидите тьмы». Спасибо!

Через некоторое время Рита Белых подтвердила запрос в друзья и по законам виртуального общения стала для Макса взаимным другом. Это означало, что Макс и Рита могли читать подзамочные посты друг друга — то есть видеть то, что предназначалось только друзьям. Одновременно с подтверждением запроса пришел ответ на комментарий.

ribel

Когда писала первую сказку, видела детскую трубу-мозаику. Помните ее? Малейшее движение, и картинка меняется. И каждая стекляшка нужна, каждая создает особый рисунок. Но мир — не труба, а мы — не стекляшки. Уверена, у каждого — свое место, и от того, какие мы, зависит картина мира. Наши мысли, слова и дела — «кирпичики» вектора добра и зла. Людям кажется, что от них ничего не зависит, но я абсолютно уверена, что каждый создает этот мир. КАЖДЫЙ!!!

«Вот это созвучие, — прочтя комментарий, обрадовался Макс. — Дуся права, каждая мысль имеет свою частоту. Отсюда вывод: люди с близким мировоззрением находятся в определенной части пространства, и оно связано с частотами мыслей».

Макс поспешил ответить.

maxmai

Трубу-мозаику помню. В последнее время часто повторяю: «Боже, помоги найти себя, принять и полюбить».

Ответ был таким.

ribel

Я тоже в подобном поиске. Знаете, что мне помогает? Мысль, что в каждом из нас — Бог. С каждым из нас Он проживает особую жизнь. Как только мысль вошла в мою суть, я многое поняла. В частности, такой, как я, больше нет. Я уникальна. Со всеми своими мыслями, делами, особенностями характера. И Бог любит меня и ждет, когда я полюблю себя. Думаю, если это случится, я стану по-настоящему свободной.

тахтаи

Спасибо!!! Для меня ваши слова очень важны.

ribeI

Всю жизнь идем во Тьме, однако в нас — Свет.

Последний комментарий привел Макса в состояние душевного волнения. Таинственная незнакомка, написавшая о детстве, свете и тьме, думала так же, как он. И говорила теми же словами.

В эту ночь Макс долго не мог уснуть. Он вспоминал комментарии Риты, реплики Дуси, слова матери. Они кружились над головой и подавали голоса.

«Случайностей нет. Жизнь — не дело случая».

«Всю жизнь идем во Тьме, а в нас — Свет».

«Необычное в обычном видят и слышат единицы. Таких людей я называю «чуткими»».

«Не нужно никого убеждать, как прекрасен мир. Сделай себя счастливым, и люди придут к тебе за советом».

Посеянное зерно скоро дало всходы. Макс думал о *ribeI*, следил за ее постами, комментировал, читал предыдущие записи. Рита Белых была Максиму интересна. Он видел в ней то, что любил в матери: поэтичность, романтизм, неторопливость, уважение к собеседнику, искренность и закрытость одновременно.

Так же как и Людмила Ивановна, Рита Белых оберегала свое личное пространство. Максиму было неясно, замужем она или нет, где работает... На странице *ribeI* были рецензии на прочитанные книги, миниатюры, заметки о жизни. Но что бы Рита ни писала, сквозь слова выглядывала душа. Трепетная, метущаяся, вопрошающая.

У незнакомки было много виртуальных друзей. Посты *ribeI* охотно комментировали, и Рита отвечала не торопясь, щедро даря внимание. По разумению Макса, в блоге Риты Белых присутствовал солнечный свет. Тот, который видишь с рассветом или закатом. Так что аватарка выбрана не случайно.

Рита была ветераном «Живого журнала». За четыре года у нее накопилось около двухсот записей. Макс прочел их все и в каждом посте пытался увидеть таинственную незнакомку. Некоторые тексты дали ему основание предположить, что Рита — незамужняя женщина, что три года назад она похоронила бабушку, что у нее есть сын.

Дошло до того, что Макс, скопировав и распечатав пару миниатюр, читал их перед сном.

Старые картины

Свет от старинной люстры освещал картины, развешанные по стенам комнаты. Картины смотрели друг на друга, и в их порядке был особый смысл. Справа от меня висели пейзажи. Здесь был луг, сосновый лес, пышная субтропическая растительность, степь, липовая аллея с солнечной дорожкой. Особенно трогательным был луг. Высокая трава еще не просохла от росы, и маленькие капли, отражая лучи солнца, походили на бриллианты. Колокольчики жмурились от яркого света, ромашки кивали белыми коронами, трава кланялась солнцу. Высоко в небе кружили две птицы. Они были едва заметны, но мне казалось, что я слышу их песни, вижу блестящие черные глаза.

«Эти птицы похожи на человеческие души, — глядя на картину, думала я. — Неуловимые, легкие, быстрокрылые. Души поют гимн утру, а их хозяева, уткнувшись в траву, видят счастливые сны».

Макс вернулся к картинкам в профиле *ibel*. Фото голубого янтаря вызвало недоумение. Разве такое бывает? Макс видел оранжевый, желтый, коричневый янтарь, но голубой... Похоже на нонсенс. Янтарь лежал в черной коробке на письменном столе. Рядом с фотографией приписка: «дедушкин подарок». Больше ничего.

«О дедушке она писала двадцать седьмого марта 2006 года, — вспомнил Макс. — Пост — подзамочный, с отключенными комментариями. Похоже, он был посвящен годовщине со дня смерти».

Родная душа

«Мое крыло хоть и старое, — говорил дедушка, — но большое и надежное».

Удивительный человек. Родился и вырос в эмиграции, последние десять лет прожил в России. Работал редактором Французского информационного агентства, во время войны — военным корреспондентом, затем — сотрудником русской секции французского радио и телевидения.

— А потом мои волосы поредели, лицо покрылось морщинами, телефон замолчал, на службе отодвинули и забыли, — рассказывал дедушка. — Когда вернулся в Россию, стал покупать русские книги. Первое время читал их с утра до вечера. Хотелось насладиться языком, узнать о русской жизни, понять русских людей. Книги знакомили меня с тем, что я чувствовал, но не понимал. Я бродил по московским улицам и переулкам, и на меня опускались воспоминания матери. Казалось, она идет рядом со мной и рассказывает о Москве. Далее наступил следующий этап. Я слушал радио, читал центральные газеты. Мне хотелось понять, что происходит в стране. Сначала говорили одно, а делали другое; затем произошли позитивные перемены. На Западе заговорили о России с большой тревогой. Это был хороший симптом.

Однажды во время прогулки по старой Москве у нас с дедушкой зашел такой разговор.

- Россия — слишком богатая страна. Плохо, что замков на воротах нет.
 - Почему плохо? — спросила я.
 - Всякие проходимцы норвят кусок оторвать.
 - По-моему, таких планов никто не вынашивает.
 - Не скажи. Кривую стрелу не исправишь. Никогда не задумывалась, какие страсти кипят за окнами? — неожиданно спросил он.
 - Задумывалась. Однако не поняла, как семейные страсти связаны с Россией?
 - Самым непосредственным образом. И в семьях, и в стране есть люди-неваляшки. У тебя была неваляшка?
 - Была. Когда была маленькой, все пыталась ее уложить. Положу, а неваляшка встает, и так до бесконечности. Потом потеряла к ней интерес, и она, широко улыбаясь, стояла в углу.
 - И люди-неваляшки улыбаются. Они живут по принципу: упал — поднялся. Вывалился в пыли, через мгновение встал и улыбнулся.
- Взглянув на окна домов, дедушка добавил:
- Однако в собственных квартирах эти неваляшки не улыбаются.
 - Вот как?
 - Сама подумай, сколько унижений за день, сколько поклонов.

В конце марта 2005 года я уехала в Париж. Первые впечатления, первое знакомство с городом. И вот, стоя у Лувра, увидела знакомый образ. Он появился в парижском воздухе и, приобретя контуры, опустился передо мной. Волосы дедушки были зачесаны назад; рука, затянутая в кожаную перчатку, опиралась на трость с набалдашником.

— Дедушка, — ахнула я.

Бескровные губы приоткрылись, и дедушка чуть слышно сказал:

— Прощай, голубушка.

— Не уходи!!! — закричала я.

Дедушка удалялся все дальше и дальше. Он не касался тротуара, он парил.

— Дедушка!!!

И в этот момент зазвонил мобильник. Из разговора с Варькой поняла: родная душа улетела. Увидимся ли еще?

В очередной раз перечитав записи Риты, Макс посмотрел в окно. Весеннее солнце позолотило облака, где-то внизу благоухала сирень.

Макс лег в кровать и закрыл глаза. Перед ним появилась пятерка лошадей, впряженных в золоченую колесницу. На облучке — две фигуры. Старик спал, мальчишка помахивал хлыстом. В колеснице сидела женщина в меховой накидке. Кони повернули, и равнина сменилась предгорьем. Мальчишка оглушительно свистнул. Женщина широко открыла глаза, и из них хлынул свет. На колесницу опустился ветер.

— Жизнь прекрасна, — сказал он.

— Верно, — ответила женщина. — Жизнь удивительна.

— Видишь, сирень зацвела.

— Чудесные лепестки...

— Она живет полной жизнью. И дарит радость.

Женщина рассмеялась. Ее смех походил на колокольчик и журчание ручья одновременно. Удивительный смех. Звонкий, с серебряным переливом.

Рита писала в ЖЖ раз в неделю, и в каждой записи пряталась тайна. Она скрывалась даже в рецензиях. Вроде бы не место ей там, а поди же — за строчками о сюжете мелькало загадочное лицо. Однако самая большая тайна пряталась в последнем посте. Он был написан под тэгом «жизнь». После этой записи Рита пропала.

Сон

Стоило закрыть глаза, увидела лестницу и блики, зацепившиеся в древесине. Поднявшись по лестнице, я распахнула дверь и замерла. Передо мной раскинулось озеро. Темные скалы, окружавшие его, походили на оправу черного серебра. Деревья, притаившиеся в горных расщелинах, напоминали часовых. Озеро обвивал узкий пляж. Он походил на золотой шнур и заканчивался кистью, к которой прилепился шалаш. Вход закрывала потрепанная шкура, на скрещенных жердях висел флаг. Казалось, по нему бегут таинственные знаки.

Солнце приблизилось к шалашу и, зацепившись за скалу, скрылось. Озеро заискрилось, и из его глубин хлынул ослепительный свет. По щекам потекли слезы. Я громко всхлипнула, и из глаз полились не ручьи, а целые реки слез. Мое тело содрогалось, и, глядя на свет, поднимающийся со дна озера, я рыдала, как никогда в жизни. Передо мной проносились картинки жизни и, выстроившись в ряд, скрывались за скалами.

Наконец слезы ушли. Шкура на входе в шалаш дрогнула, и показалась рука. Пальцы были обтянуты старческой кожей, на одном из них сверкал перстень. Он напоминал озеро. В какое-то мгновение мне даже показалось, что озеро перетекло в перстень и так же плавно вернулось обратно.

Как замороженная, я смотрела на перстень и ждала. Я чувствовала, что вслед за рукой появится ее владелец и именно он приоткроет тайну моей жизни.

Над озером повисла тишина, и из шалаша вышла старуха. Маленькая, худая, в нежной юбке, на голове — старый платок. Взглянув на меня, она улыбнулась.

— Здравствуй, голубушка. Вот и свиделись.

Я пригляделась. Узкий, с горбинкой нос, широкие скулы... — ба, да это старуха из моего прошлого.

— Видишь, как говорила, так и случилось, — сказала старуха. — Старое гадание, верное.

«Осталась с пустотой», — вспомнила я.

Старуха подняла палец и, выпустив луч, перстень потемнел. Невидимая стрела впиалась мне в сердце и впрыснула мощный поток энергии. Я ощутила себя девочкой. Да-да, эта девочка стояла на берегу, у ног плескалась озеро, а над головой искрился столб, напоминавший нить, спущенную с небес.

Старуха улыбнулась и поднесла дудку к губам. Над озером понеслась мелодия, и я забыла обо всем. Печали, обиды, разочарования... — все это кануло в прошлое, в настоящем была только старуха. Я поднялась над озером и полетела к скалам. И вдруг стало тихо. Я опустилась на берег.

— Сыграю в следующий раз, — сказала старуха.

Камень на перстне вздохнул. Да-да, я видела эту волну. Улыбнувшись, старуха добавила:

— Скоро встретишься с орлом.

— С орлом, — как эхо, повторила я.

Глаза старухи потемнели и стали черными.

— С ним полетишь спасать твоего ребенка.

— Когда это будет? — с ужасом спросила я.

— Летом.

Взглянув на потемневшее озеро, старуха поспешила к шалашу.

— Вчера не догонишь, от завтра не уйдешь, — пробормотала она и исчезла.

Пост *give* сопровождался тридцатью комментариями. Ритины друзья высказывали предположения, подбадривали, писали, что сны — это плод воображения и прочее, прочее.

Макса охватила оторопь. В его жизни была такая старуха. Она появилась два раза — на Ленинградском вокзале и во сне.

«Мистика», — подумал Макс.

Восстановив в памяти первую встречу, он вспомнил о платке с монограммой. Это был подарок старухи. Макса охватило беспокойство. Он давно не видел платка. Вдруг потерял при переезде? Макс выдвинул ящики письменного стола — платка не было.

«Потерял. И вероятность найти ничтожно мала».

Макс вспомнил, что на антресоли лежит чемодан со старыми вещами.

«Если ковбойка и светлые брюки в чемодане, платок может быть в одном из карманов».

Максимилиан достал чемодан и поставил его на пол. В ушах звучал оглушительный набат, ладони покрылись испариной. Брюк в чемодане не было, но ковбойка нашлась. Выцветшая, в бело-голубую клетку, она лежала на дне. Из кармана торчал уголок белого батиста. Макс вытащил платок и увидел инициалы «МБ».

— Может, Маргарита Бельх? — подумал он с мистическим ужасом.

В глазах у Макса потемнело, и он опустился на пол. Сколько Макс просидел на полу, трудно сказать. Хлопнула входная дверь, и в коридоре появилась Людмила Ивановна.

— Ты что-то потерял?

— Наоборот, нашел.

Макс уже пришел в себя. Спрятав платок в карман, он кивнул на ковбойку.

— Вот вспомнил молодость...

— Понятно, — улыбнулась Людмила Ивановна. — К потерянной встрече бреду наугад... туманней и легче дорога назад... Это — из песни Фроловой.

— Надо послушать.

— Дорога назад... И я по ней хожу. Признаюсь, грустно и сладко одновременно.

Людмила Ивановна пошла на кухню, а Макс, убрав чемодан на место, закрылся в комнате. Он достал платок и, аккуратно развернув, увидел свой волос. Черный, не седой. И тут же услышал голос старухи:

— Храни. Еще пригодится.

Помнится, он спросил:

— Зачем?

— Случайных встреч не бывает. Каждый человек, встретившийся на пути, что-то несет.

Макс включил компьютер. Открыв профиль gibel, он, не задумываясь, написал личное сообщение.

тахтаи

Здравствуйте, Рита!

Будучи юношей, я видел сон с подобной старухой. Не знаю, как к этому относиться. С одной стороны, я — взрослый мужчина, с другой... — прямо по Сократу — «знаю, что ничего не знаю».

Судите сами.

Ночь, сугробы, звезды над головой. Я бреду по лесу и вижу огонек. Проваливаясь в сугробах, вышел на поляну. Посреди поляны горел костер, рядом сидела старушка. Широкая юбка из грубой ткани, бархатный полушубок, на голове — пуховый платок, на ногах — валенки. Старуха пристроилась на пеньке и подбрасывала в огонь ветки. Я поздоровался. Бросив в костер полено, старуха сказала:

— В зависимости от того, что внутри, человек дарит тот или иной свет.

— Человек так же одинок, как звезда, — заметил я.

— Это нормально, — ответила старуха. — Если не движешься внутрь, движешься наружу.

— Как узнать, что внутри, если не знаешь того, что снаружи?

— Иди и смотри.

Огонь осветил старуху, и я увидел узкий с горбинкой нос, широкие скулы, огромные, миндалевидные глаза.

— Каждый идет туда, где не был, — сказала старуха. — Много дорог, много направлений. А путь освещает внутренний свет. Если его нет, идешь во тьме; если вспыхнул, никогда не померкнет.

Я многое забыл, но смысл сна был таким.

К чему веду разговор? Старуху видел раньше — на Ленинградском вокзале. Она спасла меня от цыганки. Старуха выглядела так же, как во сне — только одета была как нищенка. На прощание она подарила платок из батиста и приказала его хранить — дескать, со временем пригодится.

Простите за дурацкий вопрос. Нет ли у вас носовых платков с монограммой?

Максимилиан.

Макс даже вспотел от своей решительности. Он пошел в душ и долго стоял под холодной водой. Вытерев докрасна тело, Макс отправился на кухню. Людмила Ивановна готовила ужин.

— Mam, ты в чудеса веришь?

— Конечно.

— Для женщины это нормальный ответ. Если бы так ответил мужчина, было бы странно.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Один из героев Толстого, Пьер Безухов, сказал: «Знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческой премудрости». Думаю, в уста Пье-

ра Толстой вложил свою мысль. Теперь ответ на вопрос: Лев Николаевич Толстой был странным мужчиной или нет?

- Толстой — гений.
- Это верно.
- Но почему о чудесах не принято говорить?
- Кем не принято?

Людмила Ивановна подошла к сыну. Пригладив его полуседые волосы, она добавила:

— Люди боятся показаться смешными, поэтому и говорят то, что принято. А внутренне свободный человек говорит то, что думает.

— С этим согласен.

Макс вернулся к компьютеру и увидел ответ:

ribel

Добрый вечер, Максимилиан!

Спасибо за письмо. Признаюсь, совпадение поразило. И внешний вид старухи, и ее слова... Однако теперь ничему не удивляюсь. Объясню почему. Три года назад попала в водоворот таких чудес, что только романы писать. И все началось в предновогоднюю неделю.

Платки с монограммой у меня есть. Буквы «МБ» на правом углу. Это — мамин подарок.

Извините, но я не поняла, почему вы спросили о платке?

Рита.

Макс чуть не подпрыгнул от радости.

«Вот оно — чудо. Или пересечение. Почему, зачем — неважно. Старуха — волшебный помощник, я — герой. Отправился в путь, а по дороге кого только не встретил. И по башке не раз получил, и на перекрестках стоял, и в болотах тонул, и на солнце нежился. Словом, не жизнь — сказочная история».

тахтаи

Добрый день, Рита!

Не знаю, что думать. Платок с монограммой подарила старуха.

Максимилиан.

Перечитав переписку, Макс подумал:

«Посмотрел бы на эти письма прагматик, сказал бы: „Шизанутые люди. Вместо того чтобы делом заниматься, посты пишут, комментируют. А разговор о старухе — из репертуара психбольницы“».

Макс усмехнулся. Он давно понял: прагматичные люди не ходят в блоги, где ведут подобные разговоры. Им это незачем. Прагматичные люди не тратят время на поиск созвучия, не открывают душу; они зарабатывают деньги, смотрят телевизор и кушают попкорн. Ну и на здоровье. Каждому — свое.

Глава 13

Рита на последнее письмо Макса не ответила. Мало того, не выкладывала новые посты, не комментировала записи друзей, не появлялась в сообществе «naidi_sebja».

«Уехала отдохнуть», — подумал Макс.

Однако прошел август, сентябрь, октябрь, а Рита не появлялась. Макса охватило беспокойство. Чтобы отвлечься, он ежедневно гулял в Воронцовском парке.

В парке царила осень. Ветер раскачивал деревья, гнал по дорожкам пыль, поднимал увядшие листья, закручивал их в воронки. Макс подставлял ветру лицо и наслаждался его порывами. Под ногами шуршали листья, и на память приходили строчки из старой песни:

И от осени не спрятаться, не скрыться,
Листья желтые, скажите, что вам снится.

У Макса не было тоски и печали — он их оставил в прошлом. В настоящем царил баланс. Минимум эмоций, максимум размышлений. Макс казалось, что он приподнялся над жизнью, увидел то, чего прежде не замечал. Он походил на муравья, которого подхватил ветер и посадил на вершину старого дуба. «Вот это да, — глядя вниз, кричал муравей. — Оказывается, в лесу много тропинок. А я думал, одна — та, что ведет к муравейнику. А сколько цветов. На поле, в лесу, на лугу. Мне казалось, их мало — россыпь кислицы у старой ели, мать-мачеха, растущая вдоль тропинки, семейство ромашек».

На смену ветру примчалась метель. Она пронеслась над Москвой и, прикрыв порошей газоны, отправилась на восток. За метелью последовала оттепель. Оставив лужи слез, и она исчезла в неизвестном направлении. Ледяной дождь, гололедица, мороз, циклон... — кого только не было в столице. Наконец город примерил белое платье, и у торговых центров появились елки. Москва замерла в ожидании Нового года.

Максимилиан оторвался от компьютера и, посмотрев в окно, сказал:

— Пойду прогуляюсь.

— Вот и хорошо. Настоящая предновогодняя погода. Солнечный день, мороз, — ответила Людмила Ивановна.

Макс вышел из дома и глубоко вздохнул. В воздухе витало нечто необычное — скажочное. Изменив привычке ездить на машине, Макс дошел до метро и, сев в поезд, задумался.

«Мне пятьдесят четыре. Это много или мало? Говорят, время и ценности относительны. Вероятно, так. По большому счету в последние годы все встало на свои места. Я нашел занятие, бросил пить, стал заниматься спортом. Однако чувства спят, и это плохо. Если они не проснутся, жизненный огонь потухнет».

На станции «Чистые Пруды» Макс очнулся и вышел. Чистопрудный бульвар, Покровка, Лялин переулок... Москва в белом платье и с яркими гирляндами на плечах напоминала барыню. Новогодняя маска на лице, веер в руке, пышные кружева. Макс нравилась предновогодняя Москва. И ветру тоже. Он целовал ее локоны, играл с полупрозрачной кисеей, осыпал платье искрящимися снежинками. Москва улыбалась, и в прорезях маски сверкали ее глаза.

Решив перекусить, Макс остановился у ближайшего кафе.

«Булошная, — прочел он. — Не то ли это кафе, чью фотографию Рита разместила в ЖЖ? Да-да. То самое. Оно как-то связано с Ритой».

Перед «Булошной» появилась женщина. Невысокая, в норковом полушубке, с полудлинными волосами. Женщина несла елку. Поскользнувшись у порога кафе, она упала. Макс бросился на помощь.

— Ничего не сломали? — спросил он.

— Похоже, подвернула ногу.

— Обопритесь на меня. Я провожу. Не возражаете?

— Спасибо. Мне недалеко — в соседний переулок.

Макс довел женщину до дома, вошел в подъезд, поднялся на второй этаж. Женщина открыла дверь, и первое, что бросилось в глаза, — множество подсветок. Лампочки были в потолке, на стенах, в шкафах. Макс показалось, что он попал в шкатулку со светлячками.

— Красиво.

Женщина улыбнулась. Она сняла полушубок и попыталась разуться.

— Ой!

— Не надо ничего делать.

Макс усадил женщину на пуф и снял с нее сапоги.

— Столько хлопот, — сказала она. — Признаюсь, мне неудобно.

Женщина взглянула на Макса. В больших зеленых глазах мелькнула улыбка.

— Хотите кофе?

— А как же нога?

— Ходить можно.

— Кофе и я могу сварить.

— Э, нет, — улыбнулась женщина. — Такой кофе не сварите.

Прихрамывая, она направилась на кухню. На пороге женщина обернулась.

— Проходите в комнату, — сказала она.

Макс снял куртку и взглянул на себя в зеркало. Собственным внешним видом он остался доволен. Вполне интересный мужчина — высокий, стройный, с выразительными карими глазами. Макс вошел в комнату и огляделся. В глаза бросились книжные шкафы и диван, покрытый коричневой кожей. Стены комнаты были обшиты деревянными панелями и так же, как холл, создавали иллюзию шкатулки.

Макс подошел к окну и замер. На круглой тумбе стоял бронзовый канделябр, похожий на дерево. Таинственные письма на стволе, причудливые ветви, вместо листьев — хрустальные подвески. Макс дотронулся до бронзового ствола, и хрустальные листья зазвенели. В дверях появилась хозяйка. Она держала поднос с кофейником и фарфоровыми чашками. Комнату наполнил кофейный аромат.

— Дедушкин канделябр, — сказала женщина. — Он называл его деревом жизни.

По спине Макса прокатилась жаркая волна. Он бросил взгляд на письменный стол и увидел синий янтарь.

Поставив поднос на стол, женщина села на диван.

«Разве такое возможно?» — подумал Макс.

Справившись с волнением, он представился:

— Меня зовут Максимилиан. Если вы Рита Белых, значит, мы знакомы.

— Я — Рита Белых.

— Боюсь, что сплю. Дело в том...

— Максимилиан, — пробормотала Рита. — Махмау?

— Да-да. Я вам писал. И о старухе, и о платке...

Макс чувствовал себя неловко.

Похоже, Рита его с трудом вспомнила. А он размечтался... Любовь, романтика, работа...

— Мне нравятся ваши записи. Они — такие искренние... И слог хороший.

Рита смутилась.

— Простите. Во мне проснулся учитель литературы.

Она взяла чашку и, вдохнув кофейный аромат, пригласила Макса к столу. Тот сел на краешек кресла и искоса посмотрел на Риту.

«Изящная. С правильными чертами лица и большими, грустными глазами».

Макс попробовал кофе. Ничего лучше он не пил.

— Вкусно? — улыбнулась Рита. — Хотите, расскажу, как варить?

Макс кивнул. От волнения он не мог ни говорить, ни думать.

— Я его приготовила по дедушкиному рецепту. Кофе заливаете горячей водой, добавляете щепотку корицы и апельсиновую цедру. Как только появится пенка, снимаете с плиты, смешиваете кофе с рюмкой портвейна и включаете миксер. Как говорил дедушка, главное — строгое соблюдение технологии.

— Попробую приготовить кофе для мамы и Дуси. Думаю, им понравится.

Сказав эту фразу, Макс покраснел.

— Как мило, — улыбнулась Рита. — Мама и Дуся. А у меня нет мамы. Есть только сын. Из-за него я полгода не выходила в Интернет.

— Что-то случилось? — встревожился Макс.

— У сына — порок сердца. Ездили с ним в Париж, сделали операцию.

— Все нормально?

— Да.

— У меня — взрослая дочь, она живет в Германии.

— Такое впечатление, что я вас видела, — сказала Рита. — То ли наяву, то ли во сне.

В Рите не было ни капли позерства. Она не пыталась произвести впечатление, не строила глазки, не принимала эффектные позы.

— Странно, не правда ли? За два дня до Нового года мы с вами оказались в одной точке. Могли бы пройти мимо, и вдруг мое падение. Тут волей-неволей познакомишься.

Рита улыбнулась.

— Как думаете, почему я упала?

— Поскользнулись.

— Удивительно. Поскользнулась прямо перед вами. Не сломала ногу, просто слегка подвернула. Однако повод для знакомства появился. Вы проводили меня до дому, увидели янтарь, вспомнили фотографию и...

— И понял, кто на моих глазах подвернул ногу, — добавил Макс.

— Прodelки судьбы. А зачем, почему — неизвестно.

«Все верно — встреча не случайна, — подумал Макс. — И вообще, жизнь — не дело случая».

— Четыре года назад у меня были две встречи. Тоже предновогодние. Я была в эйфории. Разве такое возможно? Нет-нет, это — сказка. А потом поняла, жизнь и есть сказка. В ней — такие чудеса, что волей-неволей подумаешь, что все predetermined.

— Но как это возможно? — спросил Макс.

— Не знаю. Я таких вопросов больше не задаю. Однако удивляться удивляюсь. В свое время старуха предсказала и мои встречи, и моего сына. Помните сон, что выложила в ЖЖ?

— Конечно, — ответил Макс. — Его активно обсуждали.

— Концовка была такая: «Встретишь орла и полетишь спасать твоего ребенка». — «Когда это будет?» — спросила я. Взглянув на озеро, старуха нахмурилась. «Летом», — ответила она. Так и получила. Подозрения на порок сердца были и раньше. А тут приступ, синие губы... — словом, я схватила сына и улетела в Париж.

— Не боялись? Все-таки самолет, перепад давления...

— Чему быть, того не миновать.

Макс поднял брови.

«Лизина фраза».

— Откуда синий янтарь?

— Из Доминиканской Республики, — ответила Рита. — Дедушка говорил, огромная редкость.

— Почему?

— Солнечный камень с кусочком неба.

Рита встала.

— Извините, Максимилиан. Мне пора за сыном.

— Как же нога?

— Дойду потихоньку. Сын недалеко — в соседнем доме.

Макс накинул куртку и помог Рите одеться. Они вышли из подъезда.

— Рада знакомству, — сказала Рита. — Заходите.

— Можно номер телефона?

Рита продиктовала номер, махнула рукой и, припадая на правую ногу, пошла к Лялиному переулку. Макс смотрел вслед. Сделав несколько шагов, Рита остановилась. Обернувшись, она спросила:

— Вы написали о платке. Он с вами?

— Да, — сказал Макс.

— Покажите.

Макс подошел к Рите и протянул подарок старухи. Последнее время он носил его с собой.

— Мой платок, — сказала Рита. — Извините, сколько вам лет?

— Пятьдесят четыре, — ответил Макс.

— Значит, платок появился, когда вам было...

— Семнадцать.

— Мистика!

Макс понимал, Рита права — такие совпадения по-другому не назовешь. Тем не менее он спросил:

— Почему мистика?

— Когда мне исполнилось три года, мама купила батист и сшила дюжину платков. Вышив на каждом монограмму, она убрала их в комод и сказала: «Это — твоё приданое». Через какое-то время платков оказалось одиннадцать. Помню, мама пошутила — дескать, один платок жених утащил. «Какой?» — спросила я. «Барабашка», — ответила мама.

— Соколик, доведи до церкви. Уж больно скользко сегодня.

Макс повернулся и увидел старуху. Маленькая, в нелепой шубе, на голове — желтый шарф. Ни дать ни взять — нищенка. Однако лицо старухи притягивало взгляд. Узкий с горбинкой нос, широкие скулы, необычные губы.

— Вот и свиделись, — сказала старуха. — Зайдешь в церковь?

Макс кивнул. Придерживая старуху, он вошел в Яковоапостольскую церковь. В руке старухи появились свечи. Протянув Максу свечу, старуха сказала:

— Поставь на помин отца. Многого он не понял, так и умер во тьме. Однако отца не кори. Как мог, так и жил.

Старуха отдала Максу вторую свечу и подошла к старой иконе.

— Иоанн Апостол. Поставь свечу здесь. За здравие матушки. Дай Бог ей здоровья.

Старуха перекрестилась.

— Третья свеча — для тебя. Ставь рядом со второй. И перекрестись.

Макс зажег свечу и, глядя на лик Иоанна Апостола, перекрестился.

— Вот и хорошо, — сказала старуха. — Если свет осветил душу, он не померкнет.

— А Тьма? Что будет с ней?

— Уйдет в Зазеркалье.

Макс потянулся к старческой руке и неожиданно для себя поцеловал.

— Спасибо за все, что сделали для меня.

— Эка как хорошо сказал, — улыбнулась старуха. — И дальше благодари. Чем чаще, тем лучше.

Макс кивнул и вышел из церкви. Ему казалось, что он скинул с плеч двойника. Могущественного и коварного. Того, кто тянул в Зазеркалье, кто не давал вернуться к себе.

Проходя мимо сквера, Макс обратил внимание на парня с гитарой. Тот сидел на скамейке и, глядя на окна дома, перебирал струны. Макс подошел к парню, и тот запел:

Когда я устану жить,
Когда я устану петь,
К себе меня привяжи,
Чтоб сердце мое согреть.

Когда я устану петь,
Когда не смогу летать,
Чтоб глупо не умереть,
Позволь мне тебя желать.